М 76/641
сер. 2 ~ 5 1899

Спб. 1899 г.

37/816

М 76/641

Изданіе О. Н. Поповой.

В. БОЛИНЪ.

СПИНОЗА.

(Съ портретомъ).

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. СТРУВЕ.

Книжный магазинъ и складъ изданій **О. Н. Поповой,**
С.-Петербургъ, Невскій, 54.

Книгоиздательство и книжный магазинъ О. Н. ПОПОВОЙ,

С.-Петербургъ, Невскій, 54.

Изданія О. Н. Поповой.

Образовательная библіотека.

Изданіе выходитъ серіями, по одной въ годъ, заключающими каждая 10 книжекъ отъ 7 до 12 печатныхъ листовъ небольшого формата плотной печати.

Задача Образоват. Библіотеки — дать рядъ общедоступно составленныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ научнаго знанія. Естествознаніе во всемъ его объемѣ, философія и ея исторія, психологія, этика и эстетика, исторія культуры и соціологія, политическая экономія и правовѣденіе, исторія литературы и искуства—всѣ эти отрасли будутъ представлены въ „Образ Библіотекѣ".

Серія 1898 года.

Вышли изъ печати:

ПАРВУСЪ. Міровой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. (Der Weltmarkt und die Agrarkrisis). Переводъ съ нѣмецкаго Л. Я. Ц. 40 к.

ЧЕМБЕРСЪ. Солнечная система. Переводъ съ англійск. В. Щиглевой. Съ 78 рис. Ц. 40 к.

ЛАНГЛУА и СЕНЬОБОСЪ. Введеніе въ изученіе исторіи. Переводъ съ французскаго А. Серебряковой. Спб. 99. Ц. 1 р.

Выйдутъ, между прочимъ, слѣдующія сочиненія: **Гумпловичъ**, Основанія соціологіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. В. М. Гессена. **Мильталеръ**, Что такое красота. Введеніе въ эстетику. Перев. З. А. Венгеровой и др.

2-я серія составитъ **около 100 печатныхъ листовъ (до 1.600 страницъ).**

Цѣна по подпискѣ 4 р., съ перес. 5 р.

Серія 1897 года.

№ 1 и 2. **Э. КЛОДДЪ. Картина міра. Дѣтство человѣчества. Піонеры эволюціи XIX в.** 488 стр. съ 93 рис. Ц 1 р.

№ 3. **Д. ЧЕМБЕРСЪ. Повѣсть о звѣздахъ.** 20 рисунк. и 2 карт. всего звѣзднаго неба. 132 стр. Ц. 40 к. Учен. Комитет. М. Нар. Просв. **рекомендована** для ученич. библіотекъ (старш. и средн. возр.) средн. учебн. заведеній, мужескихъ и женскихъ, и для безплатн. народн. библіотекъ и читаленъ.

№ 4 и 5. **Н. КАРЫШЕВЪ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ** 600 стр. Ц. 1 р. 20 к.

№ 6 и 7. **А. ЛАМПА. Силы природы и естественные законы.** Съ портретами: Ньютона, Галилея, Кавендиша, Фарадея, Гельмгольца, Лапласа, Канта, Тиндаля, Джоуля, Бунзена, Максвелля, Кельвина, Сименса, Герца и Рентгена. Двѣ части. 200 . 320 стр. Ц. по 50 к. за часть.

Учен. К. М. Н. Пр. признана заслуживающей **особой рекомендаціи** для фундам. и ученич. старш. возр., библ. мужск. гимназій и реальн. училищъ, для фундам. библ. женск. гимн. и учит. институтовъ и семинарій, а также для народн. библ. и читаленъ.

№ 8 и 9. **СѢЧЕНОВЪ. Физіологическіе очерки.** Съ 116 рис. Ц. за 2 части 1 р. 50 к.

№ 10. **КРОПЕНБЕРГЪ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли.** 120 стр., съ портретомъ Канта. Ц. 40 к.

Цѣна 1-ой серіи 4 р., съ перес. 5 р. При розничной продажѣ учащимся 20% уступки.

Въ **1899 г.** изданіе **„Образовательной Библіотеки"** будетъ преслѣдовать тѣ же задачи, что и въ текущемъ году.

Общее руководство изданіемъ съ 1899 г. взялъ на себя П. Б. СТРУВЕ.

Предположительное содержаніе серіи 1899 г. таково:

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Образовательная библіотека.
Серія 2-я (1898 г.) № 5.

37
816
М 76/641
801-90
8576-5

В. Болинъ
Проф. Гельсингфорскаго Университета.

СПИНОЗА.

Біографическій и культурноисторическій очеркъ.

Переводъ съ нѣмецкаго
З. Н. Журавской и **Д. В. Страндена**.

Подъ редакціей **П. Струве**.

Цѣна **60** к.

473
Оg3
Румянцевскій музей
Публ. библ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ и складъ изданій **О. Н. Поповой**.
С.-Петербургъ, Невскій, 54.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Сентября 1898 г.

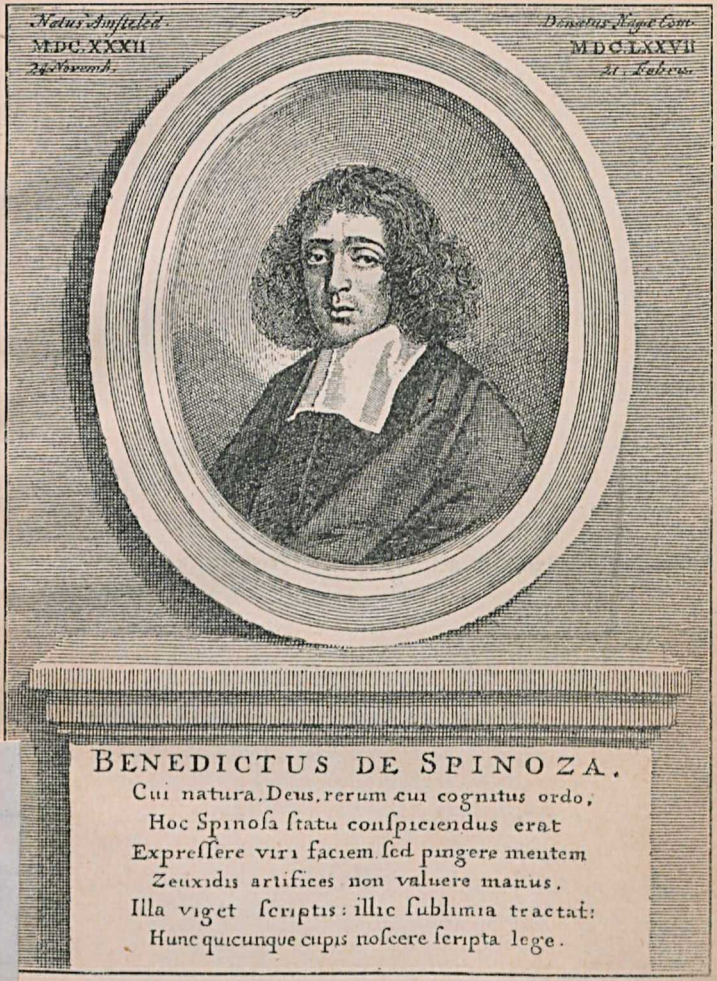
41841-0

2007334106

Текстъ печатанъ въ Невской типографіи, Шлиссельбургскій просп., 16.
Обложка и титулъ печатаны въ тип. Исидора Гольдберга, Екатерин. кан., 94.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	20/12 г.
		сер 2 25				9	24/50	


Natus Amstelod.
MDC.XXXII
24. Novemb.
Denatus Hagae Com.
MDC.LXXVII
21. Febru.
BENEDICTUS DE SPINOZA.
Cui natura, Deus, rerum cui cognitus ordo,
Hoc Spinosa statu conspiciendus erat
Expressere viri faciem sed pingere mentem
Zeuxidis artifices non valuere manus.
Illa viget scriptis: illic sublimia tractat:
Hunc quicunque cupis noscere scripta lege.

ВВЕДЕНІЕ.

Завидное преимущество потомковъ провѣрять сужденія предковъ,—для того-ли, чтобы свести къ дѣйствительной цѣнности то, что ранѣе цѣнили и прославляли свыше мѣры, для того-ли, чтобы воздать должное заслугамъ, стремленіямъ и дѣятельности тѣхъ, кому до тѣхъ поръ было въ этомъ отказано,—рѣдко представляется болѣе отраднымъ и поучительнымъ, чѣмъ по отношенію къ человѣку, которому посвящена эта книга.

По своей дѣятельности, Спиноза принадлежитъ второй половинѣ XVII вѣка, но оцѣненъ по достоинству онъ былъ лишь сто лѣтъ спустя. Правда, и при жизни онъ пользовался извѣстностью, и даже большей, чѣмъ онъ того желалъ; но, если исключить маленькій кружокъ восторженныхъ почитателей, любовной заботливости которыхъ мы обязаны сохраненіемъ его сочиненій, эти послѣднія не были поняты современниками, хотя въ нихъ Спиноза достигъ кульминаціонной точки тогдашней образованности. Еще много времени спустя послѣ его кончины продолжались жаркіе споры, приводились тѣ же доводы, съ какими враги его выступали противъ него при жизни; еще долго поносили его память и съ безсовѣстнымъ легкомысліемъ осу-

ждали его ученіе, какъ опасное. Знакомясь съ этимъ ученіемъ по большей части изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, его просто на просто признавали *атеистическимъ*, и эта репутація удержалась за нимъ вплоть до половины XVIII столѣтія.

Самъ Вольтеръ[1], любившій хвастать тѣмъ, что онъ уничтожилъ предразсудки своего вѣка, находился подъ властью превратнаго и неосновательнаго убѣжденія, будто Спиноза былъ атеистомъ, въ полномъ значеніи этого слова. Что Спиноза не признавалъ существованія Бога и употреблялъ этотъ терминъ только для того, чтобы не слишкомъ запугивать своихъ читателей; что именно въ виду этого онъ предписывалъ имъ любить и чтить Бога,—все это было для Вольтера вопросомъ рѣшеннымъ. Относительно честности намѣреній знаменитаго философа и благородства его характера, по словамъ Вольтера, не можетъ быть никакихъ сомнѣній; но воззрѣнія его, въ смыслѣ ясности и устойчивости, равно, какъ и вся его система доказательствъ, оставляютъ желать многаго.

Въ силу геометрическаго склада своего ума, Спиноза повсюду ставилъ положенія, которыя онъ считалъ доказанными, но которыя были совершенно неясны для него самого, а другихъ только вводятъ въ заблужденіе. Особенно это относится къ его отрицанію конечныхъ причинъ (Zweckursachen), которыя очевидно сами по себѣ суть доказательства бытія и дѣятельности Божіей.

Въ виду этого Вольтеръ сильно сомнѣвается, чтобы Спиноза на самомъ дѣлѣ былъ такъ опасенъ, какъ это утверждаютъ о немъ.—Онъ лично рѣшительно опровергаетъ такое мнѣніе, именно потому, что находитъ мышленіе Спинозы туманнымъ и сбивчивымъ; къ тому же его сочиненія написаны на плохомъ латинскомъ языкѣ, и хотя они были

переведены, въ Европѣ не найдется и десяти человѣкъ, которые прочитали ихъ отъ начала до конца.

Какъ ни неправильно это сужденіе Вольтера о Спинозѣ, оно уже явно знаменуетъ собою начало поворота въ принятомъ до тѣхъ поръ отношеніи къ этому мыслителю. Умственная косность, которая, въ теченіе цѣлаго вѣка, дѣлала его предметомъ ожесточенныхъ нападокъ, обвиненій въ ереси и оскорбительнаго презрѣнія, уступила мѣсто болѣе свободному образу мыслей. Мало по малу обратились къ серьезному изученію его до тѣхъ поръ неизслѣдованныхъ и непонятыхъ твореній, и всѣ предразсудки относительно его сразу рухнули.

Его причислили къ самымъ выдающимся умственнымъ героямъ новѣйшихъ временъ. Его сочиненія, въ концѣ прошлаго вѣка составлявшія рѣдкость въ книжной торговлѣ, стали выходить многочисленными изданіями, и на латинскомъ языкѣ, и въ многочисленныхъ переводахъ [2]. Научная литература о Спинозѣ въ настоящее время составляетъ цѣлую библіотеку въ нѣсколько сотъ томовъ, а сочиненій, гдѣ о немъ говорится мимоходомъ, и не перечесть,— не говоря уже о тѣхъ, гдѣ встрѣчаются ссылки на него или почтительно упоминается его имя. Мало по малу уваженіе къ нему настолько возрасло, что въ XIX столѣтіи рѣшено было соорудить ему памятникъ [3], который и возвышается въ Гаагѣ,—городѣ, гдѣ протекли послѣдніе годы его дѣятельности и откуда, по мѣткому выраженію его младшаго современника, *Пьера Бэйля*, несмотря на тихую, замкнутую жизнь Спинозы, имя и слава его облетѣли цѣлый міръ.

Памятникомъ философа почтила его родина [4]. Честь признанія въ Спинозѣ одного изъ геніальнѣйшихъ и лучшихъ представителей человѣчества принадлежитъ эпохѣ *нѣмецкаго*

просвѣщенія и непосредственно слѣдовавшему за ней литературному періоду.

Каждый изъ великихъ людей, славными именами которыхъ вѣчно будетъ гордиться всякій образованный нѣмецъ, способствовалъ до извѣстной степени признанію и правильной оцѣнкѣ Спинозы. Первое мѣсто между ними слѣдуетъ отвести *Лессингу*, затѣмъ *Гердеру* и *Якоби;* всѣ трое высказали полное пониманіе его ученія. Съ какимъ любовнымъ восхищеніемъ изучалъ Гёте великаго мыслителя памятно каждому, кто читалъ „Wahrheit und Dichtung". „Философскія письма" Шиллера показываютъ, что и онъ читалъ и понималъ Спинозу, и вполнѣ ясно сознавалъ, какую выдающуюся роль игралъ этотъ философъ въ умственномъ развитіи своего вѣка. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія огромное значеніе Спинозы было уже признано неоспоримымъ; горячимъ почитателемъ его явился *Шлейермахеръ*, своимъ рѣшительнымъ и компетентнымъ словомъ снявшій съ него наконецъ произвольно навязанное ему обвиненіе въ атеизмѣ [5].

Тѣмъ временемъ въ области самой философіи наступилъ поворотъ, вызванный появленіемъ Кантовской *„Критики чистаго разума"*. Поворотъ этотъ знаменовалъ собою разрывы съ той фазой въ развитіи философіи и міровоззрѣнія вообще, выразителемъ которой являлся Спиноза, и требовалъ такого преобразованія философскаго изслѣдованія, на основѣ теоріи познанія, какое для Спинозы, при его точкѣ зрѣнія, было недостижимо. Но, прежде чѣмъ совершился неизбѣжный разрывъ со старыми воззрѣніями и научными методами, типичнымъ образцомъ которыхъ является система Спинозы, его ученію суждено было еще разъ возродиться въ спекулятивной философіи послѣкантовскаго періода, господствовавшей въ умственной жизни нашего столѣтія вплоть до половины его. Казалось, необходимо было

исчерпать до конца сокровища мысли, такъ долго хранившіяся нетронутыми въ писаніяхъ Спинозы, для того, чтобы люди сдѣлались способными воспринимать и понимать строй мыслей выразителя новой эпохи, Канта [6].

На всѣхъ этихъ, быстро смѣнявшихъ другъ друга системахъ, имѣвшихъ цѣлью „одолѣть Канта", лежитъ печать основныхъ воззрѣній Спинозы и его метода мышленія. Уже *Фихте* [7], который слыветъ полной противоположностью Канту, не гнушался подкрѣплять свою философію тѣмъ, что проводилъ параллель между нею и ученіемъ Спинозы, причемъ выставлялъ на видъ то обстоятельство, что все, на его взглядъ, цѣнное и прочное у Спинозы, вошло въ его, Фихте, „Wissenshaftslehre", только гораздо болѣе обоснованнымъ, освобожденнымъ отъ половинчатости и противорѣчій, допущенныхъ его предшественникомъ. Естественно, что и *Шеллингъ* [8] въ своей „Naturphilosophie", представляющей тоже ученіе Фихте, только въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, искалъ поддержки въ Спинозѣ, причемъ также сильно подчеркивалъ значеніе и важность своего единомыслія съ нимъ. Онъ видитъ въ Спинозѣ счастливца, нашедшаго разрѣшеніе для вопросовъ, надъ которыми многія тысячелѣтія бился человѣческій умъ, создавая миѳы и поэтическіе вымыслы, легшіе въ основу религій различныхъ народовъ,—бился до тѣхъ поръ, пока этому высокому генію не удалось, наконецъ, открыть основную идею, основное понятіе о связи между духомъ и матеріей—идею, за которую крѣпко держались всѣ послѣдующія поколѣнія философовъ. *Гегель* [9] еще рѣшительнѣе заявляетъ себя послѣдователемъ Спинозы, не только потому, что въ Спинозѣ-мыслителѣ онъ чтитъ идеалъ того, что для него представляется цѣлью человѣческаго бытія и стремленій, но и потому, что, по его мнѣнію, „сдѣлаться *„спинозистомъ"* есть начало всякаго фи-

лософствованія; необходимо окунуть душу въ эфиръ единой субстанціи, въ которой растворено все, что до тѣхъ поръ почиталось за истину". Самъ *Шопенгауэръ*[10], заклятый врагъ трехъ вышеназванныхъ свѣтилъ философіи, въ пониманіи Канта далеко превосходившій всѣхъ философовъ того времени, подчеркиваетъ связь своей системы съ ученіемъ Спинозы, уподобляя ихъ взаимное отношеніе между собою отношенію между старымъ и новымъ завѣтомъ, обѣтованіемъ и исполненіемъ.

Возрожденіе ученія Спинозы сыграло свою роль въ упроченіи его славы, но это нисколько не мѣняетъ дѣла, и Спиноза все таки принадлежитъ давно прошедшей научной фазѣ. Противники Канта, въ своемъ натискѣ на „Критику чистаго разума", обративъ свои взоры въ прошлое, вытащили на поле битвы философію Спинозы, какъ нѣкогда кастильянцы мертваго Сида, и долго удерживали за собой занятую позицію, пока, наконецъ, не пришелъ и имъ чередъ сойти со сцены. Теперь ихъ значеніе признаютъ лишь приверженцы избитыхъ и отжившихъ идей, иногда еще попадающіеся въ наше время въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческаго знанія.

Что ученіе Спинозы, отсталое, въ сравненіи съ положительными выводами опытнаго изслѣдованія, при обратномъ теченіи въ наукѣ, нашло себѣ сторонниковъ и защитниковъ,—это понятно само собой. Тѣмъ болѣе страннымъ представляется пренебрежительное отношеніе къ нему его современниковъ и ближайшихъ къ нимъ поколѣній. Разъ понадобилось цѣлое столѣтіе для того, чтобы люди научились воздавать должное великому философу,—очевидно, онъ далеко опередилъ свое время; а между тѣмъ своимъ окончательнымъ признаніемъ онъ обязанъ не прогрессивному, а регрессивному, обратному теченію въ наукѣ: этотъ фактъ наводитъ на размышленія.

Самъ собой возникаетъ вопросъ: какое вліяніе имѣлъ на Спинозу его вѣкъ, и обратно? Что ученіе его всецѣло основывается на выводахъ тогдашней науки, и на дѣятельности его лежитъ печать культуры XVII столѣтія,—это не нуждается въ доказательствахъ. Его умозрѣнія находятся въ такой тѣсной зависимости отъ умственнаго развитія того времени, что большая часть идей, легшихъ въ основу его философіи, столько же принадлежатъ ему, сколько *Малебраншу* и *Лейбницу*—двумъ выдающимся мыслителямъ изъ его современниковъ. Первый развивался совершенно независимо отъ Спинозы, но вся его система по духу такъ явно родственна системѣ Спинозы [11], что обѣ онѣ представляютъ какъ бы двѣ различныхъ обработки одного и того же оригинала. Тѣмъ не менѣе, Малебраншъ, ознакомившись съ позже изданными сочиненіями Спинозы, отзывался о нихъ пренебрежительно и съ отвращеніемъ, утверждая, что между нимъ и Спинозой не можетъ быть ничего общаго [12]. Лейбницъ точно также усиленно подчеркиваетъ разницу между своимъ ученіемъ и ученіемъ Спинозы, хотя этотъ великій философъ несомнѣнно имѣлъ на Лейбница огромное вліяніе, и сущность многихъ изъ его теоремъ, если логически ихъ продумать, сводится къ тому, или другому положенію Спинозы [13].

Чѣмъ же обусловливалось упорное отвращеніе современниковъ къ Спинозѣ, столь рѣзко проявлявшееся, несмотря на несомнѣнное сходство ихъ взглядовъ?

Упорно взводимое на Спинозу обвиненіе въ атеизмѣ,—не только въ смыслѣ теоретическаго невѣрія, но и въ смыслѣ практическаго нечестія,—показываетъ, какое огромное значеніе придавалось въ его время интересамъ вѣры, несмотря на то, что характерную особенность новѣйшей исторіи составляетъ отреченіе отъ религіозныхъ воззрѣній сред-

нихъ вѣковъ. Правда, гибельный періодъ религіозныхъ распрей съ его кровавыми ужасами, — періодъ, когда изъ-за вѣры безпрестанно приходилось рисковать жизнью,—ко времени дѣятельности Спинозы миновалъ, и вызвавшій столько раздоровъ вопросъ о свободѣ вѣры былъ наконецъ рѣшенъ утвердительно, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ вѣроисповѣданій. Въ это время экономическіе и политическіе интересы уже заняли важное мѣсто на ряду съ болѣе высокими сторонами человѣческой дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, вѣра сама по себѣ, независимо отъ того, какое отношеніе она имѣла къ римской куріи, все же считалась высшимъ и благороднѣйшимъ дѣломъ жизни и культуры. Во главѣ обѣихъ враждующихъ церквей, католической и протестантской, стояло высшее духовенство, неустанно пекущееся о процвѣтаніи и величіи своей церкви, нетерпимое къ иновѣрцамъ, при извѣстныхъ условіяхъ способное даже на жестокость и недобросовѣстность, какъ это достаточно показали пережившія религіозныя войны преслѣдованія еретиковъ и колдуновъ[14]. Для уравновѣшенія требованій земной и загробной жизни приходилось иногда идти на компромиссы,— причемъ духовенство обнаруживало голубиную кротость и змѣиную мудрость, нашедшія художественное воплощеніе въ безсмертномъ типѣ Мольеровскаго Тартюфа. Неудивительно, что всякій, кто держался иныхъ убѣжденій, чѣмъ предписываемыя церковью, легко могъ быть заподозрѣнъ въ злонамѣренномъ образѣ мыслей.

Итакъ, интересы вѣры господствовали надъ всѣми другими, и оффиціальные представители ея пользовались особымъ почетомъ; соотвѣтственно этому, и между науками первое мѣсто занимала теологія. Въ то время было принято различать священную истину отъ истины мірской, свѣтской; уже это одно показываетъ, какими преимуществами поль-

зовалась эта, какъ предполагалось, единственная цѣлесообразная наука, въ сравненіи съ другими науками, только терпимыми, какъ выскочки. Теологія имѣла дѣло съ высшими, вѣчными истинами; наука была для нея только средствомъ выказать въ полномъ блескѣ неувядаемыя и неизмѣнныя въ своей великой цѣнности сокровища знанія. Изслѣдованіе, направленное къ познанію вещей ничтожныхъ и преходящихъ, изслѣдованіе, въ которомъ знаніе являлось самостоятельной цѣлью, цѣнилось невысоко, какъ несвободное отъ постоянныхъ ошибокъ и промаховъ; напротивъ, вѣчныя истины требовали безусловнаго къ себѣ уваженія, именно потому, что онѣ стояли внѣ человѣческихъ слабостей и заблужденій.

Медицина и правовѣдѣніе, археологія и классическая филологія, выросшія на почвѣ языческой культуры, на практикѣ, въ примѣненіи къ неотложнымъ потребностямъ будничной жизни, рѣже приходили въ столкновеніе съ теологіей, чѣмъ болѣе скромное естествознаніе, состоявшее въ то время лишь изъ математики и подчиненныхъ ей физики и астрономіи. Трагическая судьба такихъ личностей, какъ Галилей и Джіордано Бруно, дѣйствовала устрашающе, показывая, что теологія желала оставить за собой рѣшающій голосъ при обсужденіи проблемъ мірозданія и біологіи. И рѣшающій голосъ оставался за ней, пока точное изслѣдованіе, подъ вліяніемъ повсемѣстно царившей тогда потребности вѣры, старалось согласовать добытые имъ результаты съ спасительными истинами теологіи, и всякій выводъ, мало-мальски противорѣчившій имъ, отвергало, какъ ошибочный [15].

Иными словами: хотя и другія науки достигли уже многаго, каждая въ своей области, на дѣлѣ теологія все еще продолжала господствовать надъ ними, какъ въ эпоху ос-

нованія университетовъ; да и въ университетахъ этихъ, повсюду, вмѣсто философіи преподавалась схоластика, хотя люди просвѣщенные, понимавшіе требованія времени, давно поставили крестъ надъ ней.

Однако и здѣсь не обошлось безъ уступокъ; даже право свободнаго изслѣдованія—относиться по возможности безъ предразсудковъ къ имѣющейся передъ глазами дѣйствительности—до извѣстной степени ограничивалось, въ угоду теологически-догматическимъ взглядамъ того времени. Самъ *Бэконъ*, одинъ изъ высшихъ представителей новаго направленія, считалъ эту область знанія низшей, въ сравненіи съ „святой“ наукой, теологіей, „кульминаціонной точкой человѣческаго духа, его пристанью и мѣстомъ успокоенія“. Сообразно этому онъ говоритъ: мы должны повиноваться божественному закону, хотя-бы наша воля и противилась этому. — Его младшій современникъ и единомышленникъ *Гоббсъ*, безстрашный проповѣдникъ чисто-механическаго взгляда на природу, также отдалъ дань почтенія господствовавшей тогда потребности вѣры, требуя, чтобы каждый добрый гражданинъ повиновался установленной въ государствѣ религіи и ея требованіямъ, точно такъ-же, какъ онъ считаетъ долгомъ повиноваться законамъ своей страны [16].

Признанная несостоятельной схоластика была въ концѣ концовъ изгнана изъ публичныхъ заведеній и притомъ, изгнана человѣкомъ, стоявшимъ собственно внѣ ученаго цеха и никогда не всходившимъ на каѳедру,—а именно *Рене Декартомъ*. По рожденію Декартъ не былъ голландцемъ, но прожилъ въ Нидерландахъ болѣе двадцати лѣтъ, и вся его научная дѣятельность принадлежитъ исключительно этой странѣ. Онъ встрѣтилъ тамъ такой радушный пріемъ, такъ хорошо подготовленную почву, что, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ онъ выступилъ на литера-

турное поприще, его ученіе уже имѣло представителей въ рядахъ утрехтскихъ профессоровъ.

Вскорѣ оно нашло доступъ и въ другіе университеты Батавской республики, въ то время по образованію и благосостоянію далеко превосходившей всѣ государства Европы.

Еще при жизни Декарта, не только здѣсь, но и въ сосѣднихъ, высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и бельгійскихъ, философія была преобразована въ духѣ его ученія [17].

Декартъ сдѣлался однимъ изъ передовыхъ двигателей главной науки своего времени; онъ учился во французской іезуитской коллегіи и личнымъ опытомъ дознался, насколько несовмѣстима преподававшаяся тамъ схоластика съ выводами опытнаго изслѣдованія, которое постепенно пріобрѣтало все большее и большее значеніе. Въ виду этого онъ старался найти для философіи такую *исходную точку*, которая бы выясняла міровое историческое значеніе новаго направленія умовъ, возникшаго вмѣстѣ съ реформаціей. Реформація освободила человѣческое *я* изъ подъ власти всякихъ авторитетовъ, предоставивъ каждому право судить и рѣшать за себя въ вопросахъ вѣры; то же самое сдѣлалъ Декартъ для познанія (Erkenntnis), освободивъ его отъ подчиненія аристотелеву методу и его силлогизмамъ, сковывавшимъ правильное сужденіе, и поставивъ его въ зависимость единственно отъ свободной дѣятельности сознанія [18].

Но, какъ свободная вѣра, завоевавшая права гражданства съ введеніемъ протестантизма, сохранила связь съ Писаніемъ и вытекавшую изъ него догматику, хотя и ограничивъ отчасти эту послѣднюю,—такъ и Декартъ заимствовалъ у схоластики ея основныя понятія и соотвѣтствую-

щіе имъ термины, которыми онъ однакожъ пользовался примѣнительно къ своимъ философскимъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, всѣ понятія, свойственныя схоластикѣ, съ ихъ характерными обозначеніями,—субстанція, *modus*, акциденціи и много другихъ формулъ, вымудренныхъ изобрѣтательными монахами,—являются ходячей монетой въ философіи Декарта, хотя у него значеніе этихъ понятій обусловливается результатами метода новаго изслѣдованія.

Философія неизбѣжно должна была вступить въ союзъ съ опытнымъ изслѣдованіемъ (Forschung). Этого требовалъ уже духъ времени, умственная самостоятельность, пробудившаяся вмѣстѣ съ новыми вѣяніями. Но лишь Декартъ, давъ философіи исходную точку, основанную на самосознаніи, обезпечилъ этотъ союзъ отъ обычныхъ притязаній догматики. Самъ онъ, въ качествѣ естествоиспытателя, математика, развивалъ свое ученіе о взаимодѣйствіи и работѣ міровыхъ силъ, изгоняя изъ своего міросозерцанія, какъ ребяческія, представленія о непосредственныхъ чудесахъ, такъ и производную отъ нихъ форму—вмѣшательства духовныхъ силъ въ механически-физическій ходъ вещей. Стараясь объяснить законы природы свойствами матеріи и законами движенія, онъ, подобно всѣмъ героямъ современнаго знанія, не видѣлъ въ природѣ ничего, кромѣ строгой причинности [19].

Какъ ни строго ограждалъ Декартъ область знанія отъ вторженій схоластики, самъ онъ принялъ отъ этой послѣдней рядъ метафизическихъ проблемъ, занимающихъ значительное мѣсто въ его философіи, и въ его глазахъ эта часть (разсужденія о Божествѣ, объ отношеніи между душей и тѣломъ) выше, благороднѣе той, которая имѣетъ дѣло лишь съ мимолетными, преходящими явленіями природы. Въ этомъ сказалось вліяніе протестантской религіи,

которая, признавая права и нравственное значеніе земного бытія, все таки ставитъ безусловно на первый планъ все, относящееся къ вѣрѣ и загробной жизни.

Такое ученіе, явно проникнутое духомъ протестантизма, должно было, повидимому, снискать единодушное одобреніе представителей новой вѣры. На дѣлѣ однакожъ вышло иное: приверженцами Декарта сдѣлались только свободомыслящіе теологи, которыхъ въ то время было немного; подавляющее большинство придерживалось узкихъ ортодоксальныхъ взглядовъ и чуяло въ его философіи опасность для вѣры, предписываемой церковью. Нидерланды не составляли исключенія, съ тѣхъ поръ, какъ это направленіе взяло верхъ на Дортрехтскомъ соборѣ 1619 г., созванномъ для улаженія религіозныхъ споровъ между просвѣщенными арминіанами или ремонстрантами и строго кальвинистскими гомаристами. Съ этихъ поръ противники „мнящей себя новою философіи“ стали употреблять всѣ усилія, чтобъ добиться ея осужденія, какъ безусловно противорѣчащей Писанію и ведущей къ атеизму, въ пользу старой и единственно истинной, такъ какъ только эта послѣдняя стоитъ на высотѣ истинной учености, тогда какъ первая затрудняетъ для учащейся молодежи пониманіе научныхъ терминовъ, воспитываетъ въ ней самомнѣніе и презрѣніе къ религіи. Нужна была осторожность и рѣшительность Декарта, въ соединеніи съ усиліями его вліятельныхъ доброжелателей, чтобы охранить его личность и ученіе отъ опасныхъ послѣдствій этой фанатической вражды [20].

Обвинять Декарта въ злонамѣренномъ, или неуважительномъ отношеніи къ вѣрѣ! На самомъ дѣлѣ трудно было взвести на него болѣе неосновательное обвиненіе. Ученіе его не только вполнѣ соотвѣтствовало уровню развитія его вѣка,—что̀ доказывается его быстрымъ и широкимъ рас-

пространеніемъ,—но и стремилось сообразоваться съ теологическимъ духомъ времени.

Прежде всего это сказалось въ томъ, что, какъ мы уже упоминали выше, Декартъ продолжалъ изслѣдованіе нѣкоторыхъ характерныхъ для схоластики вопросовъ и продолжалъ ихъ въ ея духѣ; такъ напримѣръ, его опредѣленіе Божества и связи Божества съ міромъ вполнѣ соотвѣтствовало господствовавшимъ въ то время теологическимъ взглядамъ. Тоже сказалось и въ выборѣ формы, въ которой Декартъ преподнесъ публикѣ свое ученіе. Первоначально онъ изложилъ его въ книгѣ, написанной на французскомъ языкѣ и озаглавленной „Міръ“ (Le Monde). Въ этой книгѣ былъ сдѣланъ сводъ всѣмъ даннымъ, добытымъ тогдашнимъ естествознаніемъ; въ ней развертывалась картина взятаго въ цѣломъ реальнаго міра, какимъ онъ представляется сознанію мыслителя и научно обоснованному и провѣренному опытомъ изслѣдованію. Книга была уже сдана въ печать, когда Декартъ узналъ о состоявшемся въ августѣ 1633 года осужденіи Галилея. Не одно только благоразуміе побудило его взять рукопись назадъ изъ типографіи, но и чисто личная потребность жить въ добромъ согласіи съ Церковью, „высокихъ истинъ которой онъ никогда не дерзалъ обсуждать, ибо для этого потребенъ умъ болѣе, чѣмъ человѣческій“. Лишь отдѣльные отрывки изъ нея были напечатаны впослѣдствіи; остальное получило новую форму,—ту самую, въ какой мы теперь имѣемъ передъ собою его философію.

Въ первоначальной формѣ существенную роль играло вращеніе земли, которое Декартъ признавалъ и о которомъ говорилъ даже, что оно особенно подтверждается основами его, Декартова, ученія. Въ позднѣйшей-же обработкѣ этотъ пунктъ представленъ иначе, въ искусномъ согласованіи съ теологическими умозрѣніями современниковъ. Де-

картъ учитъ, что весь міръ находится въ движеніи, слѣдовательно земля, какъ малая часть его, не можетъ составлять исключенія,—и вотъ, чтобы согласовать это съ установленной въ библіи неподвижностью земли, онъ сравниваетъ ее съ кораблемъ, колыхающимся на волнахъ посреди широкой, безбрежной рѣки. Вѣтра нѣтъ и признака; одно лишь теченіе уноситъ корабль-землю, представляющую для своихъ обитателей столь-же надежное и неподвижное убѣжище, какъ для пловца—судно безъ паруса и руля, плавающее на поверхности воды. Подобнымъ-же образомъ были „обработаны" всѣ проблемы, сколько-нибудь предосудительныя съ точки зрѣнія господствующей вѣры, и такимъ способомъ обезпечено дальнѣйшее распространеніе философіи, все-же выдающейся для своего времени.

Но, и помимо подобныхъ уступокъ, философія Декарта своими схоластическими элементами примыкаетъ къ теологіи, и эти элементы придаютъ ей характерный историческій колоритъ, обусловливая ея соотвѣтствіе духу времени. Насколько эта философія поддается сцеціально теологической обработкѣ—это всего нагляднѣе проявилось въ твореніяхъ двухъ мыслителей XVII столѣтія, принадлежащихъ къ школѣ Декарта,—*Боссюэта* и *Лейбница*.

Французскій церковный сановникъ, вліятельный и дѣятельный поборникъ католицизма, и нѣмецкій ученый, неутомимо мечтавшій о возсоединеніи христіанскихъ вѣроисповѣданій,—оба искусно пользовались ученіемъ Декарта, заимствуя у него разумныя основанія, необходимыя для оправданія вѣры. Боссюэтъ въ своемъ „Познаніи Бога и самого себя" *(Connaissance de Dieu et de soi-même)* идетъ буквально по стопамъ Декарта; Лейбницъ въ своемъ „Разсужденія о согласіи вѣры съ разумомъ" *(Discours sur la conformité de la foi avec la raison)* также прибѣгаетъ къ его помощи.

чтобы подорвать кредитъ философскихъ умозрѣній, опасныхъ для вѣры. Декартово доказательство бытія Божія, выводимое изъ самосознанія, восхваляется, какъ допускающее возможность чудесъ и сверхъестественнаго вмѣшательства въ естественный ходъ вещей,—вмѣшательства, которое необходимо предположить, для того, чтобъ увѣровать въ чудесную силу молитвы. Наоборотъ, противоположный взглядъ разсматривается, какъ ограничивающій божественную благость и всемогущество, противорѣчащій основной истинѣ вѣры и никоимъ образомъ не оправдываемый разумомъ и самосознаніемъ, на которое философъ прямо ссылается. Больше того, одно изъ главныхъ положеній Декарта рѣшительно свидѣтельствуетъ о томъ, что міромъ руководитъ высшая сила, направляющая все ко благу созданій: а именно—положеніе о цѣлесообразной дѣятельности, господствующей во всей вселенной, ибо именно такая дѣятельность свойственна совершенному существу, бытіе котораго признается человѣческимъ сознаніемъ,—существу безконечному и всевѣдущему, которое никоимъ образомъ не слѣдуетъ мѣрить масштабомъ бренности и случайности всего земного [21].

Изъ послѣдователей Декарта наибольшей приверженностью къ схоластическимъ элементамъ его ученія отличались крайніе поборники того направленія, которое стремилось, какъ и онъ самъ, ужиться въ мирѣ съ теологіей. Другая часть ученія Декарта, отклоняющаяся отъ схоластики, нашла себѣ представителя въ лицѣ Спинозы, который послѣдовательно развилъ всѣ основныя идеи доктрины учителя. Различныя ступени между этими двумя крайностями занимаютъ остальные приверженцы Декарта, въ томъ числѣ и названный уже нами Малебраншъ, какъ ни близокъ онъ иногда по своему мышленію къ Спинозѣ.

Навлечь на себя обвиненіе въ атеизмѣ было въ то время

очень легко. Какъ мы видѣли, его взводили уже на Декарта, за то что онъ былъ противникомъ схоластики; Спинозѣ и подавно трудно было избѣгнуть такихъ обвиненій. Представители школы, хлопотавшей о томъ, чтобъ ужиться въ добромъ согласіи съ ортодоксальной вѣрой, само собой разумѣется, открещивались отъ всякаго намека на единомысліе со Спинозой, на заимствованія у него. Въ ученыхъ распряхъ конца XVII и большей половины XVIII столѣтій, „спинозизмъ" былъ обычной кличкой, которую бросали въ лицо противнику всякій разъ, какъ нужно было ослабить его возраженія, или выставить его въ подозрительномъ свѣтѣ. Обычность такихъ обвиненій и страхъ передъ ними обусловливались тѣмъ, что ученіе Декарта и взгляды Спинозы, дѣйствительно, имѣютъ между собой много общаго: послѣдніе логически вытекаютъ изъ первыхъ. Спиноза, какъ мѣтко выразился Людвигъ Фейербахъ[22], былъ агнцемъ, терпѣливо взявшимъ на себя всѣ грѣхи философовъ, стоявшихъ частью на ортодоксальной, частью на его точкѣ зрѣнія; его кровью они старались смыть съ себя вину, или, по крайней мѣрѣ, подозрѣніе въ ереси.

Правильно освѣтить ученіе Спинозы и его связь со школой Декарта, равно какъ и пренебрежительное отношеніе къ нему этой школы, проявлявшееся, несмотря на то, что оба вышли изъ одного источника,—задача исторіи философіи; ея же дѣло отмѣтить и оцѣнить по достоинству странное возрожденіе спинозизма въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По своему направленію, какъ уже было сказано, давно опереженному наукой, по своей аргументаціи, которая сама по себѣ не выдерживаетъ критики, система Спинозы, несмотря на превосходныя частности психологическаго и этическаго характера, въ цѣломъ представляетъ въ наше время интересъ лишь чисто спеціальный[23]. Въ особенности это

относится къ главному его произведенію, изъ котораго такъ много черпали мыслители послѣкантовскаго періода, да и до сихъ поръ еще черпаютъ представители вымирающихъ типовъ человѣческаго мышленія. Правда и теперь его сочиненія, какъ искусной работы ковчегъ завѣта, во многихъ вызываютъ священный трепетъ; и теперь многіе подпадаютъ обаянію его запутанной аргументаціи и лишь съ трудомъ удается имъ стряхнуть съ себя могучія чары,—но въ общемъ, даже въ переводѣ на одинъ изъ новыхъ языковъ, его изложеніе, часто неуклюжее, не находящее нужнаго слова, изобилующее повтореніями, предъявляетъ немалыя требованія къ вниманію читателя, котораго кудрявая терминологія тѣхъ временъ и безъ того переноситъ въ чуждый ему, по складу мысли, и давно отжившій міръ.

Но значеніе Спинозы не исчерпывается устарѣвшими въ наше время выводами его философіи. Дѣятельность Спинозы, какъ наиболѣе полное выраженіе его эпохи, имѣетъ прочную цѣнность, не зависящую отъ смѣны взглядовъ и поколѣній. Пусть значеніе его умалилось въ глазахъ современной науки, считающейся лишь съ положительными результатами; тѣмъ болѣе важнымъ представляется оно, *съ точки зрѣнія общаго развитія человѣчества.*

По отношенію къ своимъ современникамъ Спиноза занимаетъ весьма характерное положеніе. Ихъ отталкивало именно то, что въ немъ наиболѣе цѣнно, что̀ составляетъ его истинное и неувядаемое значеніе. Гоняясь за научными знаніями, вѣкъ его, въ силу потребности въ вѣрѣ, стремился въ то-же время удержать умозрѣнія и представленія, возникшія въ періодъ дѣтства человѣческой мысли; Спиноза же переросъ всѣхъ своихъ современниковъ, ибо предался исключительно познанію. Изъ уваженія къ притязаніямъ теологіи, они всѣ шли на компромиссы, стараясь примирить ме-

жду собой науку и ненаучныя представленія и дѣлили истины на высшія,—несравненно болѣе важныя,—и низшія,—подчиненныя имъ. Всѣ они стремились согласить какъ-нибудь традиціонные метафизическіе элементы съ умножающимися каждый день и подрывающими ихъ цѣнность выводами науки; Спиноза, наоборотъ, ясно видѣлъ, что, при *такомъ* разладѣ, соглашеніе невозможно. Жизнь можетъ привести къ соглашенію, ибо человѣку свойственно отвращеніе къ крайностямъ и ошибочное убѣжденіе, будто посредствомъ соглашенія противоположностей можно достигнуть чего нибудь высшаго; но всѣ такого рода компромиссы непрочны и недолговѣчны. Спиноза возвысился надъ своими современниками и достигъ мірового значенія именно тѣмъ, что онъ понялъ и открыто высказалъ, что *истина только одна*, и мѣра истины въ ней самой, а не въ постороннихъ ей догматахъ, которыя для различныхъ исповѣданій имѣютъ различную цѣнность и признаются, или не признаются истинными, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія обсуждаютъ ихъ.

Въ непосредственныхъ выводахъ своей философіи, удержавшей и методически развивавшей проблемы, принятыя Декартомъ отъ схоластики, Спиноза ничуть не возвышается надъ уровнемъ образованности своего времени; онъ такъ сказать всѣми своими корнями вросъ въ XVII вѣкъ. Но движущіе мотивы мышленія Спинозы и свойственный ему паѳосъ подымаютъ его надъ современниками съ ихъ догматически узкимъ кругозоромъ. Ограниченные этимъ кругозоромъ современники *не могли* понимать Спинозу.

Вотъ почему ему суждено было всю жизнь прожить одинокимъ и непризнаннымъ. Не имѣя ни приверженцевъ, которые бы хлопотали о распространеніи его славы, ни доброжелателей, которымъ онъ былъ бы обязанъ положеніемъ и успѣхомъ, онъ неуклонно слѣдовалъ могучему

стремленію къ истинѣ, заложенному въ него природой. Это былъ, что называется, цѣльный характеръ; порукой въ чистотѣ его убѣжденій была его собственная чистая личность; не нуждаясь ни въ одобреніи, ни въ ободреніи, онъ безстрашно шелъ на встрѣчу всѣмъ напастямъ извнѣ, ибо былъ увѣренъ въ томъ, что своею дѣятельностью онъ двинетъ впередъ развитіе своего вѣка.

Что онъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи и чѣмъ стяжалъ себѣ почетное имя и прочную славу въ исторіи человѣчества—выяснить это и будетъ нашей задачей.

Для обыкновенной біографіи матеріалъ, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи, слишкомъ скуденъ и недостаточенъ [24]. Но изъ сочиненій Спинозы мы видимъ, что его занимали важнѣйшія культурныя задачи его времени, что онъ, не смотря на свою замкнутую жизнь, относился къ нимъ съ глубокимъ пониманіемъ и судилъ о нихъ несравненно правильнѣе, чѣмъ многіе его современники. Мы старались выяснить реальное содержаніе дѣятельности и стремленій Спинозы, руководствуясь имѣющимися у насъ данными о его жизни, и мало по малу принятая нами на себя задача, дать правильную оцѣнку его—какъ мыслителя—подъ руками разрослась въ культурно-историческій очеркъ. Только при такихъ условіяхъ скудный, чисто біографическій, матеріалъ оказывался достаточнымъ; только такимъ образомъ выкупалась недостаточность свѣдѣній о самомъ Спинозѣ и о личностяхъ, близко стоявшихъ къ нему. Сдѣлавъ, какъ говорится, изъ нужды добродѣтель, мы сосредоточили все наше вниманіе на развитіи умственной жизни Спинозы, въ сравненіи съ которой подробности внѣшней жизни мыслителя и безъ того не имѣли бы большого значенія. Дѣятельность Спинозы мы будемъ разсматривать въ прагматической послѣдовательности, отъ начатковъ ея до полной зрѣлости,

отмѣчая время выхода въ свѣтъ каждаго его сочиненія и предполагаемое время ихъ написанія.

Внѣшнее теченіе его жизни, имѣвшей среднюю продолжительность, обнимаетъ собой среднія десятилѣтія XVII вѣка. Дѣтство и юность его приходятся на вторую половину великой нѣмецкой религіозной войны и совпадаютъ съ государственнымъ переворотомъ въ Англіи, который также былъ результатомъ стремленій къ свободѣ совѣсти. Годы его ученія относятся къ сравнительно болѣе спокойному періоду—пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ,—эпохѣ наибольшаго процвѣтанія Нидерландовъ. Годы полной возмужалости охватываютъ начало царствованія Людовика XIV; Спиноза былъ очевидцемъ его коварства и насилій надъ нидерландской республикой и могъ непосредственно судить о нихъ. Это положеніе вещей разрѣшилось счастливо для его родины, но до конца борьбы, ставшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ упадка могущества короля-солнца, философъ уже не дожилъ.

ГЛАВА I.

Юношескіе годы въ Амстердамѣ.

Голландецъ по рожденію и правамъ, Спиноза былъ еврей по происхожденію. Предки его бѣжали съ Пиринейскаго полуострова въ Нидерланды, спасаясь отъ преслѣдованій инквизиціи. Въ началѣ XVII вѣка евреи свили себѣ прочное гнѣздо въ Нидерландахъ, гдѣ свобода ихъ была ограждена не столько религіозной терпимостью, сколько благоразумнымъ разсчетомъ на привезенныя ими съ собою богатства и на ихъ многочисленныя торговыя связи. То и другое являлось весьма желательнымъ въ смыслѣ подъема экономическаго благосостоянія страны, истощенной долгой и отчаянной борьбой за свою независимость. Однако, въ 1598 г.—годъ смерти ихъ общаго мучителя—Филиппа II,—переселеніе евреевъ въ Нидерланды происходило въ весьма скромныхъ размѣрахъ; ихъ склонны были считать шпіонами, состоящими на службѣ у испанцевъ а іудейское вѣроисповѣданіе только маской. Правда, уже въ 1598 г. у нихъ была своя молельня въ Амстердамѣ, а такъ какъ въ Испаніи и Португаліи религіозныя жестокости продолжали свирѣпствовать съ прежнею силой, въ 1610 г., вслѣдствіе наплыва бѣглецовъ, пришлось воздвигнуть вторую. Но вскорѣ

начались распри между ремонстрантами и ихъ противниками; молельни были закрыты; поднятъ былъ даже вопросъ, слѣдуетъ-ли терпѣть у себя жидовъ, „поносившихъ Спасителя?“ На нихъ посыпались всевозможныя ограниченія и запрещенія; только благодаря энергическому образу дѣйствій тогдашняго намѣстника, Морица Оранскаго, имъ удалось наконецъ упрочить свое положеніе. Съ ихъ помощью была основана знаменитая Остъ-Индская компанія, имѣющая такое огромное значеніе для Нидерландовъ, и сами евреи, благодаря своей опытности и знанію свѣта, сдѣлались необходимыми Амстердаму, достигшему въ то время высокой степени процвѣтанія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ городѣ ихъ собралось всего больше. Съ благосостояніемъ государства, подарившаго имъ новую родину, расло уваженіе къ жившимъ тамъ евреямъ, среди которыхъ было много не только крупныхъ торговцевъ, но и выдающихся врачей и ученыхъ; вообще они выгодно отличались отъ мѣстнаго населенія своей образованностью и нравственнымъ образомъ жизни, такъ что предубѣжденія, питаемыя относительно ихъ, скоро разсѣялись. Уже въ первую половину XVII-го столѣтія евреи владѣли тремя сотнями роскошныхъ домовъ, а къ двумъ молельнямъ прибавилась еще третья[1].

Невдалекѣ отъ древнѣйшаго изъ этихъ храмовъ, 24 ноября 1632 г. родился Спиноза. Предполагается, что его родители оба были выходцы изъ Португаліи; жили они въ собственномъ домѣ, на такъ называемомъ городскомъ валу[2]. Отецъ, *Микаэль де Спиноза*, принадлежалъ къ торговому сословію и среди своихъ соотечественниковъ считался однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ и зажиточныхъ. Жена его, по имени *Эсфирь*[3], родила ему троихъ дѣтей: двухъ дочерей и сына, по лѣтамъ средняго между двумя дѣвочками; мальчикъ былъ названъ *Барухомъ*.

О его дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Онъ представляется намъ слабымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ, скорѣе задумчивымъ и наблюдательнымъ, чѣмъ охотникомъ до шумныхъ игръ, безъ которыхъ не умѣютъ и не могутъ обходиться его болѣе здоровые сверстники. При такихъ условіяхъ дѣтскій умъ обыкновенно рано достигаетъ зрѣлости; то же, вѣроятно, было и со Спинозой, потому-то его родители и стали готовить его къ профессіи раввина[4]. Быть можетъ, они питали гордую надежду, что современемъ сынъ ихъ сдѣлается украшеніемъ еврейской общины и проявитъ такую же любовь и фанатическую преданность вѣрѣ отцовъ, какими отличались его предки южане, много разъ блестяще доказавшіе это во время жестокихъ гоненій на евреевъ. Въ этомъ направленіи его и воспитывали съ ранняго дѣтства, въ особенности заботясь о томъ, чтобъ подростающій мальчикъ изучилъ и неуклонно соблюдалъ всѣ мелкіе религіозные обычаи, регулирующіе жизнь набожнаго еврея, такъ какъ въ будущемъ ему предстояло явить собой образецъ для подражанія.

Обиліе религіозныхъ предписаній относительно мельчайшихъ подробностей житейскаго обихода, возведенныхъ въ законъ и набожно выполняемыхъ его единовѣрцами, не могло не обратить на себя вниманія даровитаго мальчика и рано дало пищу критической работѣ его мысли.

Напримѣръ, его должно было поразить, что праздничные дни, повторяющіеся еженедѣльно, предписывается посвящать исключительно молитвѣ и религіознымъ упражненіямъ; всѣ-же другія занятія въ обыкновенное время позволительныя, въ субботній день считаются грѣховными. Не менѣе странными должны были ему казаться, разныя предписанія и запреты относительно ѣды, которая у евреевъ по вре-

менамъ чередуется съ полнымъ воздержаніемъ отъ пищи, и то, что это послѣднее, т. е. полное воздержаніе, выставляется, какъ наиболѣе угодное Богу. Изучая правила добраго поведенія, общенія съ единовѣрцами и иновѣрцами, онъ не могъ не замѣтить, что съ пунктуальнымъ выполненіемъ этихъ предписаній для евреевъ связано обѣщаніе спасенія души и благоденствія въ земной жизни, хотя въ этихъ благахъ не было отказано и людямъ, чуждымъ ему по вѣрѣ, стоявшимъ во многихъ отношеніяхъ выше такъ называемаго избраннаго народа и оказавшихъ ему великое благодѣяніе, давъ ему пріютъ и убѣжище въ своей средѣ.

Чтобъ укрѣпить въ ребенкѣ приверженность къ вѣрѣ отцовъ, ему вѣроятно часто приводили въ примѣръ многихъ мучениковъ, попавшихъ въ лапы инквизиціи и пострадавшихъ за вѣру моисееву какъ разъ въ періодъ отрочества Спинозы. Между ними были не только люди, наружно исповѣдывавшіе католицизмъ, но въ тайнѣ оставшіеся вѣрными іудейской религіи и ея обрядамъ; находились и среди христіанъ такіе, которые добровольно переходили въ іудейство и за открытое исповѣданіе новой религіи платились жизнью на кострѣ [5]. И не только въ далекой отчизнѣ приносились такія жертвы на алтарь закона моисеева, о которыхъ съ восторгомъ и гордостью упоминалось въ семейномъ кругу; въ самомъ Амстердамѣ величіе и могущество вѣры отцовъ наглядно проявились въ одномъ потрясающемъ случаѣ; Спинозѣ въ то время исполнилось ровно восемь лѣтъ.

Весной 1640 года, *Уріэль да Коста*, прибывшій сюда изъ Испаніи, вмѣстѣ съ своими родными, въ 1618 году лишилъ себя жизни съ горя, не вынеся своего разрыва съ іудействомъ. Изъ любви къ религіи Моисея онъ переселился въ Голландію, измѣнилъ христіанской вѣрѣ, въ которую былъ

крещенъ, и перешелъ въ іудейство, но и въ новомъ исповѣданіи не обрѣлъ желаннаго душевнаго мира. Старая и новая вѣра одинаково будили въ немъ сомнѣнія; онъ открыто сознался въ этомъ, изложивъ свои мысли въ остроумномъ трактатѣ, и тѣмъ жестоко вооружилъ противъ себя какъ представителей еврейской общины, такъ и Амстердамскій магистратъ. Первые обвинили его передъ судомъ, какъ врага и старозавѣтной, и новозавѣтной религіи; второй наложилъ на него денежную пеню и постановилъ предать его рукопись сожженію рукой палача. Вдобавокъ, единовѣрцы исключили его изъ списковъ еврейской общины [6].

Слабохарактерный и не отличавшійся яснымъ умомъ Дакоста не долго сносилъ одиночество, на которое его обрекло это изгнаніе, тѣмъ болѣе, что отношенія его къ семьѣ до нѣкоторой степени сохранились, такъ какъ деньги его были вложены въ торговое предпріятіе братьевъ, и отъ нихъ онъ получалъ свои средства къ существованію. Горькое чувство отверженности, тягость семейнаго разлада и, по всей вѣроятности, увѣщанія родныхъ привели Дакосту къ желанію примириться съ іудействомъ. Для этого необходимо было пройти черезъ обрядъ покаянія, сопровождавшійся множествомъ унизительныхъ подробностей. Предсказать результатъ было нетрудно: Дакоста былъ до глубины души возмущенъ и пережитымъ позоромъ, и собственной уступчивостью; онъ излилъ свое негодованіе въ пылкомъ, краснорѣчивомъ трактатѣ и—застрѣлился [7].

Очень возможно, что Спиноза присутствовалъ въ синагогѣ при церемоніи покаянія, хотя онъ нигдѣ не упоминаетъ о несчастномъ Дакостѣ. Во всякомъ случаѣ этотъ фактъ проявленія жреческой власти, въ видахъ укрѣпленія вѣры не могъ остаться ему неизвѣстнымъ, не могъ не оказать вліянія на его умственное развитіе. До насъ дошелъ еще

другой случай его столкновенія съ единовѣрцами, несомнѣнно сообщенный имъ самимъ.

Однажды, когда Спиноза былъ еще ребенкомъ, отецъ послалъ его къ одной старой еврейкѣ получить долгъ. При входѣ его, старуха, стоявшая на молитвѣ, продолжала усердно взывать къ Богу, не обращая никакого вниманія на посѣтителя. Окончивъ молитву, она выслушала его и принялась распространяться о важности страха Божія и благочестія, совѣтуя мальчику брать примѣръ съ отца и прилежно читать Священное Писаніе. Долго длилась ихъ бесѣда; наконецъ старуха приступила къ уплатѣ долга, но при этомъ считала деньги за особымъ столомъ, который былъ такъ устроенъ, что часть монетъ черезъ едва примѣтную щель въ доскѣ стола, скатывалась въ подставленный ящикъ. Оставшіяся она собрала со стола и протянула мальчику; тотъ хотѣлъ пересчитать ихъ; она не позволяла; наконецъ, лицемѣрка вынуждена была уступить его настояніямъ, пересчитать деньги вторично и пополнить недостающее [8].

Въ свое время Спиноза началъ ходить въ школу. Школа была общественная, семиклассная, открытая въ 1639 году; здѣсь проходилась вся еврейская премудрость, отъ азбуки до подробнѣйшаго изученія и толкованія Талмуда; къ этому послѣднему Спиноза приступилъ по всей вѣроятности не позже, какъ на тринадцатомъ-четырнадцатомъ году [9].

Преподаваніемъ завѣдывалъ раввинъ *Саулъ Леви Мортейра*, самый выдающійся изъ амстердамскихъ талмудистовъ того времени. Онъ еще въ ранней молодости переселился сюда изъ Венеціи и вскорѣ занялъ мѣсто проповѣдника въ здѣшней общинѣ, хотя и не стяжалъ себѣ на этомъ поприщѣ особенной славы. О его рѣчахъ съ каѳедры и сочиненіяхъ, заключавшихъ въ себѣ не только разборъ дог-

матовъ іудейской религіи, но и полемику съ христіанами, одинъ изъ его единовѣрцевъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, высказался въ томъ смыслѣ, что всѣ они безспорно носятъ философскую окраску, но не содержатъ въ себѣ никакой руководящей мысли и вообще ничего оригинальнаго. Мортейра въ буквальномъ смыслѣ шелъ по проторенным дорогамъ, только повторяя то, что было уже передумано и высказано до него. Даже, какъ раввинъ, онъ не представлялъ собой образца учености, и современные ему талмудисты не считали его авторитетомъ [10].

Легко представить себѣ, какое вліяніе должны были имѣть *такое* преподаваніе и *такой* учитель на богато одареннаго ученика. Очень возможно, что вначалѣ Спиноза страстно предался ученью,—это было весьма естественно, при его блестящихъ способностяхъ и полусознательной жаждѣ знанія,—что онъ составлялъ радость и гордость своего учителя и самъ питалъ къ нему горячую привязанность, какъ это свойственно любознательнымъ ученикамъ. Онъ скоро выдѣлился изъ среды своихъ товарищей; его безъ сомнѣнія часто ставили имъ въ примѣръ, поэтому большой дружбы съ ними у него быть не могло; это, конечно, еще болѣе развило въ немъ врожденную склонность къ уединенію. Лѣтъ пятнадцати онъ уже ставилъ въ тупикъ учителя, привыкшаго къ избитымъ дорогамъ, своими вопросами, точно формулированными и предлагаемыми въ строгой послѣдовательности [11]. Это постепенно подрывало сердечность отношеній и въ концѣ концевъ привело къ полному охлажденію.

Мало по малу Спиноза головой переросъ раввинскую премудрость, у которой не было, по крайней мѣрѣ для школьниковъ, болѣе убѣдительнаго довода, чѣмъ „такъ стоитъ въ Писаніи;“ и всякое отклоненіе отъ того, что стоитъ въ

Писаніи, клеймилось, какъ оскорбленіе религіи и неповиновеніе Божеству. Отъ способнаго, даровитаго юноши требовалось полное умственное подчиненіе Талмуду, о которомъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей Спинозы и нашъ современникъ [12], въ юности также готовившій себя къ карьерѣ раввина, говоритъ, что онъ „при многихъ достоинствахъ, имѣетъ крупные недостатки и заключаетъ въ себѣ, на ряду съ высокими нравственными истинами, самые пошлые софизмы“. (см. Аугербах)

Вскорѣ юному Спинозѣ представился случай, не выходя изъ сферы религіознаго вліянія, расширить свой кругозоръ и перейти предѣлы понятій, преподаваемыхъ въ школѣ. На старшемъ курсѣ, въ видахъ болѣе строгаго обоснованія вопросовъ вѣры и спасенія души, проходили одно изъ главныхъ сочиненій *Моисея Маймонида* изъ Кордовы, самаго выдающагося представителя восточной образованности въ Испаніи. Съ цѣлью возвысить догматику, давъ ей научное основаніе, этотъ ученый, подобно христіанскимъ мыслителямъ среднихъ вѣковъ, обратился къ философіи Аристотеля, вслѣдствіе чего его религіозныя идеи носятъ метафизическій отпечатокъ. Ученіе Аристотеля получило у него талмудическую окраску: Талмудъ же былъ такъ сказать аристотелизированъ, но при этомъ перевѣсъ, и настолько сильный остался на сторонѣ философіи, что занятіе философіей Маймонидъ даже ставилъ выше изученія библейскихъ преданій. Учитель—талмудистъ конечно, вообще превозносилъ до небесъ Маймонида, но относительно даннаго пункта, наставникъ Спинозы былъ иного мнѣнія и находилъ, что Маймонидъ заблуждается, ибо для истинно вѣрующаго еврея талмудъ и священное писаніе одинаково святы, каждая буква въ обоихъ одинаково важна и цѣнна, и тщательное изученіе текста обоихъ считается безусловно необходимымъ [13].

Едва-ли подобныя оговорки въ пользу Талмуда могли производить желаемое дѣйствіе на Спинозу, при его рано развившейся умственной самостоятельности. Мало по малу вѣчное копанье въ словахъ, пережевыванье буквы Писанія, стало казаться ему пустымъ и безсмысленнымъ занятіемъ.

. . . . . .

. . . . . .

Наконецъ, истощенные враги приступили къ давно желаннымъ, но долгое время откладываемымъ переговорамъ о мирѣ. Для Нидерландовъ эти переговоры имѣли чрезвычайно важное значеніе. Дѣло шло о томъ, чтобы окончательно закрѣпить за собой дорогой цѣной купленную независимость. Правда, это считалось уже совершившимся фактомъ со времени перемирія 1609 г.; испанская корона вынуждена была пойти на уступки, такъ какъ послѣ смерти благочестивѣйшаго короля Филиппа II, господство надъ его расползавшимся по всѣмъ швамъ государствомъ перешло въ слабыя руки, еще менѣе способныя подчинить своей власти народъ, упорно отстаивавшій свои права, чѣмъ руки умершаго деспота. Но лишь по вестфальскому миру независимость Батавской республики была признана остальными государствами Европы, и заинтересованныя державы оповѣщены объ этомъ подобающимъ образомъ. Эта вѣсть оживила въ низшихъ слояхъ населенія воспоминанья о вынесенной ими славной борьбѣ за свободу; въ образованныхъ же кругахъ важное событіе вызвало множество толковъ: государственное и религіозное устройство страны, историческія условія ея существованія—все подвергалось обсужденію и критикѣ.

Все это несомнѣнно должно было обратить на себя вниманіе Спинозы, которому тогда было уже около шестнадцати лѣтъ, и вызвать въ немъ тѣмъ болѣе живой интересъ и сочувствіе, что въ его умственной жизни произошелъ

поворотъ: навязанная ему слѣпая вѣра уступила мѣсто самостоятельному мышленію; умственный кругозоръ его значительно расширился. Для болѣе основательнаго знакомства съ великими современными вопросами, обсуждавшимися въ брошюрахъ и научныхъ произведеніяхъ, въ то время необходимо было знаніе латыни. Можетъ быть именно потому у любознательнаго юноши явилось желаніе изучить языкъ, которымъ владѣли и писали всѣ образованые люди его времени.

Вначалѣ его обучалъ, если не ошибаемся, одинъ изъ проживавшихъ въ Амстердамѣ нѣмцевъ. Позже онъ бралъ уроки у извѣстнаго врача и филолога *Франца фанъ деръ Энде*[15], который принималъ только хорошо подготовленныхъ учениковъ; отъ него, кромѣ знанія латыни, Спиноза почерпнулъ немало свѣдѣній изъ области естествознанія и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ.

Талмудическія пререканія въ концѣ концовъ стали ему противны; здѣсь передъ нимъ открылся новый міръ. У классическихъ авторовъ онъ нашелъ такіе взгляды на жизнь, такую трезвость и силу мысли, которые далеко выходили за предѣлы сферы еврейскаго пониманія. Въ это время онъ, вѣроятно, ужъ хорошо былъ знакомъ съ Куртомъ (Curtius) и Овидіемъ, съ Цицерономъ, Сенекой, Тацитомъ и Светоніемъ, на которыхъ позже ссылался въ своихъ сочиненіяхъ. Съ другой стороны, съ изученіемъ математики и физики, библейское міросозерцаніе потеряло въ его глазахъ всякую цѣну, тѣмъ болѣе, что учитель его, благодаря своей даровитости и разностороннему образованію, стоялъ выше многихъ предразсудковъ своего времени и потому слылъ вольнодумцемъ. Это, разумѣется, еще болѣе подстрекало юношу, который всѣми силами рвался вонъ изъ оковъ узкаго круга понятій, навязаннаго ему религіей.

О всякой выдающейся личности складывается немало легендъ, въ особенности, когда фактическія свѣдѣнія о ея жизни слишкомъ скудны, или недостаточно разнообразны; такъ и съ отношеніями юнаго Спинозы къ своему учителю легенда связываетъ особаго рода обстоятельство, которое будто-бы имѣло рѣшающее вліяніе на его дальнѣйшую жизнь. По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, этотъ вопросъ представляется однако очень спорнымъ.

Разсказываютъ, будто, помимо жажды знанія, Спинозу тянула въ домъ учителя также любовь къ умной и прекрасной дочери фанъ-деръ-Энде, *Кларѣ-Маріи*, но что дѣвушка не раздѣляла этой привязанности и предпочла сдѣлать блестящую партію, выйдя замужъ за богатаго купеческаго сына изъ Гамбурга. Бракъ этотъ несомнѣнно состоялся, но лишь въ 1670 году, и вотъ, когда Спиноза вошелъ въ славу, досужіе люди, припомнивъ, что онъ былъ ученикомъ фанъ-деръ-Энде, на основаніи одного этого факта сочинили цѣлый любовный романъ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности быть не могло, такъ какъ теперь уже достовѣрно извѣстно, что дочь фанъ-деръ-Энде родилась въ 1644 году и, слѣдовательно, въ то время, когда Спиноза учился у ея отца, была совсѣмъ маленькой дѣвочкой; ей было не больше одиннадцати лѣтъ, когда Спиноза покинулъ Амстердамъ, а потомъ онъ возвращался туда лишь изрѣдка и ненадолго. Бракъ же ея съ мнимымъ соперникомъ философа состоялся пятнадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ Спиноза выѣхалъ изъ своего родного города.

Зато несомнѣнно въ домѣ фанъ-деръ-Энде зародилась та духовная любовь, которая имѣла рѣшающее вліяніе на судьбу Спинозы и открыла ему неизсякаемый источникъ блаженства,—любовь къ новѣйшей философіи. Знакомствомъ съ ней онъ несомнѣнно былъ обязанъ своему учителю. Здѣсь

симпатія была обоюдной: Спиноза сдѣлался избранникомъ своей науки и наслѣдникомъ самаго блестящаго ея представителя *Рене Декарта*, умершаго какъ разъ въ половинѣ XVII-го столѣтія, въ той же Голландіи, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ съ 1629 г., гдѣ всѣ его знали и хранили о немъ самое любовное воспоминаніе.

Изъ безчисленнаго множества людей, читавшихъ сочиненія этого философа, ни одинъ не былъ призванъ замѣстить его и продолжать его дѣло, кромѣ Спинозы. Никого оно такъ не воодушевило, ни на кого не подѣйствовало такъ плодотворно, какъ на юношу, напрягавшаго всѣ силы, чтобы вырваться изъ оковъ библейской теологіи. Декартъ присвоилъ себѣ право сомнѣнія; Спиноза принялъ отъ него это право и вооружился имъ, не только противъ средневѣковой философіи, опиравшейся на догматику, но и противъ ученія самого Декарта; противъ его собственной *терминологіи*. Зародышъ сомнѣнія таился въ душѣ Спинозы, а не въ томъ, что онъ до тонкости изучилъ доктрину, которую ея безусловные почитатели принимали на вѣру, не критикуя, а толстокожіе противники упорно отвергали, цѣпляясь за наслѣдіе старины,—теологію и схоластику.

Кромѣ сочиненій Декарта, фанъ-деръ-Энде по всей вѣроятности познакомилъ своего даровитаго ученика съ лучшими діалогами *Джіордано Бруно*. Послѣдніе уже и въ то время были рѣдкостью, но есть полное основаніе предполагать, что они дошли до свѣдѣнія Спинозы и сыграли не послѣднюю роль въ формировкѣ его философскихъ воззрѣній.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нашего столѣтія, въ Амстердамѣ было найдено, въ двухъ различныхъ спискахъ, юношеское произведеніе Спинозы. Оба списка—переводы на голландскій языкъ латинскаго трактата, утеряннаго, или по крайней мѣрѣ еще не найденнаго въ оригиналѣ,—трактата,

краснорѣчиво свидѣтельствующаго какъ о знакомствѣ его съ главными принципами ученія Джіордано Бруно, такъ и о ранней умственной самостоятельности автора.

Списки мало разнятся между собою и очевидно оба были переведены съ одной и той же оригинальной рукописи; они заключаютъ въ себѣ раздѣленное на главы *„Разсужденіе о Богѣ и человѣкѣ“*, въ которое вставлены, между прочимъ, два діалога на ту-же тему. Послѣ тщательнаго изслѣдованія текста, оба діалога были признаны первымъ опытомъ Спинозы въ области философіи. Собственно *„Трактатъ“* былъ составленъ позже, и діалоги, надо думать, были включены въ него не самимъ авторомъ, но его восторженными почитателями [17].

Эти діалоги вполнѣ выясняютъ, какое самостоятельное положеніе занялъ Спиноза въ отношеніи Декарта, выясняютъ и то, что онъ опирался на положенія Бруно, хотя нѣкоторые его почитатели въ этомъ до сихъ поръ сомнѣваются. Въ основу міросозерцанія Декарта легло, какъ извѣстно, двоякое пониманіе субстанціи: Бога и творца міра онъ признаетъ субстанціей безконечной, міръ же состоящимъ изъ конечныхъ и притомъ двоякаго рода субстанцій (субстанція мыслящая и субстанція протяженная).

Спиноза въ своихъ діалогахъ критикуетъ именно дуализмъ основнаго взгляда Декарта на вселенную, противополагая ему идею всеобъемлющаго единства, которая носитъ на себѣ отпечатокъ міровоззрѣнія Бруно. Этотъ послѣдній настаивалъ на самой тѣсной связи божества съ міромъ и утверждалъ, что міръ, какъ обнаруженіе самой сущности божества, должно представлять себѣ такимъ же вѣчнымъ, какъ и оно само. Конечно, точное пониманіе „субстанціи“, какъ первопричины міра и сущности всякаго бытія, путемъ чисто логическихъ разсужденій, должно было привести къ

протесту противъ Декартовскаго дуализма и двойственности его субстанціи, т. е. именно къ тому, къ чему пришелъ Спиноза. Если даже и такъ, всетаки для великаго философа нѣтъ ничего унизительнаго въ предположеніи, что импульсомъ послужили для него творенія великаго мученика; это—фактъ весьма возможный, хотя многіе черезчуръ ревностные почитатели Спинозы не признаютъ, чтобы Джіордано Бруно имѣлъ какое-либо вліяніе на голландскаго мыслителя.

А между тѣмъ отголоски ученія Бруно звучатъ не только въ этихъ вставныхъ діалогахъ, но и во всемъ трактатѣ Спинозы; только поэтическое, цвѣтистое изложеніе итальянца въ обработкѣ трезваго еврейско-голландскаго философа является болѣе отвлеченнымъ и какъ-бы безцвѣтнымъ. Справедливо замѣчаютъ, что вліяніе итальянскаго провидца сказалось еще и въ томъ, что Спиноза облекъ первое свое философское дѣтище въ классическую форму діалога, которой пользовался Бруно и даже назвалъ выразителя своихъ собственныхъ взглядовъ тѣмъ самымъ именемъ, какое при одинаковыхъ условіяхъ, даетъ ему Бруно,—а именно: Θеофилъ [18].

Въ вышеупомянутыхъ рукописяхъ, равно какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Спинозы, нигдѣ не встрѣчается открытыхъ ссылокъ на Бруно, но этимъ смущаться не слѣдуетъ. Тутъ виноватъ не столько страхъ, хотя имя Бруно произносилось въ то время лишь съ большой опаской, сколько равнодушіе къ исторической преемственности,—равнодушіе, составляющее отличительную особенность этой эпохи начинающагося расцвѣта естествознанія. Постигнуть природу въ ея единствѣ и божественномъ величіи, какъ это сдѣлалъ Бруно, — вотъ какую цѣль намѣтилъ себѣ Спиноза; выразить свои идеи съ надлежащей силой, — вотъ главное, къ чему стремился онъ,—мало интересуясь вопросомъ, есть

ли у него единомышленники, и кто они, и сколько ихъ: это было для него дѣломъ второстепеннымъ.

Можно съ увѣренностью предположить, что мысли, высказанныя Спинозой въ этомъ юношескомъ сочиненіи, зародились еще въ тотъ періодъ, когда онъ посѣщалъ талмудическую школу. Уже въ комментаріяхъ Маймонида къ Талмуду ему нерѣдко встрѣчалось опредѣленіе Бога, какъ первичной субстанціи [19], единой, безтѣлесной и слѣдовательно, безпредѣльной, субстанціи, управляющей міромъ и совершенной. Оставалось установить болѣе тѣсную связь между этой первичной субстанціей и сотвореннымъ міромъ, чѣмъ та, которую устанавливалъ еврейско-арабскій мыслитель. Спинозу могло къ этому побудить случайное знакомство съ *Каббалой*, хотя впослѣдствіи, признавая самый фактъ знакомства съ Каббалой [20], философъ только насмѣхался надъ этой мнимой наукой и ея произвольными построеніями. Надо однако замѣтить, что, въ періодъ его занятій талмудомъ, Каббала была въ большомъ почетѣ у тогдашней молодежи и даже нашла себѣ ревностнаго защитника въ лицѣ нѣкоего *Авраама а Херрера*, книгой котораго „*Врата Неба*“, проникнутой мистицизмомъ, граничащимъ съ пантеизмомъ [21], Спиноза, говорятъ, широко пользовался. При такой подготовкѣ юному Спинозѣ легко было понять и усвоить себѣ пантеизмъ Бруно.

Не только раннее умственное развитіе и обширныя познанія выдѣляли молодого Спинозу изъ среды его соплеменниковъ; онъ сталъ отличаться отъ нихъ и образомъ жизни, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился и пришелъ въ соприкосновеніе въ домѣ фанъ-деръ-Энде съ интеллигентной молодежью христіанскаго вѣроисповѣданія.

Въ числѣ ихъ находился вѣроятно и *Людвигъ Мейеръ*, впослѣдствіи врачъ, съ которымъ Спиноза до конца жизни

состоялъ въ тѣсной дружбѣ. Объ этой дружбѣ до сихъ поръ достовѣрно извѣстно немногое. Надо полагать, что Мейеръ былъ приблизительно однихъ лѣтъ со Спинозою и, подобно ему, захваченъ ученіемъ Декарта; въ то-же время онъ относился сочувственно къ дальнѣйшему развитію этого ученія и всячески поощрялъ своего друга въ его писательской дѣятельности. Самъ Людвигъ Мейеръ, извѣстный какъ хорошій врачъ-практикъ, былъ не чуждъ литературнымъ и научнымъ стремленіямъ своего времени. Уже въ 1654 году онъ издалъ составленый имъ „Нидерландскій словарь", отличавшійся такими выдающимися достоинствами, что, не далѣе, какъ въ началѣ нашего вѣка, онъ вышелъ двѣнадцатымъ изданіемъ. Четыре года спустя онъ написалъ комедію „Лжецъ", на своемъ родномъ языкѣ, безъ сомнѣнія, тогда же и поставленную на сценѣ. Въ 1663 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ анонимное изслѣдованіе по церковному праву, въ которомъ, поддаваясь вліянію Гоббса, доказывалъ, что церковь утверждается государствомъ, всецѣло зависитъ отъ него и, слѣдовательно, не имѣетъ никакихъ особыхъ, присущихъ ей правъ. Въ 1666 г. появился, точно также безъ подписи, его новый и болѣе обширный трактатъ: „*Философія въ роли истолковательницы священнаго писанія*", гдѣ онъ усиливался доказать божественность Писанія исключительно доводами разума. Философіи, какъ единственному источнику истиннаго познанія, онъ предоставлялъ исключительное право толковать библію, и ставилъ на мѣсто вдохновенія и сверхъестественнаго просвѣщенія, естественный свѣтъ разума. Кромѣ того, онъ написалъ еще два драматическихъ произведенія: въ 1668 году—„Королевскую невѣсту", и позже,—„Золотое руно", появившееся въ печати въ 1684 году. Это позволяетъ думать, что онъ лѣтъ на десять пережилъ своего знаменитаго друга [22].

Столь-же тѣсныя, какъ и благородныя узы дружбы сое-

диняли Спинозу съ *Симономъ фанъ Фрисомъ*, но опять таки наши свѣдѣнія объ ихъ отношеніяхъ чрезвычайно скудны [23].

Извѣстно только, что Симонъ былъ богатый молодой человѣкъ, по всей вѣроятности изъ амстердамскаго купечества, и можетъ быть учился вмѣстѣ съ Спинозой у фанъ-деръ-Энде; друзья вели между собой переписку по латыни и обсуждали въ письмахъ труднѣйшіе вопросы философіи. Мы знаемъ еще лишь, что Симонъ фанъ Фрисъ умеръ нѣсколькими годами раньше Спинозы и оставилъ ему порядочное наслѣдство. Къ купеческому сословію принадлежалъ и третій другъ философа, съ которымъ онъ также переписывался, но только по голландски. Звали его Ярригъ Іеллисъ *(Jarrig Jellis)* [24]; онъ былъ менонитъ и, какъ кажется, рано нажилъ состояніе, обезпечивавшее ему безбѣдную и беззаботную жизнь. Изъ писемъ къ нему Спинозы видно, что это былъ человѣкъ, горячо интересовавшійся какъ философіей, такъ и естествознаніемъ; принято даже думать, что онъ, наравнѣ съ Людвигомъ Мейеромъ, принималъ участіе въ посмертномъ изданіи сочиненій Спинозы.

Постоянно вращаясь въ кругу людей образованныхъ, Спиноза привыкъ къ ихъ обществу, полюбилъ его и невольно все больше отчуждался отъ своихъ единовѣрцевъ и еврейскаго уклада жизни. Евреи кичились тѣмъ, что они— народъ, избранный Богомъ, что съ ними не могутъ сравниться остальныя дѣти земли; быть можетъ, именно эта кичливость постоянно будила сомнѣнія въ душѣ молодого Спинозы. Онъ научился выше всего цѣнить умственныя достоинства и видѣлъ воочію, что высокій уровень умственнаго и нравственнаго развитія можетъ быть достигнутъ и внѣ еврейской среды, что для этого нѣтъ надобности держаться узкихъ взглядовъ и соблюдать всѣ мелочныя предписанія іудейской религіи. Да и въ судьбѣ прежнихъ обитателей зем-

ли обѣтованной, претерпѣвшихъ столько гоненій въ своемъ южно-европейскомъ отечествѣ и лишь недавно вышедшихъ изъ подъ власти притѣснителей, онъ не видѣлъ никакихъ признаковъ особой заботливости о нихъ Провидѣнія и предпочтенія благосклоннаго къ нимъ Божества.

Позже, въ одномъ изъ главныхъ своихъ произведеній [25], онъ высказался о современныхъ евреяхъ въ томъ смыслѣ, что они не имѣютъ никакихъ правъ на предпочтеніе, такъ какъ въ нихъ нѣтъ рѣшительно ничего, что̀ возвышало бы ихъ надъ другими народами. Столько вѣковъ ужъ прошло со времени ихъ разсѣянія, а у нихъ до сихъ поръ еще нѣтъ своего государства, и это вовсе не удивительно, такъ какъ они чуждаются остальныхъ народовъ, держатся особнякомъ и тѣмъ возбуждаютъ къ себѣ ненависть. Что касается разума и истинной добродѣтели, то въ этомъ ни одинъ народъ не имѣетъ преимуществъ передъ другимъ, ни одинъ не можетъ считать себя избраннымъ Богомъ. Познать Бога, достигнуть богоугодной жизни,—вовсе не является особой привилегіей какого-нибудь отдѣльнаго народа, или религіозной общины.

Само Писаніе, на которомъ его единовѣрцы, въ своей гордынѣ и суемудріи, основывали свои мнимыя права, вскорѣ потеряло для него обаяніе, какъ дѣло рукъ человѣческихъ. Изученіе физики неминуемо должно было подорвать въ немъ вѣру въ чудеса; онъ продолжалъ чтить священное Писаніе за тѣ глубокія и безцѣнныя истины, которыя содержались въ немъ, но мѣста, явно противорѣчившія законамъ природы, объяснялъ себѣ, какъ позднѣйшія измышленія, вставленныя нечестивыми руками. Рано сдѣлался для него очевиднымъ и тотъ фактъ, что при толкованіи Писанія допущены были теологическіе обманы и передержки [26].....

При такихъ взглядахъ, поддерживать связь съ единовѣрцами и соблюдать всѣ ихъ религіозные обычаи было для Спинозы болѣе, чѣмъ тягостно. Изъ чувства деликатности передъ учителями, благоволившими къ прилежному ученику, изъ уваженія къ своимъ домашнимъ, Спиноза долгое время подчинялся предписаніямъ и обрядамъ, утратившимъ для него всякій смыслъ. Но, чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе становилось насиловать себя, тѣмъ чаще Спиноза уклонялся отъ соблюденія обрядовъ, и при посѣщеніи храма, и въ домашнемъ обиходѣ. Его товарищи по талмудической школѣ и наиболѣе ревностные члены еврейской общины и безъ того смотрѣли неодобрительно на его постоянное общеніе съ христіанами; весьма понятно, что Спинозу начали считать отступникомъ еще задолго до того, какъ совершился его полный разрывъ съ іудействомъ.

Надо полагать, что этотъ разрывъ состоялся уже послѣ смерти его родителей. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о положеніи Спинозы въ родительскомъ домѣ; но недавно стало извѣстно [27], что мать его умерла, когда ему пошелъ двадцатый годъ, т.-е. въ то время, когда онъ еще принадлежалъ къ еврейской общинѣ; отецъ-же его пережилъ жену всего на 8—10 мѣсяцевъ. При раздѣлѣ наслѣдства въ семьѣ пошли нелады: Спинозу хотѣли заставить отказаться отъ своей доли въ пользу сестеръ. Онъ отстоялъ свои права и, когда они были признаны, добровольно отдалъ все сестрамъ, оставивъ себѣ лишь кое-что изъ домашней утвари,—свои любимыя вещи [28].

Мы полагаемъ, что именно это столкновеніе съ семьей, въ которомъ, само собой разумѣется принимала участіе и община, обострило и безъ того натянутыя отношенія и вызвало неизбѣжную катастрофу.

Разсказываютъ [29], будто часть товарищей Спинозы по

школѣ сговорились выпытать у него его мнѣнія, подъ предлогомъ просьбы разъяснить имъ нѣкоторые вопросы, касающіеся религіи.

Вначалѣ онъ отвѣчалъ уклончиво, отсылая ихъ къ твореніямъ Моисея и пророковъ, которые давно все рѣшили и свели въ одно цѣлое все, чѣмъ долженъ неуклонно руководствоваться истинный добрый еврей. Къ нему продолжали приставать и наконецъ вырвали у него нѣсколько такихъ фразъ, въ которыхъ замѣтно сквозило его критическое отношеніе къ тому, во что слѣпо вѣрила община. Повторялись-ли такіе случаи, или просто отчужденіе Спинозы отъ своихъ единовѣрцевъ начало бить въ глаза, только въ концѣ концовъ старѣйшинамъ еврейской общины донесли, что юноша, на котораго они возлагаютъ такія блестящія надежды, видя въ немъ будущій столпъ вѣры Моисеевой, въ сущности, давно отступился отъ этой вѣры.

Раввины повидимому опасались, что Спиноза будетъ имѣть вредное вліяніе на молодежь, а черезъ ея посредство и на всю общину. Они собрались на совѣтъ и пригласили Спинозу, чтобы предупредить его. Не чувствуя за собой никакой вины, онъ съ беззаботнымъ лицомъ предсталъ передъ судьями. Тѣ съ грустью сообщили ему, что его обвиняютъ въ тяжкомъ преступленіи—презрѣніи къ слову Божію, и что имъ трудно и горько повѣрить этому обвиненію, въ виду возлагавшихся на него надеждъ, его блестящихъ способностей, прилежанія и до сихъ поръ безупречнаго поведенія. Онъ не призналъ себя виновнымъ; вызвали донесшихъ на него товарищей, которые повторили свои показанія, подтвердивъ ихъ клятвою; Спиноза сослался на право каждаго человѣка свободно пользоваться своимъ разумомъ. Тутъ онъ повидимому былъ подвергнутъ такъ называемому малому отлученію—на мѣсяцъ; въ теченіе

этого времени всѣмъ добрымъ евреямъ запрещалось имѣть съ нимъ какія-бы то ни было сношенія [30].

Это, конечно, не помогло, такъ какъ Спиноза давно пересталъ искать общества своихъ соотечественниковъ. Его непоколебимость называли упорствомъ и дерзостью, но еще не рѣшались прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, изъ страха, какъ-бы Спиноза не принялъ христіанства. Въ виду того, что его не только терпѣли, но и любили въ христіанскомъ обществѣ за его выдающіяся способности, это должно было вызвать сенсацію и, пожалуй, бросить невыгодный свѣтъ на еврейскую общину [31].

По всей вѣроятности, именно потому совѣтъ раввиновъ обѣщалъ выдавать ему ежегодную пенсію въ тысячу гульденовъ, подъ условіемъ, что онъ обязуется ничѣмъ не проявлять своего враждебнаго отношенія къ религіи и отъ времени до времени посѣщать синагогу; все это намъ извѣстно изъ его собственныхъ сообщеній [32].

Безъ сомнѣнія, эта попытка купить его совѣсть переполнила чашу негодованія, и съ тѣхъ поръ молодой мыслитель окончательно пересталъ церемониться съ своими соотечественниками. Противники его утверждаютъ, будто онъ былъ неутомимъ въ нападкахъ на вѣру Моисееву и попыткахъ совращенія товарищей [33]. Это мало согласуется съ его спокойнымъ, замкнутымъ характеромъ; по всей вѣроятности тутъ играло большую роль то обстоятельство, что его сверстники и школьные товарищи, ревнители вѣры, постоянно вызывали его на споры и преслѣдовали убѣжденіями, надѣясь этимъ путемъ достигнуть того, чего ни строгостью, ни лаской не могли добиться раввины. Этимъ объясняется и неудавшееся покушеніе на жизнь мыслителя, предпринятое какимъ-то фанатикомъ.

Разъ вечеромъ одинъ еврей подкараулилъ Спинозу, когда

тотъ выходилъ изъ театра, и бросился на него съ обнаженнымъ кинжаломъ; къ счастью, философъ во время замѣтилъ это и успѣлъ отклонить ударъ, такъ что пострадалъ только сюртукъ. Этотъ прорѣзанный сюртукъ Спиноза хранилъ всю жизнь и любилъ показывать его своимъ знакомымъ [34]. Счастливо избѣгнувъ опасности, онъ и не подумалъ жаловаться въ судъ на преступника, что было поставлено ему въ вину [35], а между тѣмъ, это вполнѣ понятно и вполнѣ согласуется съ общимъ складомъ его характера.

Какъ бы тамъ ни было, это былъ тревожный симптомъ, указывавшій на возбужденное состояніе членовъ общины; самый фактъ нападенія, разумѣется, не могъ остаться неизвѣстнымъ и, можетъ быть, способствовалъ тому, что раввины рѣшились наконецъ образумить непокорнаго угрозой полнаго отлученія.

Когда Спинозѣ сообщили объ этомъ, онъ отвѣчалъ слѣдующее: „То, что со мной намѣрены сдѣлать, вполнѣ совпадаетъ съ моими намѣреніями. Я съ своей стороны хотѣлъ уйти по возможности безъ огласки. Вы рѣшили иначе, и я съ радостью вступаю на открывшійся предо мною путь, утѣшая себя мыслью, что я ухожу отъ васъ болѣе безвинный, чѣмъ были древніе евреи при выходѣ изъ Египта. Правда, я ничѣмъ не обезпеченъ, какъ и они, и не знаю, чѣмъ буду снискивать себѣ пропитаніе, но я ни у кого ничего не унесъ и, какія бы небывальщины на меня ни взводили, я могу похвастать, что мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя“ [36].

Тѣмъ не менѣе угрозу отлученія слѣдовало выполнить, для успокоенія общины. Обрядъ отлученія былъ совершенъ 27 Іюля 1656 г., въ четвергъ, незадолго до такъ называемаго „суднаго дня“, т.-е. годовщины разрушенія Іерусалима. Въ синагогѣ, при торжественно открытой скиніи, гдѣ хранилось пятикнижіе Моисея, проповѣдникъ съ кафедры объявилъ

собравшемуся народу, что правленію еврейской общины давно уже стали извѣстны злонравныя мнѣнія и дѣянія Баруха де Спиноза и что оно пыталось воротить его на путь истинный, но, такъ какъ онъ упорствуетъ въ своей гнусной ереси, установленной клятвенными показаніями двухъ достойныхъ вѣры свидѣтелей, то правленіе рѣшило подвергнуть его полному отлученію отъ синагоги, дабы предохранить другихъ отъ его вредной ереси и отъ всякаго общенія съ нимъ. А потому, членамъ общины строжайше запрещается имѣть съ нимъ какія бы то ни было сношенія,—разговаривать съ нимъ, переписываться, оказывать ему услуги, оставаться съ нимъ подъ одной кровлей, подходить къ нему ближе, чѣмъ на четыре локтя, и читать его сочиненія [37].

Одинъ современникъ и почитатель Спинозы сообщаетъ, на основаніи разсказовъ очевидцевъ, что при этомъ передъ кивотомъ завѣта зажжены были черныя свѣчи. Канторъ поднялся съ своего мѣста и заунывнымъ голосомъ, нараспѣвъ, прочелъ слова проклятія; одинъ изъ служителей аккомпанировалъ ему звуками рога. Затѣмъ свѣчи были опрокинуты, и тающій воскъ капля по каплѣ стекалъ въ огромный сосудъ, наполненный красной жидкостью; наконецъ ихъ совсѣмъ потушили, погрузивъ въ эту жидкость, и, среди наступившей тьмы собраніе громкимъ молитвеннымъ воплемъ выразило свое отвращеніе къ отверженцу [36].

Для полной торжественности церемоніи не хватало только одного—присутствія обвиняемаго. Спиноза уже уѣхалъ изъ Амстердама. Присутствовать при собственномъ изгнаніи у него, понятно, не было ни охоты, ни надобности, такъ какъ онъ давно пересталъ посѣщать синагогу. Безъ сомнѣнія, именно потому листы книги протоколовъ, относящіеся къ отлученію Спинозы, были склеены вмѣстѣ, и на нихъ сдѣлана надпись, гласившая, что они должны навсегда остаться

склеенными. Подъ этимъ требованіемъ подписались всѣ тогдашніе члены общиннаго совѣта [39].

Не явившись въ синагогу, Спиноза значительно ослабилъ ожидаемое впечатлѣніе; выходило, что не община отреклась отъ него, а онъ самъ вышелъ изъ общины. Вся церемонія проклятія, съ опрокидываніемъ свѣчъ, съ красной жидкостью, знаменующей кровь, носила и безъ того довольно символическій характеръ, а отсутствіе виновнаго еще болѣе смягчило впечатлѣніе; такой обиды евреи простить не могли. Какъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, при отлученіи Уріэля да Коста, такъ и теперь представители еврейской общины обратились къ городскимъ властямъ, выставляя Спинозу нечестивцемъ, хулителемъ Бога и Моисея, — въ расчетѣ, что и христіане къ такой винѣ не отнесутся равнодушно. Но на этотъ разъ магистратъ оказался менѣе податливымъ. Вопросъ былъ признанъ теологическимъ и предоставленъ на обсужденіе церковныхъ властей. Тѣ въ своемъ отвѣтѣ склонились на сторону обвинителей. Въ виду этого магистратъ постановилъ изгнать обвиняемаго изъ Амстердама, — но не навсегда, какъ разсчитывали раввины, а лишь на нѣсколько мѣсяцевъ [40].

ГЛАВА II.

Скитанія.

Лѣтомъ 1656 г. Спиноза выѣхалъ изъ Амстердама и навсегда покинулъ общину, съ которой онъ былъ связанъ происхожденіемъ и соотвѣтствующими узами. Люди вышвырнувшіе его изъ своей среды, быть можетъ, въ расчетѣ навлечь на него жестокія бѣдствія, не подозрѣвали, что они, напротивъ, скорѣе открыли ему этимъ доступъ къ всемірной славѣ. Врядъ ли бы онъ достигъ этой славы, еслибъ уступилъ настояніямъ общины и требованіямъ, предъявлявшимся ему съ самого дѣтства.

Предоставленный исключительно собственнымъ силамъ, не имѣя еще двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, Спиноза твердо рѣшилъ посвятить всю свою жизнь неуклонному исканію истины. Изъ выдающихся личностей, съ которыми ему, благодаря этой программѣ, пришлось впослѣдствіи вступить въ непосредственное или духовное общеніе, его землякъ, физикъ *Христіанъ Гюгенсъ*, въ это время проживалъ въ Парижѣ, съ научными цѣлями. Всего на три года старше Спинозы, онъ былъ уже знаменитъ и незадолго передъ тѣмъ получилъ степень доктора обоихъ правъ, въ протестантскомъ университетѣ, въ Анжерѣ. *Арнольдъ Гелинксъ* (*Geulincx*) былъ старше; ему исполнился тридцать одинъ годъ; онъ уже цѣлыхъ пять лѣтъ занималъ кафедру во Лувенѣ, поучая юношество въ духѣ философіи Декарта. Зато восемнадцатилѣтній *Николай Малебраншъ*, изучавшій богословіе въ Парижѣ, въ этотъ періодъ своей жизни и не подозрѣвалъ, что ему суждено, въ качествѣ продолжателя Декарта, стать

послѣдней ступенью въ эволюціи, закончившейся Спинозой, и даже напечатать свое сочиненіе о Декартовой философіи за три года до выхода въ свѣтъ главнаго произведенія Спинозы. Два великихъ мыслителя, изъ которыхъ потомъ одинъ лично разыскалъ и посѣтилъ Спинозу, а другой составилъ первое его жизнеописаніе,—оба въ то время еще учились въ школѣ: десятилѣтній *Лейбницъ* въ *Nicolaischule* въ Лейпцигѣ; девятилѣтній *Пьеръ Бэйль* въ протестантской общественной школѣ своего родного городка, Carlat въ Оверни. Насилія и рѣзня, учиняемыя по приказу короля, съ благочестивой цѣлью обращенія еретиковъ, въ то время еще не начинались, и виновникъ ихъ, которому было тогда около восемнадцати лѣтъ, еще не взялъ въ свои руки бразды правленія, хотя уже не разъ проявлялъ крутой и деспотическій нравъ. Славный полководецъ его, великій *Кондэ*,—впослѣдствіи принимавшій живое участіе въ Спинозѣ и тѣмъ надѣлавшій не мало хлопотъ знаменитому философу,—въ то время тридцатилѣтній мужчина,—былъ вынужденъ скрываться въ Испаніи, такъ какъ былъ замѣшанъ въ безпорядкахъ Фронды. *Курфюрсту пфальцскому, Карлу Людвигу*, имя котораго потомство также связываетъ съ именемъ Спинозы, было тогда подъ сорокъ лѣтъ; онъ уже восемь лѣтъ съ успѣхомъ трудился надъ возстановленіемъ силъ своей страны, истощенной тридцатилѣтней войной.

Мы уже знаемъ, что Спиноза, еще въ самомъ началѣ своей философской дѣятельности, собралъ около себя кругъ единомышленниковъ, которые не только думали съ нимъ заодно, но и принимали дѣятельное участіе въ устройствѣ его судьбы.

По характеру, Спиноза былъ склоненъ къ уединенію, тишинѣ, находилъ самое полное удовлетвореніе въ научныхъ занятіяхъ и спокойной работѣ мысли; тѣмъ не менѣе

онъ умѣлъ внушать и поддерживать истинную дружбу, умѣлъ наслаждаться ею и цѣнить ее, какъ великое, чисто духовное благо, стоящее выше зависти и ревности, выше мелочности и своекорыстія. Это счастье, доступное лишь нравственно чистымъ и самостоятельнымъ натурамъ, досталось ему въ удѣлъ, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ истинѣ. „Изъ всего, что не подвластно мнѣ,—писалъ онъ однажды,—я ничего не цѣню такъ высоко, какъ дружбу съ искренними друзьями истины, ибо думаю, что нѣтъ на свѣтѣ ничего—изъ того, что находится внѣ нашей власти,—къ чему мы могли бы питать болѣе спокойную привязанность, чѣмъ къ такимъ людямъ; разрушить ихъ любовь другъ къ другу, основанную на познаніи истины, такъ-же невозможно, какъ невозможно не держаться крѣпко самой истины, разъ она уже усвоена". Въ дружбѣ, какъ понималъ ее Спиноза, чисто личный элементъ отступаетъ на второй планъ передъ интересами познанія. И тѣмъ не менѣе въ его дружескихъ сношеніяхъ большую роль играла его собственная личность. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ его горячихъ почитателей [2]: „Основательныя знанія, въ связи съ человѣколюбіемъ, благородствомъ и мягкостью обращенія,—всѣ эти преимущества, которыми щедро надѣлили и его природа и собственныя усилія, придаютъ ему такую привлекательность, что всѣ благожелательные и хорошо воспитанные люди не могутъ не любить его".

Преданность Спинозѣ его друзей проявлялась различнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, они постоянно оказывали ему содѣйствіе въ добываніи средствъ къ жизни [3]. Философъ выучился полировать стекла и достигъ въ этомъ такого искусства, что его работа цѣнилась очень высоко. О сбытѣ его издѣлій и доставленіи новыхъ заказовъ заботились друзья, и этотъ небольшой заработокъ, при крайней

воздержности Спинозы, вполнѣ удовлетворялъ его скромнымъ потребностямъ.

По всей вѣроятности, именно желаніе не терять изъ виду друзей побудило философа, послѣ изгнанія его изъ Амстердама, поселиться въ сосѣднемъ городкѣ *Уверкеркэ (Ouwerkerke)* [4]. Впрочемъ тутъ могли имѣть мѣсто и другія соображенія. Въ Уверкерке утвердились арминіане, послѣ осужденія ихъ ереси Дортрехтскимъ соборомъ, и отсюда распространяли свое свободно-религіозное ученіе; городокъ этотъ остался одной изъ главныхъ ихъ резиденцій даже и послѣ того, какъ въ 1625 г. ученію арминіанъ были возвращены права гражданства. А Спиноза велъ знакомство съ послѣдователями этого ученія; очень возможно, что они предложили ему у себя кровъ и пріютъ. Въ Уверкеркэ Спиноза пробылъ повидимому, до 1659 г. или даже 1660 года. Здѣсь же, должно быть, былъ написанъ и тотъ *„трактатъ“*, который цѣлыхъ двѣсти лѣтъ пропадалъ безъ вѣсти и теперь лежитъ передъ нами въ двухъ голландскихъ переводахъ.

Подобно упомянутымъ выше діалогамъ, и этотъ юношескій трудъ Спинозы, въ сущности не что иное, какъ толкованіе Декарта; въ частностяхъ молодой философъ нерѣдко только повторяетъ учителя, но въ общемъ подвергаетъ его ученіе дальнѣйшей разработкѣ. Какъ уже сказано, рѣчь идетъ объ установленіи правильной связи между понятіями: Богъ и природа. Декартъ утверждалъ, что въ природѣ царитъ строгая закономѣрность, но, изгнавъ изъ естественнаго порядка вещей всякія чудеса и цѣли, онъ удержалъ понятіе о Богѣ, какъ о сверхъестественномъ существѣ, и оставилъ такимъ образомъ нетронутой ту часть церковной догматики, которая трактуетъ о божественномъ произволѣ *(Willkür)*. Противъ этого-то компромисса съ теологіей и

ополчается Спиноза въ первой части своего трактата; предметомъ второй служитъ человѣкъ и счастье; здѣсь, разсуждая о человѣческихъ страстяхъ, Спиноза болѣе приближается къ Декарту, и оцѣниваетъ ихъ въ зависимости отъ того, насколько онѣ способствуютъ или препятствуютъ достиженію истиннаго знанія, или познанія истины, т.-е. высшаго блага. Знаніе достигается исключительно разумомъ, путемъ правильныхъ систематическихъ выводовъ мышленія, свободнаго отъ предразсудковъ и ложныхъ представленій. Причины, препятствующія намъ достигнуть совершенства, лежатъ въ насъ самихъ, въ страстяхъ, которымъ мы рабски служимъ, въ грубыхъ созданіяхъ нашего необузданнаго воображенія. Изъ этихъ послѣднихъ чрезвычайно тщательно изслѣдовано понятіе о діаволѣ (чертѣ), къ которому питали особое пристрастіе богословы XVII столѣтія, и кратко, но мѣтко доказана вся нереальность этой произвольно сочиненной фигуры.

Трактатъ этотъ, написанный для небольшого кружка интимныхъ друзей, занимавшихся обсужденіемъ важнѣйшихъ вопросовъ философіи, заключается особымъ обращеніемъ къ друзьямъ [5]: „Не удивляйтесь этимъ новостямъ, ибо вамъ хорошо извѣстно, что правда не перестаетъ быть правдой оттого, что немногіе признаютъ ее за таковую. А такъ какъ вамъ не безызвѣстны и особенности вѣка, въ которомъ мы живемъ, то я бы убѣдительно просилъ васъ быть чрезвычайно осторожными въ сообщеніи этихъ вещей другимъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобъ вы берегли ихъ только для себя, но лишь то, что, при распространеніи ихъ, вы должны имѣть въ виду исключительно благо ближняго и притомъ питать полную увѣренность, что ваши труды не пропадутъ даромъ“.

Небольшая брошюрка эта обнаруживаетъ неопытность пера и нерѣдко незрѣлость мысли, но самостоятельность,

выказанная авторомъ въ отношеніи Декарта, показываетъ, какъ рано и какъ смѣло—что особенно цѣнно въ человѣкѣ его эпохи—Спиноза выступилъ противъ господствовавшихъ въ то время религіозныхъ идей, передъ которыми въ благоговѣйномъ трепетѣ преклонился искренно имъ почитаемый его великій предшественникъ.

Достаточно прочесть это юношеское произведеніе философа, чтобы понять, насколько неосновательны были опасенія его единоплеменниковъ относительно перехода его въ христіанство...

Очень вѣроятно, что невозможность такого перехода онъ сознавалъ еще при выходѣ своемъ изъ еврейской общины, а позднѣе онъ высказался по этому поводу совершенно ясно [5]...

Приблизительно въ 1660 году Спиноза переселился изъ Уверкеркэ въ селеніе *Ринсбургъ*, близь Лейдена. Ринсбургъ до сихъ поръ имѣетъ тотъ же видъ, какъ во времена Спинозы. Весь изрытый каналами, съ перекинутыми черезъ нихъ сотнями маленькихъ мостиковъ, онъ отличается удивительнымъ плодородіемъ, такъ какъ илъ, добываемый изъ каналовъ при чисткѣ ихъ, служитъ прекраснымъ удобреніемъ почвѣ. Здѣсь спеціально занимаются разведеніемъ лука. Въ небольшомъ переулкѣ, носящемъ теперь имя Спинозы, стоитъ опрятный домикъ, въ которомъ философъ прожилъ цѣлыхъ четыре года. Какъ всѣ здѣшніе дома, онъ выстроенъ изъ кирпича, въ одинъ этажъ, и не оштукатуренъ; къ нему примыкаютъ хорошо содержащіеся фруктовые сады, за которыми видны вдали Катвикскія дюны. Внутреннее убранство дома—совершенно въ голландскомъ вкусѣ; всюду образцовая чистота и порядокъ; особенно мила жилая горница, съ мозаичнымъ поломъ изъ красныхъ, желтыхъ и черныхъ кирпичиковъ [7]. Причиной, побудившей философа переселиться сюда, были, по всей вѣроятности, его

сношенія съ членами такъ называемой Ринсбургской общины; это была горсть арминіанъ, получившихъ названіе по мѣсту жительства; они отличались свободомысліемъ и строго нравственнымъ образомъ жизни, не терпѣли у себя духовенства и проявляли свою религіозность, не въ обычной формѣ—богослуженія, а свободными чтеніями и бесѣдами о священномъ писаніи [8].

Трудно сказать, играла-ли какую-нибудь роль въ этомъ переселеніи близость Лейденскаго университета, одного изъ главныхъ разсадниковъ декартовской философіи. Ни о какихъ сношеніяхъ Спинозы съ представителями этого ученія мы ничего не знаемъ, и предполагать существованіе ихъ тѣмъ рискованнѣе, что Спиноза, съ своей стороны, держался совершенно самостоятельно и намѣревался развивать ученіе Декарта по своему.

Первой попыткой въ этомъ направленіи является вышеупомянутый юношескій трактатъ. Далѣе, Спиноза повидимому, задумалъ написать произведеніе, которое обезпечило бы ему болѣе широкій кругъ читателей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отрывокъ, напечатанный послѣ его смерти и озаглавленный: „*Объ исправленіи разсудка*“. Это не теорія познанія, какъ можно предположить, по заглавію, но нѣчто въ родѣ „руководства къ счастливой жизни“, по выраженію *Іоганна Готлиба Фихте,* въ этомъ произведеніи юный Спиноза старается, отвративъ разумъ отъ погони за земнымъ и преходящимъ—богатствомъ, славой и чувственными наслажденіями, направить его къ исканію вѣчнаго и безконечнаго, ибо только оно одно можетъ доставить покой и счастье. Въ чемъ состоитъ счастье и какъ его достигнуть, Спиноза подробно разъясняетъ въ *Этикѣ;* названный же трактатъ долженъ былъ служить какъ бы введеніемъ къ ней и, на личномъ примѣрѣ автора, на-

глядно показать методъ правильнаго примѣненія разсудка, дающій возможность человѣку стать выше всякой суетности и разочарованій. Подобно знаменитому Декартову „*Discours sur la méthode*“ [9], составившему эпоху въ исторіи философіи, трактатъ написанъ въ формѣ исповѣди. Очень возможно, что именно этотъ несвойственный Спинозѣ, заимствованный у Декарта пріемъ былъ причиной того, что юный авторъ быстро охладѣлъ къ своей работѣ, такъ какъ онъ терпѣть не могъ копаться въ собственной душѣ и вообще сосредоточиваться на чемъ-нибудь личномъ. Вмѣсто того, чтобы шагъ-за-шагомъ описывать путь, которымъ онъ дошелъ до истиннаго, по его мнѣнію, знанія, онъ счелъ за болѣе важное свести къ одному итогу то, что ему представлялось вѣрнымъ и справедливымъ [10].

Въ то время Спиноза еще далеко не нашелъ формы, которая бы удовлетворила его, хотя содержаніе въ общихъ чертахъ уже было изложено въ рукописи, врученной друзьямъ. Къ этой рукописи присоединены два небольшіе отрывка, несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ самый трактатъ. Тутъ могли играть роль особыя обстоятельства.

Оба эти отрывка по своей формѣ—первая попытка приложить къ философіи такъ называемый геометрическій методъ, на которомъ, какъ извѣстно, построена вся Этика Спинозы. Часть аксіомъ и теоремъ, заключающихся здѣсь, мы находимъ въ первыхъ письмахъ [11] къ *Гейнриху Ольденбургу* [12], который уже при Кромвелѣ постоянно жилъ въ Лондонѣ, въ качествѣ представителя такъ называемой нижнесаксонской области тогдашняго нѣмецкаго государства, и съ которымъ Спиноза много лѣтъ велъ переписку. Возможно, что они еще раньше встрѣчались въ Амстердамѣ; какъ бы тамъ ни было, весной, или лѣтомъ 1661 г. Ольденбургъ лично посѣтилъ молодого мыслителя въ Ринсбургѣ, гдѣ они имѣли продол-

жительный разговоръ объ основныхъ вопросахъ картезіанской философіи. Свое личное пониманіе ея Спиноза изложилъ письменно въ „геометрической“ формѣ, и то, что въ отрывкахъ дошло до Ольденбурга, могло конечно быть сообщено друзьямъ въ болѣе полномъ и обстоятельномъ изложеніи; они же, съ своей стороны, позаботились присоединить это къ трактату [13].

Какъ разъ въ этотъ періодъ своей жизни Спиноза вторично углубился въ изученіе Декарта, съ цѣлью выработать себѣ болѣе устойчивое и опредѣленное міровоззрѣніе, придерживаясь при этомъ своего излюбленнаго метода и отъ времени до времени сообщая друзьямъ о результатахъ. Еще изъ Ринсбурга онъ послалъ имъ новое „геометрическое“ изложеніе своихъ взглядовъ, въ главныхъ чертахъ уже знакомыхъ имъ по трактату.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, увѣдомляя о полученіи и прочтеніи такой рукописи, *Симонъ-де-Фрисъ* говоритъ: „Я давно стремлюсь побывать у Васъ, но обстоятельства и суровая зима до сихъ поръ не позволили мнѣ этого сдѣлать. Сижу дома и плачусь на свою судьбу. Какая жалость, что насъ раздѣляетъ такое большое разстояніе, и какъ счастливъ, неизмѣримо счастливъ Вашъ сожитель, который, постоянно находясь въ Вами подъ одной кровлей, можетъ и за завтракомъ и за обѣдомъ, и во время прогулки бесѣдовать съ Вами о томъ, что̀ всего важнѣе“ [14].

Отвѣтъ Спинозы:

„За письмо, котораго я долго и нетерпѣливо ждалъ, и за Вашу любовь ко мнѣ приношу Вамъ мою сердечную благодарность. Разлука тягостна для меня не меньше, чѣмъ для Васъ, но все же я радъ слышать, что мои небольшія замѣтки пригодились Вамъ и друзьямъ нашимъ: такимъ образомъ я, будучи на далекомъ разстояніи, все же бесѣ-

дую съ Вами. Завидовать моему сожителю нѣтъ никакой причины: нѣтъ человѣка, болѣе для меня несноснаго и такого, котораго бы мнѣ болѣе слѣдовало остерегаться. А потому я попросилъ бы Васъ и всѣхъ нашихъ, пока не знакомить его съ моими воззрѣніями. Пусть подростетъ еще немного. Теперь онъ еще слишкомъ ребячливъ и непостояненъ и гоняется скорѣе за новизной, чѣмъ за истиной. Надо надѣяться, что съ годами онъ избавится отъ этихъ ребяческихъ недостатковъ; насколько можно судить по его природнымъ свойствамъ, я почти убѣжденъ въ этомъ и, ради его способностей, опять начинаю любить его" [15].

Предполагается, что этимъ сожителемъ былъ *Альбертъ Бургъ (Albert Burgh)*, сынъ зажиточнаго купца въ Амстердамѣ, переселившійся въ Ринсбургъ къ Спинозѣ, съ тѣмъ, чтобы подъ руководствомъ его изучать философію. Спиноза проштудировалъ съ нимъ вторую часть Декартовыхъ *„Principia philosophiae"* и даже продиктовалъ ее ему въ *геометрической* формѣ [16]. Весной 1663 года, отправившись погостить къ друзьямъ, въ Амстердамъ, Спиноза далъ уговорить себя присоединить къ геометрическому изложенію второй части такое же изложеніе первой.—„Исполняя желаніе моихъ друзей", пишетъ Спиноза Ольденбургу [17], „я тотчасъ принялся за обработку первой части; черезъ двѣ недѣли рукопись была готова и передана друзьямъ для напечатанія, съ условіемъ, что одинъ изъ нихъ возьметъ на себя трудъ почистить немного стиль и написать маленькое предисловіе. Необходимо выяснить читателямъ, что далеко не все, изложенное мною, согласно съ моими собственными взглядами, которые во многомъ разнятся отъ проводимыхъ Декартомъ".

Этотъ трудъ въ томъ же году вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *„Renati Des Cartes Principiae Philosophiae more*

geometrico demonstrata per Benedictum de Spinoza, Amstelodamensem". Краткое введеніе даетъ читателю полную возможность оріентироваться относительно образа мыслей Декарта; затѣмъ излагается самое его ученіе.

Даже противники Спинозы [19] считаютъ эту книгу лучшимъ и наиболѣе основательнымъ изложеніемъ Декартовой философіи; бѣглыми указаніями, данными самимъ Декартомъ, относительно приложенія геометрическаго метода [19], Спиноза въ своей обработкѣ воспользовался почти буквально. Въ дополнительной статьѣ, „содержащей метафизическія мысли", — какъ сказано на заглавномъ листкѣ, — авторъ кратко излагаетъ свои собственные взгляды по всѣмъ вопросамъ, въ которыхъ онъ не согласенъ съ Декартомъ. Здѣсь онъ уже не придерживается геометрической формы, но дѣлитъ свою статью на двѣ части, изъ которыхъ первая, состоящая изъ шести довольно длинныхъ главъ, излагаетъ общія основныя понятія метафизики, трактуетъ объ истинномъ существованіи и простомъ представленіи, о сущности, бытіи и возможности, о необходимомъ и случайномъ, о вѣчности, длительности и времени, о порядкѣ и единствѣ, объ истинномъ и добромъ; во второй, раздѣленной на двѣнадцать главъ, разсматривается понятіе о Богѣ, Его аттрибутахъ: вѣчности и безконечности, и другіе связанные съ этимъ вопросы.

Это было первое изъ сочиненій Спинозы, вышедшее въ печати, и вмѣстѣ единственное, подъ которымъ онъ подписался какъ авторъ, назвавъ себя *Бенедиктомъ*, — буквальный переводъ имени Барухъ, — *благословенный*, — даннаго ему при рожденіи. Съ тѣхъ поръ его и не называли иначе. Въ это время ему исполнилось тридцать лѣтъ. Книга о Декартѣ сразу создала ему имя въ ученомъ мірѣ и доставила толпу поклонниковъ и просто знакомыхъ, осаж-

давшихъ его изъ любопытства; философъ часто жаловался [20], что эти господа отнимаютъ у него много времени и не мало испытываютъ его терпѣніе, заставляя отвѣчать на множество скучныхъ писемъ.

Во всякомъ случаѣ, этотъ успѣхъ показывалъ, что въ обществѣ пробудился живой интересъ къ философскимъ изслѣдованіямъ и служилъ порукой въ томъ, что изложеніе собственныхъ взглядовъ Спинозы будетъ принято съ неменьшимъ сочувствіемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, судилъ самъ философъ. Сообщая Ольденбургу о выходѣ книги о Декартѣ [12], онъ говоритъ: „Я разрѣшилъ ее печатать, въ надеждѣ, что можетъ быть въ моемъ отечествѣ найдутся вліятельные люди, которые, прочитавъ, пожелаютъ ознакомиться съ остальнымъ, что̀ мною написано и что признаю за свое, а также позаботятся о томъ, чтобы я могъ печатать свои сочиненія, не боясь никакихъ непріятностей. Если мои ожиданія осуществятся, я тотчасъ же издамъ кое-что; если же нѣтъ, лучше молчать, чѣмъ навязывать людямъ свои взгляды противъ воли родины и наживать враговъ“.

Въ ожиданіи такого благопріятнаго исхода онъ трудился надъ своими еще неизданными опытами, повсюду строго придерживаясь того же „геометрическаго“ метода, который такъ пригодился ему при составленіи его первой книги. Въ предисловіи къ ней *Людвигъ Мейеръ* восхваляетъ математическій методъ, какъ лучшій и вѣрнѣйшій путь и къ изслѣдованію истины, и къ преподаванію ея другимъ. До сихъ поръ,—говоритъ Мейеръ,—этотъ методъ не находилъ себѣ приложенія ни въ одной наукѣ, кромѣ математическихъ, и считался какъ бы непригоднымъ, а между тѣмъ уже примѣръ великаго Декарта,—который самъ сдѣлалъ не мало открытій въ математикѣ и пролилъ свѣтъ на многое, что̀ было темно для прежнихъ ученыхъ,—уже его примѣръ показываетъ, что именно этимъ

путемъ найдены были незыблемыя основанія философіи, на которыхъ можно построить большинство истинъ, съ математической послѣдовательностью и достовѣрностью. Эта ссылка на математику была вполнѣ умѣстна, такъ какъ въ то время математика изъ всѣхъ наукъ была наиболѣе чтимой, наиболѣе распространенной, и въ то же время наиболѣе выработанной. Со всѣмъ, что̀ было изложено съ математической очевидностью, связывалось представленіе о неотвратимой неизбѣжности. Предполагалось, что законъ необходимости, управляющій всѣмъ въ математикѣ, царитъ и въ естествознаніи, основанномъ на математическихъ истинахъ. А, слѣдовательно, какъ въ математикѣ достовѣрность выводовъ вытекаетъ изъ необходимости заключеній, такъ и въ философіи, которая стремится постичь міръ во всей его совокупности, при математическомъ изложеніи философскихъ умозаключеній, достовѣрность выводовъ сама собой становится очевидной, и то, что представляется намъ математически необходимымъ, должно быть признано за неоспоримую истину. Именно этого и добивался Спиноза для своего ученія.

Осуществленіе этой задачи несомнѣнно составляло важнѣйшее занятіе философа во время его пребыванія въ Ринсбургѣ. Помимо трудностей задачи, ему приходилось преодолѣвать еще другія препятствія, происходившія отъ слабости здоровья. Возможно, что именно соображенія этого рода побудили его перемѣнить мѣстожительство. Цѣлыхъ четыре года провелъ Спиноза въ своей деревушкѣ близь Лейдена, лишь изрѣдка и на короткое время выѣзжая погостить въ Амстердамъ, а лѣтомъ 1664 г. мы находимъ его уже въ Форбургѣ *(Voorburg)*, близь Гаги, гдѣ онъ разсчитывалъ найти лучшій воздухъ, а также необходимыя ему покой и независимость [22].

Надо думать, что внѣшній видъ Форбурга съ тѣхъ поръ мало измѣнился и что уже тогда, какъ теперь, онъ очаровывалъ взоры посѣтителей. Въ настоящее время дорога изъ Гааги въ Форбургъ идетъ мимо великолѣпныхъ виллъ, окруженныхъ роскошными садами и выстроенныхъ еще во времена былого величія свободныхъ Нидерландовъ, въ стилѣ, которому было впослѣдствіи присвоено имя французскаго. Форбургъ самъ по себѣ очень красивъ, весь утопаетъ въ зелени и отличается необычайной чистотой и опрятностью. Спиноза прожилъ здѣсь шесть лѣтъ, но никакихъ воспоминаній о немъ не сохранилось; уцѣлѣла только улица, на которой онъ жилъ [23].

Перемѣнѣ мѣстожительства Спиноза былъ обязанъ личнымъ знакомствомъ съ *Христіаномъ Гюйгенсомъ*. Около того времени, какъ философъ поселился въ Форбургѣ, Гюйгенсъ изъ дальнихъ и долгихъ странствій съ научной цѣлью вернулся на родину, въ Гаагу. Послѣднее время онъ жилъ въ Лондонѣ, гдѣ, будучи членомъ незадолго передъ тѣмъ основаннаго ученаго общества, познакомился съ Ольденбургомъ, который былъ первымъ секретаремъ этого общества и нѣсколько лѣтъ подрядъ издавалъ его протоколы. Отецъ Гюйгенса, въ то время еще состоявшій на службѣ у принцевъ Оранскихъ, владѣлъ роскошной виллой близь Форбурга [24]. Первымъ поводомъ къ знакомству послужила общность интересовъ: знаменитый естествоиспытатель, вообще большой мастеръ въ области механическаго труда, между прочимъ отлично умѣлъ шлифовать оптическія стекла, которыми онъ пользовался самъ, или дарилъ ихъ разнымъ научнымъ учрежденіямъ. Помимо вопросовъ изъ области точнаго знанія, молодые люди несомнѣнно затрогивали и философскіе вопросы, такъ какъ Гюйгенсъ внимательно изучалъ Декарта. Такъ по крайней мѣрѣ можно думать, судя по

письмамъ Спинозы, относящимся къ 1669 году и, какъ предполагается, писаннымъ Гюйгенсу послѣ того, какъ этотъ послѣдній, по приглашенію Кольбера, сдѣлался членомъ основанной послѣднимъ академіи наукъ и поселился въ Парижѣ.

Разставшись съ своимъ новымъ другомъ Спиноза почти одновременно понесъ еще болѣе тяжкую утрату: смерть стараго, испытаннаго друга, *Симона де-Фриса*. Точныхъ свѣдѣній относительно его кончины мы не имѣемъ. Извѣстно только, что онъ умеръ нѣсколькими годами раньше Спинозы, сраженный жестокимъ недугомъ. Передъ смертью де-Фрисъ хотѣлъ оставить все свое состояніе другу, но тотъ рѣшительно отказался, какъ отъ наслѣдства, такъ и отъ предложеннаго ему раньше подарка въ нѣсколько тысячъ гульденовъ [25]. Симонъ не имѣлъ семьи, но имѣлъ брата, жившаго въ Шидамѣ; этого брата Спиноза зналъ лично, даже одно время гостилъ у него въ Шидамѣ [26]. Онъ то, повидимому, и убѣдилъ философа принять отъ друга хотя бы ежегодную регулярную пенсію. Въ завѣщаніи эта пенсія опредѣлена была въ пятьсотъ гульденовъ, но, по настоянію Спинозы, отличавшагося безкорыстіемъ и крайне скромными потребностями, сведена была на триста. Вѣроятно объ этихъ-то „заботахъ“, разумѣя подъ ними дѣловые переговоры, и говоритъ Спиноза въ письмахъ къ неизвѣстному другу въ Амстердамѣ [27]. Если наша догадка справедлива, то смерть благороднаго де-Фриса слѣдуетъ отнести къ тому же году, которымъ помѣчены письма, т. е. къ 1666 г.

Тѣмъ временемъ обработка собственнаго ученія была доведена философомъ почти до конца, и большая часть рукописи была отправлена въ Амстердамъ, друзьямъ. Изъ писемъ видно, что Спиноза велъ съ ними переговоры также и относительно перевода ея [28], по всей вѣроятности на голландскій языкъ.

Ольденбургъ еще съ 1663 года неотступно убѣждалъ друга не медлить печатаніемъ и подѣлиться съ ученымъ міромъ плодами своихъ размышленій, такъ какъ, по его мнѣнію, ничто не могло быть „своевременнѣе и пріятнѣе людямъ истинно умнымъ и образованнымъ". Это соображеніе, въ глазахъ человѣка съ умомъ и характеромъ Спинозы, должно быть имѣть больше вѣса, чѣмъ страхъ возмутить противъ себя толпу заурядныхъ философовъ и богослововъ. Напоминая о томъ, что истина имѣетъ право на распространеніе, Ольденбургъ заклиналъ друга отбросить всякій страхъ передъ пигмеями современности: и такъ ужъ слишкомъ много жертвъ принесено невѣжеству и глупости; пора истинной наукѣ поднять паруса и глубже проникнуть въ тайны природы. По мнѣнію Ольденбурга, Спиноза можетъ печатать свои произведенія въ своемъ отечествѣ, не подвергаясь никакой опасности; ни одному здравомыслящему человѣку и въ голову не придетъ ставить ему препятствія. „А разъ такіе люди будутъ за Васъ, — въ чемъ я готовъ поручиться, — Вамъ нечего бояться насмѣшекъ невѣжественной толпы. Вѣдь въ Вашей странѣ царитъ свобода; значитъ тамъ можно открыто высказывать и свои философскія убѣжденія. Благоразуміе подскажетъ Вамъ надлежащій умѣренный тонъ для изложенія своихъ взглядовъ и мнѣній, а въ остальномъ довѣрьтесь судьбѣ" [29].

Но до печатанія дѣло не доходило, хотя Ольденбургъ убѣждалъ все настойчивѣе и наконецъ посовѣтовалъ другу, во избѣжаніе всякихъ непріятностей издать свои сочиненія безъ подписи. Изъ писемъ, помѣченныхъ концомъ 1665 г., мы неожиданно узнаемъ, что Спиноза работалъ въ это время еще надъ другимъ сочиненіемъ, совсѣмъ особаго рода.

„Я вижу, — пишетъ Ольденбургъ, — что вы занимаетесь

не столько философіей, сколько такъ называемымъ богословіемъ, излагая свои мысли объ ангелахъ, пророкахъ и чудесахъ; но вѣдь все это, я полагаю, Вы разсматриваете съ философской точки зрѣнія? Какъ бы тамъ ни было, я увѣренъ, что это произведеніе будетъ достойно Васъ, а для меня пріятно и желательно". Въ другомъ письмѣ, составляющемъ отвѣтъ на письмо Спинозы, которое, къ сожалѣнію, не дошло до насъ, Ольденбургъ говоритъ: „Причины, побудившія Васъ къ написанію разсужденія о Библіи, я вполнѣ уважаю и горячо желалъ бы имѣть возможность прочесть уже написанное Вами!" [30].

Что же за причины побудили Спинозу пріостановить свой философскій трудъ, окончанія котораго всѣ давно ждали съ нетерпѣніемъ, и приняться за изслѣдованіе Библіи? Не имѣя возможности выяснить ихъ изъ писемъ самого Спинозы, позволяемъ себѣ довольно правдоподобную догадку.

Еще въ бытность Спинозы въ Ринсбургѣ, *Арнольдъ Гелинксъ*, двѣнадцать лѣтъ занимавшій каѳедру въ католическомъ университетѣ въ г. Лувэнѣ, который, вмѣстѣ съ другими бельгійскими провинціями, оставался еще подъ владычествомъ Испаніи, былъ внезапно отрѣшенъ отъ должности. Это необычайное происшествіе взволновало весь ученый міръ и не могло не дойти до ушей Спиновы. Причину угадать не трудно. Послѣ смерти Декарта, іезуиты начали агитировать противъ его ученія; папскій нунцій въ Брюсселѣ очернилъ его передъ папой и мало по малу добился того, что сочиненія Декарта попали въ *Index* [31]. Жалкимъ обездоленнымъ бѣднякомъ явился Гелинксъ въ *Лейденъ*, гдѣ ему пришлось бы умереть съ голоду, или просить милостыни, еслибъ не явилась на выручку сострадательная душа, въ лицѣ такого же горячаго почитателя Декарта,

Абрагама фанъ-деръ-Гейдена, извѣстнаго въ ученомъ мірѣ подъ именемъ Гейдануса [32];—въ то время было въ обычаѣ прибавлять къ фамиліямъ латинскія окончанія.

Гейданусъ съ 1648 года состоялъ профессоромъ теологіи и философіи въ Лейденѣ. Очень возможно, что коллеги и раньше вели между собою знакомство, такъ какъ Гейданусъ былъ рьянымъ приверженцемъ Декарта и неутомимо трудился на пользу распространенія его ученія. Гейданусъ взялъ Гелинкса къ себѣ въ домъ, окружилъ его нѣжнѣйшими заботами и помогъ ему найти выходъ изъ его бѣдственнаго положенія. По его просьбѣ, эксъ-профессоръ, присоединившійся къ реформатской церкви, былъ допущенъ, хотя и неоффиціально, къ преподаванію въ стѣнахъ университета, что̀ и доставляло ему средства къ существованію въ остальныя шесть лѣтъ его жизни [33].

Отставка Гелинкса была однимъ изъ признаковъ реакціи противъ философіи Декарта,—реакціи, которая, послѣ смерти его, стала обнаруживаться и въ нидерландскихъ университетахъ. Навѣты и науськиванія іезуитовъ не пропали даромъ: на Дортрехтскомъ соборѣ 1656 г. было постановлено строго различать философію отъ теологіи, и теологамъ воспрещены были всякія ссылки на Декарта, какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ устномъ преподаваніи. Мѣра эта на дѣлѣ являлась только полумѣрой, такъ какъ всѣ просвѣщенные теологи придерживались ученія Декарта, и избѣжать ссылокъ на него было тѣмъ труднѣе, что многіе профессора, занимавшіе каѳедры богословія, обязаны были, по должности, преподавать и философію, какъ вспомогательную науку. Противъ такихъ профессоровъ постоянно велись интриги, и особеннымъ преслѣдованіямъ подвергся покровитель Гелинкса. Городскія и академическія власти осаждались ходатайствами о томъ, чтобы всѣмъ безъ исключенія про-

фессорамъ воспрещено было излагать метафизику Декарта, какъ публично, такъ и на частныхъ урокахъ, подъ страхомъ немедленнаго отрѣшенія отъ должности. Гейданусъ также не избѣгъ этой участи; происки поповъ увѣнчались успѣхомъ; запрещеніе вошло въ силу; Гейданусъ позволилъ себѣ открыто протестовать противъ такого насилія надъ наукой и былъ уволенъ [34].

Развѣ въ этомъ не заключалось вызова, не сказывалась настоятельная необходимость выяснить современникамъ *разницу между богословіемъ и философіей*, интересами вѣры и знанія, показать, что это двѣ совершенно различныя области, выяснить сущность и значеніе каждой изъ нихъ,—такъ какъ гнетъ привитыхъ церковью воззрѣній препятствовалъ имъ судить здраво?

Эту-то задачу и принялъ на себя Спиноза. Дознавшись личнымъ опытомъ, какой опасностью грозятъ свободному мышленію дерзость и властолюбіе богослововъ, онъ былъ болѣе кого бы то ни было способенъ выполнить ее. Лично онъ постигъ истину, но необходимо было проложить ей путь въ міръ, сдѣлать ее очевидной для всякаго образованнаго и доступной пониманію всякаго мало-мальски мыслящаго человѣка. И вотъ онъ задумалъ написать изслѣдованіе о вещахъ, передъ которыми наука до сихъ поръ пугливо отступала. Здѣсь могли найти себѣ примѣненіе всѣ познанія въ теологіи, пріобрѣтенныя имъ съ такимъ трудомъ, и собственныя его толкованія, которыя онъ придумывалъ втихомолку для себя лично. Вполнѣ независимый, не принадлежащій ни къ какой церкви, онъ былъ по истинѣ призванъ къ тому, чтобъ разобрать притязанія вѣры передъ судомъ разума. Всѣ результаты своего безпристрастнаго мышленія и добросовѣстнаго изслѣдованія онъ изложилъ въ сочиненіи, которое должно было обезпечить ему неувядаемую и

неоспоримую славу, какъ піонеру новаго способа изученія Библіи.

Этому важному труду Спиноза посвятилъ всѣ остальные годы, проведенные въ Форбургѣ, постоянно откладывая изъ-за него опубликованіе собственнаго ученія, изложеннаго въ геометрической формѣ, не взирая на настойчивыя просьбы друзей. Когда, наконецъ, работа была кончена, философъ переселился изъ Форбурга въ Гаагу. Очень возможно, что его побудила къ этому возраставшая слабость здоровья и необходимость имѣть подъ рукой медицинскую помощь.

ГЛАВА III.

Первые годы въ Гаагѣ.

Почти пятнадцать лѣтъ провелъ Спиноза въ сельскомъ уединеніи, прежде чѣмъ онъ рѣшился окунуться въ шумную жизнь большого города. Изъ Амстердама онъ выѣхалъ двадцатилѣтнимъ юношей; въ 1670 г., когда онъ переселился въ Гаагу, ему было уже около 38 лѣтъ.

Здѣсь у него было много вліятельныхъ знакомыхъ и въ купеческомъ, и въ чиновномъ кругу, были люди, занимавшіе высокія должности въ управленіи государствомъ, или въ арміи; всѣ они дорожили обществомъ философа и высоко цѣнили его поучительныя бесѣды. Ибо, при всей своей любви къ замкнутой жизни, Спиноза былъ въ обществѣ веселъ, разговорчивъ и необычайно привлекателенъ. Крестьяне деревень, гдѣ онъ жилъ, находили его общительнымъ, правдивымъ, любезнымъ и чрезвычайно благовоспитаннымъ;

точно также, умѣлъ онъ понравиться и внушить къ себѣ уваженіе и въ высшемъ кругу, благодаря своему замѣчательному умѣнью владѣть собой, быть господиномъ своихъ чувствъ и поступковъ, благодаря своей тактичности, свѣтскости и простому, но всегда изящному и тщательному костюму [1]. По словамъ одного изъ его почитателей [2], въ немъ ничѣмъ не проявлялась та невольная, или намѣренная небрежность и неряшливость, какую мы часто встрѣчаемъ и охотно извиняемъ въ педантахъ, такъ называемыхъ философахъ и вообще ученыхъ. Онъ являлся въ общество свѣтскимъ человѣкомъ, отдающимъ себѣ должное, не кичась своимъ превосходствомъ, для всѣхъ интереснымъ и привлекательнымъ.

Среди выдающихся личностей, въ кругу которыхъ Спиноза вращался въ Гаагѣ, слѣдуетъ отмѣтить *Іоанна де-Витта* [3]. Съ этимъ государственнымъ дѣятелемъ Спиноза по всей вѣроятности встрѣчался, еще живя въ Форбургѣ. Впослѣдствіи онъ получалъ отъ де-Витта ежегодную скромную пенсію въ 200 гульденовъ [4]. Относительно этой дружбы также создалась легенда. Увѣряютъ не только, что Спиноза обучалъ своего покровителя математикѣ, но что де-Виттъ совѣтовался съ философомъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, забывая, что де-Виттъ уже держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Голландіи, въ то время какъ Спиноза только еще начиналъ изучать философію.

Къ Іоанну де-Витту еще въ 1653 г. перешло званіе великаго Ольденбарнефельдта; когда же по вестфальскому миру была признана независимость Нидерландовъ [5], онъ сдѣлался и предводителемъ республиканской партіи, вліяніе которой опять стало преобладать, съ тѣхъ поръ какъ оранская партія лишилась своего вождя, въ лицѣ преждевременно скончавшагося Вильгельма II. Іоанну де-Витту

и его старшему брату *Корнелію*, при помощи разумной предусмотрительности и неусыпной дѣятельности, подъемомъ промышленности и торговли, финансовъ и флота удалось загладить вредъ, причиненный странѣ разыгравшейся въ это время войной съ республиканской Англіей (1651—54).

Мало-по-малу голосъ батавской республики получилъ рѣшающее значеніе въ дѣлахъ сѣверной Европы. Вторая война съ Англіей, гдѣ между тѣмъ снова водворилась королевская власть,—война, въ которой Корнелій отличился своими подвигами на морѣ, не меньше, чѣмъ въ предыдущей, не только кончилась успѣшно для Нидерландовъ и принесла большія выгоды, но и возбудила алчность и зависть Людовика XIV. Прикрываясь мнимыми правами наслѣдства, этотъ скупой и властолюбивый государь занялъ своими войсками фландрскія провинціи, еще причислявшіяся къ Испаніи, намѣреваясь современемъ захватить и свободные Нидерланды. Оба государства вели между собой дружбу, пока это являлось полезнымъ, какъ противовѣсъ испанскому владычеству въ Европѣ, но, когда Франція сама начала предъявлять притязанія на это владычество, Нидерланды должны были измѣнить свою политику. Чтобы дать отпоръ королю-солнцу, они заключили союзъ съ только что побѣжденной ими Англіей и со Швеціей, которая въ то время еще считалась великой европейской державой. Этотъ союзъ, дѣло рукъ Іоанна де-Витта, отвратилъ непосредственную опасность, но за то вызвалъ въ странѣ сильное волненіе. Оранской партіи снова представился случай вернуть прежнее вліяніе, и обострившаяся партійная вражда еще увеличила заботы и затрудненія, съ которыми приходилось бороться мудрому политику, хлопотавшему исключительно о благѣ своей родины.

Оранская партія усилилась вслѣдствіе того, что у нея

явился новый вождь въ лицѣ младшаго сына покойнаго намѣстника, Вильгельма III[6], впослѣдствіи сдѣлавшагося по истинѣ великимъ государемъ. Благодаря родственнымъ связямъ съ материнской стороны, этотъ молодой человѣкъ могъ разсчитывать на поддержку Англіи, а наслѣдственность намѣстничества въ Оранскомъ домѣ обезпечивала ему выдающееся положеніе въ родной странѣ. Въ этомъ переходѣ отъ отца къ сыну власти намѣстника и связанныхъ съ ней полномочій республиканцы видѣли серьезную опасность, грозившую свободѣ Нидерландовъ, и, чтобы предотвратить ее, Іоаннъ де-Виттъ принялъ особыя мѣры. Молодому оранскому принцу не было еще и четырехъ лѣтъ отъ роду, когда его такъ называемымъ Seclusionsakt'омъ 1654 г. лишили правъ на намѣстничество: въ восемнадцать лѣтъ онъ настолько созрѣлъ умственно и физически, что могъ назваться мужемъ; въ это время, по настоянію де-Витта, былъ изданъ новый указъ, отнимавшій у юноши всякую возможность занять вліятельное положеніе въ своемъ отечествѣ. Правда, изъ уваженія къ союзной Англіи, впослѣдствіи, ему было возвращено жалованье и самый указъ о лишеніи намѣстническихъ правъ отмѣненъ; зато, въ интересахъ республики, власть и значеніе намѣстника были сведены на нѣтъ, что, конечно, еще болѣе обострило и безъ того натянутыя отношенія между партіями.

Вотъ какой тяжелый кризисъ переживали Нидерланды, когда Спиноза переселился въ Гаагу. Изъ писемъ Ольденбурга, изъ вопросовъ, которые онъ предлагаетъ другу, видно, что этотъ послѣдній съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ событій. Отвѣтныя письма Спинозы, къ сожалѣнію, не дошли до насъ, но, по всей вѣроятности, въ нихъ высказывались тѣ же взгляды на тогдашнія событія, какъ и въ его сочиненіяхъ: какъ въ главномъ, въ то время только что

сданномъ въ печать, — о немъ мы скажемъ подробно, — такъ и въ и небольшомъ отрывкѣ „Ученіе о государствѣ [7], написанномъ, должно быть, вскорѣ послѣ перваго.

Республиканецъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Спиноза былъ безусловно на сторонѣ партіи, враждебной оранскому дому.—Королевской власти,—говоритъ онъ [8], въ голландскихъ штатахъ никогда не существовало; во главѣ ихъ стояли только графы, изъ которыхъ ни одному не было присвоено право властвованія надъ страной. Для обезпеченія своей гражданской свободы, „высокомощные“ (hochmögende) штаты удержали за собой право напоминать своимъ правителямъ объ ихъ обязанностяхъ, а, въ случаѣ надобности, и призывать ихъ къ отвѣту. А слѣдовательно, сопротивленіе штатовъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ правителя никакъ нельзя назвать отпаденіемъ, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ лишь объ охраненіи собственной, стародавней власти штатовъ.

По мнѣнію Спинозы [9], Англія, снова возстановившая у себя королевскую власть, пользовалась несравненно меньшей свободой, чѣмъ Нидерланды; въ Кромвелѣ же онъ видѣлъ только монарха подъ другимъ именемъ, который, не смотря на всю свою строгость съ внутренними врагами и постоянныя войны съ внѣшними, не сумѣлъ удержаться на престолѣ и долженъ былъ уступить мѣсто законному королю, призванному обратно народомъ, опасавшимся, чтобъ его положеніе не стало еще худшимъ подъ властью протектора. При всемъ томъ Спиноза далеко не стоитъ за монархизмъ. Онъ осмѣиваетъ тѣхъ [10], кого можно убѣдить, что особа государя священна, что онъ заступаетъ на землѣ мѣсто Бога и поставленъ надъ своими подданными не властью людской, но божественнымъ провидѣніемъ.

По мнѣнію Спинозы, высшимъ закономъ и высшимъ пра-

вомъ монарха должна быть забота о благѣ его народа [11]; онъ даетъ монарху право выбирать изъ мнѣній, высказанныхъ его совѣтниками, то, которое ему больше по вкусу, но не позволяетъ ему идти наперекоръ мнѣнію всего совѣта. Всегда и вездѣ король долженъ ставить на первый планъ основные интересы государства, и, если министры отказываются исполнять повелѣнія, несогласныя съ этими интересами, Спиноза не осуждаетъ ихъ, ибо „если всякое право есть объявленная воля короля, далеко не всякая воля короля есть право“ [12].

Особенно нападаетъ Спиноза на Людовика XIV, который былъ образцомъ королевскаго произвола. Его поползновенія подчинить себѣ Нидерланды, опираясь на права наслѣдства, Спиноза называетъ прямо непозволительными и неумѣстными и требуетъ мудрыхъ государственныхъ мѣръ для предотвращенія ихъ [13]. Очевидно, того же государя имѣлъ онъ въ виду, возмущаясь противъ наемныхъ войскъ [14] и заявляя, что защита страны должна быть возложена на гражданъ, способныхъ носить оружіе, такъ какъ только при такомъ способѣ защиты охраняется и государство, и гражданская свобода его жителей; наемные же солдаты, состоящіе на жалованьѣ у короля, чувствуютъ себя какъ бы его слугами, обязанными повиноваться ему одному. Того же Людовика подразумѣваетъ философъ [15], выступая противъ ошибочнаго мнѣнія, будто верховное право судить и рѣшать въ извѣстномъ государствѣ можетъ принадлежать одному человѣку. Это заблужденіе: нѣтъ человѣка, которому было бы подъ силу нести такое бремя; и вотъ, часть его заботъ о народномъ благѣ переходитъ къ довѣреннымъ лицамъ и совѣтчикамъ, въ рукахъ которыхъ, въ сущности, и сосредоточивается верховная власть, особенно, когда король сластолюбивъ и не столько царствуетъ, сколько угож-

даетъ прихотямъ своихъ наложницъ и фаворитовъ. Даже извѣстную поговорку: „*l'état c'est moi—rex ipse civitas*“, приписываемую этому королю,—мы находимъ у Спинозы [16]. впрочемъ какъ общій принципъ, толкуемый въ томъ смыслѣ, что, королевская воля и права гражданъ едино суть, и потому никакія распоряженія короля не могутъ имѣть значенія послѣ его смерти, „такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторымъ образомъ умираетъ и государство“, и граждане возвращаются въ первобытное или естественное состояніе, а верховная власть естественно переходитъ въ руки народа, который можетъ ввести новую форму государственнаго устройства.

Произведеніе, изъ котораго мы заимствовали большую часть этихъ политическихъ взглядовъ, было написано Спинозой во время пребыванія его въ Форбургѣ и въ 1670 г. издано его друзьями въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: *Tractatus theologico-politicus* — „богословско-политическій трактатъ“. Къ этому заглавію, согласно тогдашнимъ вкусамъ, было присоединено еще подзаглавіе, гласившее, что трактатъ содержитъ „нѣкоторыя разсужденія, имѣющія цѣлью доказать, что свобода философствовать не только допустима, какъ не подрывающая вѣры и спокойствія государства, но можетъ быть уничтожена лишь вмѣстѣ съ спокойствіемъ государства и вѣрой“. Авторъ не назвалъ себя,—изъ осторожности-ли, въ виду возбужденнаго состоянія общества въ моментъ выхода книги, или, чтобы дать читателямъ возможность судить вполнѣ безпристрастно, и тѣмъ способствовать успѣху дѣла, за которое онъ боролся. Вмѣсто имени автора, на заглавномъ листкѣ стоялъ эпиграфъ изъ перваго посланія Іоанна, гл. 4, ст. 13: „Что мы пребываемъ въ Богѣ, и Богъ въ насъ, узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ Духа Своего“.

Въ предисловіи, авторъ, стараясь дать понятіе читателю

о содержаніи книги и способѣ изложенія, утверждаетъ, что гражданинъ отвѣтственъ передъ государствомъ только за свои поступки, но не за мысли, и находитъ Нидерланды необыкновенно счастливой страной въ томъ отношеніи, что въ ней каждому предоставлена полная свобода судить и вѣровать по своему, и свободой этой дорожатъ, какъ высшимъ и драгоцѣннѣйшимъ благомъ. Далѣе онъ приноситъ благодарность республиканской партіи, владычество которой особенно благопріятствовало процвѣтанію свободы вообще и въ частности религіозной терпимости; тогда какъ оранская партія держалась лишь содѣйствіемъ клерикаловъ, и съ усиленіемъ ея начинали властвовать іерархи церкви и ихъ приспѣшники, нетерпимые и назойливые, совавшіе носъ не только въ церковныя, но и въ академическія дѣла, стараясь все подчинить своему вліянію. Даже тамъ, гдѣ религія еще не пала такъ низко, всякія установленныя закономъ рамки для мыслей и сужденій представляютъ большую опасность, такъ какъ это ведетъ къ сосредоточенію власти въ рукахъ духовенства, которое ревниво охраняетъ свое господство и, часто, не довольствуясь осужденіемъ и преслѣдованіемъ людей, мыслящихъ иначе, разжигаетъ религіозныя распри въ возмущеніи противъ законной государственной власти. Религія, при такихъ условіяхъ, совершенно вырождается: мѣсто страха Божія заступаетъ страхъ передъ духовенствомъ, служители церкви превращаются въ грязныхъ и суетныхъ любостяжателей, а храмы—въ трибуны, на которыя ораторы всходятъ не для того, чтобъ поучать народъ и наставлять его въ добрѣ, но чтобы, подкупая слушателей звонкими фразами, сѣять ненависть и вражду къ несогласномыслящимъ и бранить разумъ, увѣряя, что онъ данъ природой на пагубу человѣку.

Уже изъ заглавія книги видно, что Спиноза намѣренъ

изслѣдовать три области культурной жизни, въ ихъ существѣ и во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Трактатъ дѣлится на двадцать главъ; изъ нихъ пятнадцать посвящены теологіи, въ трехъ онъ излагаетъ свое „ученіе о государствѣ", въ его отношеніи къ религіи; наконецъ въ двухъ заключительныхъ главахъ рѣчь идетъ о „свободѣ философствовать", что̀, на языкѣ того времени, означало право свободно мыслить вообще.

Отдѣлъ, посвященный теологіи, составляетъ весьма объемистый трудъ, и этому не слѣдуетъ удивляться, принимая во вниманіе характеръ эпохи: въ то время религіозные интересы стояли на первомъ планѣ, проявлялись ли они въ формѣ добровольнаго усердія вѣрующихъ, или кичливости сановниковъ церкви, поощряемой малодушными и эгоистичными властителями. *Историческая заслуга Спинозы* и состоитъ именно въ томъ, что онъ первый обратилъ на это вниманіе и подвергъ безпристрастной критикѣ притязанія теологіи на исключительную и руководящую роль въ области умственной жизни.

Свои притязанія теологія основываетъ на *священномъ Писаніи* [17].—Правда, говоритъ Спиноза,—всѣ твердятъ, что Писаніе есть слово Божіе, что оно учитъ человѣка истинному счастью и указываетъ ему путь къ спасенію; но въ общемъ никому кажется и въ голову не приходитъ согласовать свою жизнь съ этими указаніями,—и меньше всего самимъ богословамъ. Эти господа хлопочутъ только о томъ, чтобы выдать собственныя измышленія за слово Божіе, отыскать, хотя бы со всевозможными натяжками, подтвержденіе своимъ умствованіямъ въ Писаніи, и поставить ихъ подъ защиту божественнаго авторитета. Они пользуются религіей, какъ предлогомъ заставить другихъ думать такъ же, какъ думаютъ они. Толкуя Писаніе, они стараются только

доказать свою правоту и побѣдить противниковъ въ спорахъ,—вмѣсто того, чтобы благоговѣйно вникать въ христіанское ученіе, предписывающее намъ совсѣмъ не такой образъ жизни, какой ведутъ надменные, одержимые непомѣрной алчностью наставники вѣры и большинство ихъ послѣдователей. Честолюбіе и беззаконіе ихъ довели до того, что религіозность они видятъ не столько въ соблюденіи Божія завѣта, сколько въ защитѣ порядковъ, установленныхъ людьми, что религія уже не учитъ людей любви, но раздуваетъ ихъ вражду между собою и поселяетъ въ ихъ сердцахъ безпощадную ненависть, ложно выдаваемую за ревность о Богѣ и глубокую преданность вѣрѣ. Богословамъ чудятся какія-то необычайно глубокія тайны, будто бы сокрытыя въ Писаніи; но, чтобы напасть на слѣдъ этихъ тайнъ и подготовить людей къ принятію ихъ, этихъ послѣднихъ учатъ презирать разумъ и природу и только тому поклоняться, только то чтить, что противно и здравому смыслу и законамъ природы [18]. Существуетъ лишь одинъ выходъ изъ лабиринта теологическихъ предразсудковъ: надо изслѣдовать само Писаніе, какъ натуралистъ изслѣдуетъ природу.—И вотъ, Спиноза излагаетъ единственный, по его мнѣнію, *правильный методъ толкованія Писанія.*

Этотъ методъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ общепринятымъ отношеніемъ къ Библіи. Принято думать, что св. Писаніе дошло до насъ въ чистомъ и неподдѣльномъ видѣ, что божественное Провидѣніе позаботилось предохранить его отъ всякихъ искаженій; въ виду этого воздаютъ божественныя почести самой Библіи, какъ книгѣ, а не содержанію ея, не ученіямъ, которыя ведутъ человѣка къ спасенію. Въ то-же время утверждаютъ, что Библія не можетъ быть понятной при свѣтѣ простого разума, что для истолкованія ея необходимо особое, сверхчеловѣческое проникнове-

ніе. Но кто же можетъ похвалиться таковымъ?—Толкованія тѣхъ, кому приписываютъ эту высокую способность проникновенія, по истинѣ не обнаруживаютъ ничего сверхъестественнаго: туманность выраженій часто показываетъ только, что толкователь самъ хорошенько не понималъ смысла того мѣста, которое брался разъяснить, и въ лучшемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ догадками. А это вполнѣ доступно и разуму; не нужно сверхъестественнаго освѣщенія, чтобы составить себѣ правильное мнѣніе, если только человѣкъ даетъ себѣ трудъ поразмыслить и провѣрить свои выводы. Такъ же мало правды и въ утвержденіи, будто сверхъестественный даръ понимать Писаніе данъ только вѣрующимъ. Пророки и апостолы проповѣдывали не только вѣрующимъ, но и невѣрующимъ, и безбожникамъ, причемъ, конечно, старались, чтобъ эти послѣдніе понимали ихъ, а между тѣмъ они обращались единственно къ природному уму своихъ слушателей [19].

Тѣмъ не менѣе, изучая писаніе, хотя бы и въ естественномъ освѣщеніи, весьма важно не руководствоваться простыми внушеніями разума и предвзятыми мнѣніями, а черпать разъясненія изъ самой Библіи; ибо кто хочетъ судить о ней непредубѣжденно и толковать ее правильно, тотъ долженъ сомнѣваться въ собственныхъ предположеніяхъ и провѣрять ихъ снова и снова [20].

Для правильнаго толкованія Писанія, на основаніи его же самого, не достаточно разбирать содержаніе книгъ по существу; надо считаться еще и съ особенностями языка, на которомъ онѣ были написаны, съ оттѣнками мысли и способа выраженія ихъ составителей. Всѣ книги, какъ Ветхаго, такъ и Новаго завѣта написаны евреями, и потому, для правильнаго пониманія ихъ существенно важно выяснить себѣ характеръ и ходъ развитія еврейскаго языка;

это относится не только къ древнимъ книгамъ, на немъ написаннымъ, но и къ новымъ, которыя, хотя написаны и не по еврейски, все же полны „гебраизмовъ“ [21].

Чрезвычайно затрудняютъ правильное пониманіе Библіи нѣкоторыя особенности еврейскаго письма. Чтобы добраться до истиннаго смысла нѣкоторыхъ мѣстъ, необходимы многостороннія и тщательныя лингвистическія изслѣдованія,—въ бумагахъ Спинозы, послѣ его смерти, найдена была составленная имъ съ этой цѣлью, но неоконченная *еврейская грамматика*,—а станутъ ли тратить время на изслѣдованія тѣ, кому нужно только одно: выискать во что бы то ни стало подтвержденіе своимъ догматическимъ предразсудкамъ. Тѣмъ болѣе не принимаютъ въ соображеніе эти господа, что судьба книгъ священнаго Писанія по большей части неизвѣстна намъ, а ужъ объ авторахъ ихъ, почти безъ исключеній, мы рѣшительно ничего не знаемъ: не знаемъ, когда и при какихъ условіяхъ были написаны эти книги, почему возникли различные варіанты и сколько именно ихъ уцѣлѣло [22].

Тотъ, кто подвергаетъ Библію добросовѣстной критикѣ, непремѣнно долженъ возстать противъ одного изъ главныхъ составныхъ элементовъ священнаго Писанія, а именно: своеобразнаго пониманія Бога и вытекающихъ отсюда ложныхъ представленій о Немъ. Вѣнцомъ этихъ представленій является вѣра въ чудеса; человѣку непремѣнно хочется, чтобы дѣятельность Божества проявлялась временнымъ или даже полнымъ нарушеніемъ естественнаго порядка вещей, хотя объ этомъ самомъ порядкѣ тоже говорится, что онъ установленъ, или созданъ Богомъ. Бога и природу представляютъ себѣ совершенно раздѣльными и отличными другъ отъ друга силами, изъ которыхъ одна дѣйствуетъ, а другая остается праздной. Неразвитой умъ простолюдина нерѣдко дивится чуду тамъ, гдѣ онъ не въ силахъ распо-

знать естественную причину; а иной разъ чудеса просто выдумываютъ для того, чтобы имѣть предлогъ хвастаться особымъ благоволеніемъ къ себѣ Божества. На что не осмѣлится невѣжество и глупость человѣка, который не имѣетъ здравыхъ понятій ни о Богѣ,—ни о природѣ, мѣритъ Бога на свой аршинъ, а о природѣ судитъ такъ узко, что воображаетъ, будто она создана исключительно для него. Въ природѣ несомнѣнно происходитъ многое, чего мы не можемъ объяснить себѣ сразу, въ чемъ не можемъ уловить связи и причинности, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что такія явленія противорѣчатъ ея вѣчнымъ законамъ, или что Богъ создалъ природу настолько убогой и несовершенной, что она временами нуждается въ помощи извнѣ. Въ природѣ нѣтъ ничего, чтобы не вытекало изъ ея незыблемыхъ и неизмѣнныхъ законовъ, и слово: чудо,—говоритъ Спиноза, въ одно слово съ раціоналистами позднѣйшей эпохи просвѣщенія [24],—можетъ быть понятно, только какъ выраженіе извѣстныхъ взглядовъ или какъ символъ человѣческаго невѣжества.

Многіе видятъ въ чудесахъ особое доказательство бытія Божія и ссылаются при этомъ на Божественную волю, какъ будто она можетъ быть измѣнчивой и зависѣть отъ частностей. Эта воля достаточно ясно сказывается въ безконечной закономѣрности природы и незыблемости ея законовъ, но конечно не всякому уму дано сразу постичь это, и менѣе всего это доступно умамъ, ослѣпленнымъ тщеславіемъ и суевѣріемъ; а между тѣмъ они не страшатся называть разумъ слѣпымъ и науку суетной и, наоборотъ, почитать собственныя фантазіи, сны и вздорныя бредни за отвѣтъ Божества; больше того,—утверждать, будто Богъ неблагосклоненъ къ мудрецамъ и не открываетъ своихъ велѣній уму человѣческому, но предоставляетъ угадывать ихъ

по внутренностямъ животныхъ, полету птицъ, и т. под., что велѣнія Его начертаны тамъ, а не въ душѣ человѣческой—доказывать бытіе и могущество Божіе посредствомъ чудесъ нелѣпо уже потому, что діаволу также приписываютъ власть творить чудеса, что ихъ творили ложные пророки и идолопоклонники,—о чемъ неоднократно упоминается въ Библіи и чему тѣ-же самые теологи вѣрятъ, какъ факту [25].

Въ природѣ все повинуется вѣчнымъ, незыблемымъ и неизмѣннымъ законамъ; чудеса безсильны доказать что бы то ни было по отношенію къ Божеству, и потому Спиноза полагаетъ [26], что само Писаніе подразумѣваетъ подъ божественными опредѣленіями и проявленіями Божественной воли не что иное, какъ законы самой природы. Разсказы же о чудесахъ объясняются просто-на-просто тѣмъ, что въ тѣ непросвѣщенныя времена люди мыслили и воспринимали иначе, и еще присущею большинству людей неспособностью передавать факты просто какъ они были, безъ добавленій и личной окраски. Благодаря этому свойству, людямъ часто кажется, что они видятъ и слышатъ совсѣмъ не то, что они видятъ и слышатъ на самомъ дѣлѣ; когда же факты превосходятъ ихъ пониманіе, или когда въ дѣлѣ замѣшанъ личный интересъ, одно и тоже событіе, въ передачѣ нѣсколькихъ лицъ, легко можетъ превратиться въ столько же совершенно различныхъ событій. Дѣйствительныя происшествія, о которыхъ повѣствуетъ Писаніе, могли происходить только согласно съ законами природы; все же, что̀ явно противорѣчитъ этимъ законамъ, или не можетъ быть выведено изъ нихъ, слѣдуетъ безусловно признать за вставки, внесенныя въ Писаніе нечестивыми руками [26].

На такія рѣчи у защитниковъ вѣры, требующихъ благоговѣйнаго уваженія къ каждой буквѣ Писанія, всегда готовый отвѣтъ подъ рукой—обвиненіе въ безбожіи. Имъ не

мѣшало бы припомнить, что чудеса могутъ быть только нарушеніемъ естественнаго порядка вещей, разъ навсегда установленнаго самимъ Богомъ, и допускать возможность ихъ значитъ сомнѣваться въ непреложности Божественныхъ опредѣленій; но въ такомъ случаѣ можно и во всемъ сомнѣваться, а это въ концѣ концевъ ведетъ къ полному отрицанію Бога, къ атеизму [27].

Ибо только путемъ разума доступно истинное и чистое познаніе Бога, и ничто не можетъ быть нелѣпѣе [28] желанія подчинить этотъ высшій даръ, этотъ божественный свѣточъ мертвымъ буквамъ, искаженнымъ, благодаря небрежности человѣческой, извращеннымъ, благодаря человѣческой низости,—видѣть истинное благочестіе лишь въ недовѣріи къ разуму и собственному сужденію, и объявлять безбожникомъ всякого, кто сомнѣвается въ полной правдивости и надежности тѣхъ, черезъ чьи руки прошли книги св. Писанія. Неужели за вѣру и религію стоитъ только тотъ, кто умышленно знать ничего не хочетъ и поворачиваетъ спину разуму? Неужели нѣтъ другого способа защищать ихъ? Разумѣется, умственное, (интеллектуальное), наиболѣе совершенное постиженіе Бога доступно далеко не всѣмъ вѣрующимъ, но лишь немногимъ избраннымъ; это рѣдкій и божественный даръ, но именно потому ни разумъ (философія) не долженъ дѣлать религію, ни религія или теологія разумъ своимъ слугой.

Здѣсь и лежитъ *граница между теологіей и философіей*,—граница, которой ни передвинуть, ни уничтожить нельзя, потому что эти двѣ науки не имѣютъ между собой ничего общаго и принадлежатъ двумъ совершенно различнымъ областямъ человѣческой дѣятельности; одна есть исканіе истины и вѣдѣнія, доступнаго лишь избраннымъ; другая же стремится къ тому, что безусловно доступно пониманію каж-

даго человѣка и чѣмъ онъ можетъ руководствоваться въ своихъ поступкахъ [29].

Ибо религія, или вѣра, имѣетъ смыслъ и значеніе лишь постольку, поскольку *она одинаково доступна всѣмъ людямъ* и всѣхъ охватываетъ кругомъ своего вліянія; вліяніе же это выражается въ слѣдующей формѣ: со стороны Божества—откровеніемъ, черезъ призванныхъ имъ учителей вѣры; со стороны людей—мыслями и поступками, соотвѣтствующими указаніямъ свыше. Вѣровать, говоритъ Спиноза, значитъ знать о Богѣ то, безъ чего немыслимо послушаніе Ему, а также то, что совмѣстимо съ этимъ послушаніемъ. Если отбросить все случайное, наносное, произвольное и ненужное, мы увидимъ, что истинная цѣль священнаго Писанія и главная идея, красной нитью проходящая черезъ всѣ книги Библіи, есть ученіе о *послушаніи Богу и любви къ ближнимъ*. Если Писаніе даетъ мѣрку благочестія для образа мыслей и дѣйствій, то при этомъ имѣется въ виду исключительно послушаніе или сопротивленіе, а никакъ не истинность или ошибочность вѣрованій; напротивъ, Писаніе воздаетъ должное справедливымъ и благороднымъ поступкамъ, вытекающимъ изъ чистоты сердца, хотя бы совершившій ихъ и не зналъ божественнаго откровенія. Потому-то и цѣнно св. Писаніе, потому-то и не изсякаетъ никогда его цѣлительная сила.

Есть люди, способные укрѣпиться въ добродѣтели, руководствуясь одними лишь указаніями разума, но такихъ людей, сравнительно, очень мало, а между тѣмъ согласовать свою жизнь съ требованіями добродѣтели необходимо для блага человѣчества и, въ извѣстной мѣрѣ, доступно каждому; вотъ почему Божественное откровеніе является необходимостью. Что для спасенія души, или достиженія счастья [31], достаточно повиноваться Божьимъ велѣніямъ.

какъ закону, хотя бы и не понимая, что они въ тоже время суть вѣчныя истины,—этому разумъ учить не можетъ; этому учитъ лишь откровеніе, ссылаясь на то, что Богъ по особой своей милости,—которой мы не можемъ постичь разумомъ,—даровалъ намъ возможность достигнуть блаженства путемъ простаго послушанія; потому-то священное Писаніе и составляетъ великій источникъ утѣшенія.

При всемъ томъ, слово Божіе вовсе не заключено въ книгахъ, которымъ мы обязаны воздавать божескія почести. Онѣ лишь средства и орудія къ спасенію; истинная же религія начертана Богомъ въ сердцахъ, въ самой душѣ человѣческой; и призваннымъ Имъ учителямъ, именуемымъ пророками и апостолами, остается только будить въ душѣ это скрытое вѣдѣніе, указывая на значеніе его для душевнаго мира [32].

Вначалѣ Богъ всего явственнѣе открылся евреямъ и, какъ видно изъ Писанія, проявлялъ по отношенію къ нимъ особенную заботливость. Благодаря этому, въ Библіи содержится множество указаній и предписаній, имѣвшихъ цѣлью благоденствіе іудейскаго царства и съ паденіемъ его утратившихъ всякій смыслъ. Правда, сами евреи не хотятъ согласиться съ этимъ, продолжаютъ считать себя на вѣки вѣковъ избраннымъ народомъ и думаютъ, что только среди нихъ возставали истинные пророки, осѣненные благодатію Божіей. Не говоря уже о томъ, что сама Библія упоминаетъ объ истинныхъ пророкахъ, возстававшихъ среди иноплеменниковъ, что и у другихъ народовъ встрѣчаются примѣры богоугодной жизни, т. е. благочестія и чистоты сердца, тогда какъ евреи нерѣдко измѣняли своему Богу и впадали въ идолопоклонство;—съ появленіемъ Христа положеніе вещей совершенно измѣнилось, ибо Онъ пришелъ въ міръ не для однихъ только іудеевъ, но для всего рода человѣческаго [33].

О Новомъ Завѣтѣ Спиноза не высказывается такъ обстоятельно, какъ о Ветхомъ, заявляя, что ему мѣшаетъ недостаточное знаніе греческаго языка [34]. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Все дѣло въ немъ, въ этомъ ученіи, а не въ построенныхъ на немъ позже церковныхъ догматахъ. Самые догматы Спиноза обходитъ молчаніемъ, на томъ основаніи неоднократно имъ указываемомъ [35], что все это слишкомъ хитро, и что простому, неизвращенному уму разобраться въ этомъ не подъ силу, такъ какъ даже ученые, при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, даютъ по этому поводу объясненія уклончивыя, или противорѣчивыя. Божественность св. Писанія основывается исключительно на томъ, что оно указываетъ путь къ добродѣтели, а ученіе объ истинномъ благочестіи по необходимости должно быть изложено самымъ простымъ и обыкновеннымъ языкомъ, чтобы быть всѣмъ понятнымъ и доступнымъ. Образецъ такого ученія Спиноза видитъ въ нагорной проповѣди, которая, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ сущность ученія Христа [36]

Какъ сынъ Божій,—говоритъ Спиноза, ссылаясь на апостола Павла [38],—Христосъ пришелъ для всѣхъ народовъ, ибо Богъ есть Богъ всѣхъ народовъ, и ко всѣмъ одинаково милостивъ. Всѣхъ безъ исключенія онъ освободилъ отъ рабства передъ закономъ, чтобы отнынѣ они поступали нравственно не по приказанію извнѣ, но по твердому внутреннему убѣжденію [39].

Правильно понятое Писаніе,—говоритъ Спиноза [40],—не допускаетъ никакого нарушенія справедливости. Оно учитъ простому послушанію и ничему больше, т. е. учитъ любить и чтить Бога, что также доказывается послушаніемъ. *Послушаніе-же есть не что иное, какъ любовь къ ближнему.* „Всякій любя-

щій", говоритъ Спиноза, дословно цитируя апостола Іоанна (Первое посланіе, гл. 4, ст. 78) рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь". Такимъ образомъ о вѣрѣ, или невѣріи можно судить исключительно по дѣламъ. Кто радъ доказать свое послушаніе на дѣлѣ, тотъ имѣетъ и вѣру истинную; вѣра же безъ дѣлъ мертва. „Что мы пребываемъ въ Богѣ и Онъ въ насъ", повторяетъ Спиноза, снова цитируя Іоанна и вмѣстѣ разъясняя значеніе текста, послужившаго эпиграфомъ къ его книгѣ,—„мы узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ духа своего",—т. е. изъ того, есть-ли въ насъ любовь. Укоренить въ душѣ человѣка любовь къ ближнимъ есть вѣчная и единственная цѣль Писанія; только посредствомъ любви человѣкъ пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ; только тотъ пріобщился Христу и носитъ его въ своемъ сердцѣ, чье сердце пламенѣетъ ревностью о Богѣ и любовью къ ближнему [41].

Свести религію къ немногимъ простымъ наставленіямъ, преподаннымъ Христомъ своимъ ученикамъ, было бы, конечно, чрезвычайно желательно, такъ какъ это не только разрушило бы всякія религіозныя суевѣрія, но и примирило бы между собой ихъ защитниковъ. Споры о разныхъ религіозныхъ догматахъ и распри изъ-за нихъ ведутъ свое начало еще со временъ апостольскихъ, и вся бѣда въ томъ, что къ религіи люди примѣшали умозрительныя проблемы.

Каждый понимаетъ и формулируетъ догматы вѣры по своему, именно для того, чтобы увѣровать въ нихъ всей душой, чтобы, оставаясь въ мирѣ съ самимъ собой, чтить Бога и повиноваться Ему. Безъ сомнѣнія, каждый имѣетъ на это полное право, но худо то, что онъ не желаетъ предоставить и другимъ такой же свободы, что всѣхъ, думающихъ иначе, чѣмъ онъ, будь то даже люди вполнѣ честные и

добродѣтельные, онъ преслѣдуетъ, какъ враговъ Господа, и любитъ лишь своихъ единомышленниковъ, какъ избранниковъ Божіихъ. Не ученія и взгляды опредѣляютъ достоинство нашей вѣры, но сила любви, которую мы носимъ въ сердцѣ, и соотвѣтствующія ей дѣла, и еслибъ одно это служило мѣриломъ религіозности, люди вездѣ жили бы въ мирѣ и согласіи [42].

Для государства, которое поставило себѣ главной задачей доброе согласіе между подданными, особенно важно ограничивать проявленіе своей власти поступками и не простирать ее на мысли, ибо можно человѣку приказать, или, если надо, заставить его силой поступать такъ или иначе, но заставить его мыслить иначе, чѣмъ онъ хочетъ,—нельзя. А государство только въ томъ случаѣ удовлетворяетъ своему назначенію, если власть его вполнѣ соотвѣтствуетъ правамъ и законамъ, которыя оно должно соблюдать и поддерживать. Дѣлать область вѣры предметомъ постановленій закона значитъ только поощрять извѣстную форму вѣры за счетъ другихъ, а такъ какъ это сразу даетъ большія преимущества извѣстной группѣ духовныхъ лицъ, эта группа начинаетъ оказывать вліяніе на государственную жизнь и даже грозитъ опасностью государственному порядку, такъ какъ можетъ побуждать къ возмущеніямъ свою паству. Достаточное доказательство тому распря *ремонстрантовъ* съ *контраремонстрантами*. Когда политики и сеймы принялись рѣшать вопросы религіи, они достигли только того, что вызвали религіозный расколъ; законы и указы, имѣвшіе цѣлью примирить спорящихъ, не улучшили дѣла, но лишь обострили отношенія, ибо расколы вытекаютъ не изъ стремленія къ истинѣ, источнику кротости и снисходительности, но единственно изъ властолюбія [43].

Власть государства и правителей складывается изъ огра-

ниченій естественныхъ правъ каждой отдѣльной личности. Отъ природы человѣкъ имѣетъ неограниченное право дѣлать все, что онъ хочетъ и что ему подъ силу. Но, хотя такое положеніе вещей и вполнѣ естественно, оно имѣетъ много дурныхъ сторонъ, ведетъ лишь къ спорамъ и борьбѣ, которыхъ можно избѣгнуть, если дѣйствовать сообща, дружно, и подчинить свои дѣйствія извѣстнымъ правиламъ. Въ виду этого каждая личность уступаетъ часть своего естественнаго права государству, или его представителямъ, въ размѣрѣ, необходимомъ для поддержанія порядка. Первымъ дѣломъ государство должно принять мѣры противъ нарушителей мира и вообще злоумышленниковъ; такъ какъ, еслибы всѣ люди сплошь были вполнѣ честны и миролюбивы, не къ чему было бы и вводить государственный строй, основанный на силѣ, т. е. на страхѣ и карѣ за сопротивленіе. Все же, къ чему нельзя побудить ни посулами наградъ, ни угрозами, лежитъ внѣ полномочій правительства и внѣ его компетенціи. Какими принудительными мѣрами можно заставить вѣрить, что цѣлое не больше своей части, что тѣло неограниченно и безконечно, или заставить усумниться въ истинахъ, осязательныхъ и очевидныхъ для нашего разума [44].

Высшее право мыслить свободно, хотя бы и о религіи, есть прирожденное, неотъемлемое право каждаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, въ предѣлахъ культа и всякихъ внѣшнихъ постановленій, государство имѣетъ право голоса и можетъ давать законную силу различнымъ формамъ религіи, которыя однако же должны быть подчинены государству [45].

Если въ области религіи человѣку должно быть предоставлено право свободнаго сужденія, тѣмъ большей свободой имѣетъ онъ право пользоваться въ области науки, и ничего не можетъ быть нелѣпѣе и опаснѣе вмѣшательства

закона и ограниченій извнѣ въ области знанія. Это порождаетъ одно лишь лицемѣріе и притворство и ожесточаетъ всѣхъ искреннихъ людей, посвятившихъ свою жизнь неустанному исканію истины. Такіе люди что считали справедливымъ, то и будутъ считать, какъ бы ни осуждали это законы; но тѣ, которые добивались и добились осужденія закономъ извѣстныхъ взглядовъ, будутъ держаться за изданныя ими постановленія, какъ за привилегіи, отмѣна которыхъ грозитъ опасностью мудрому и справедливому правительству. Рѣшать теоретическіе вопросы законами—плохой способъ управлять государствомъ, и мудрый правитель долженъ остерегаться этого; ибо законы, которыми каждому предписывается во что вѣрить, и воспрещается противъ того, или другого взгляда говорить и писать, въ сущности, являются лишь уступками ярости и властолюбію тѣхъ, кому ненавистны люди свободнаго образа мыслей, кому хотѣлось бы всѣмъ распоряжаться по произволу, даже религіознымъ усердіемъ вѣрующихъ. Законы же, которые могутъ быть нарушены только тѣми, кто по собственному почину служитъ добродѣтели и наукѣ, ставятъ государство въ весьма незавидное положеніе, обязывая его не терпѣть у себя людей выдающагося ума. Изгонять, какъ преступниковъ, честныхъ гражданъ за то только, что они думаютъ не заодно съ толпой и не хотятъ лицемѣрить,—что можетъ быть хуже для государства? Преслѣдовать, какъ враговъ отчизны, тѣхъ, кто мыслитъ свободно, посылать ихъ на смерть, превращать плаху—мѣсто казни и ужаса для злодѣевъ—въ трибуну, съ которой народу преподаются высокіе примѣры терпимости и добродѣтели, къ публичному посрамленію государства—что можетъ быть для него гибельнѣе? Тотъ, кто сознаетъ себя честнымъ человѣкомъ, не боится смерти, какъ злодѣй, и не молитъ о пощадѣ, ибо

сердца его не терзаютъ стыдъ и раскаяніе; умереть со славой за хорошее дѣло и за свободу—онъ вовсе не считаетъ такую смерть наказаніемъ, а скорѣе честью для себя“ [46].

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, содержаніе замѣчательной книги, составившей эпоху въ исторіи духовнаго развитія человѣчества. На современнаго читателя она производитъ вначалѣ скорѣе странное впечатлѣніе. Но не смотря на тяжеловѣсное изложеніе и неумѣлую группировку матеріала, на многія противорѣчія и повторенія, не смотря на очевидное желаніе приспособиться къ вульгарнымъ представленіямъ, которыя въ глазахъ „необразованной толпы“ являются истиной, не смотря на многія отклоненія отъ сути и промахи, которые позднѣйшее изслѣдованіе признало таковыми и исправило,—на независимый умъ книга эта должна производить сильное впечатлѣніе [47]. Въ ней чувствуется такое мощное біеніе умственнаго пульса, такая грандіозная духовная сила, открыто и неутомимо боровшаяся ради пріобрѣтенія идеальныхъ благъ, полное обладаніе которыми и въ наше время нерѣдко составляетъ предметъ стремленій и усилій, — что обаяніе ея неотразимо. Мы охотно ввѣряемся руководительству одного изъ тѣхъ умовъ, которые, въ своей безкорыстной любви къ истинѣ, полагали все свое счастье въ томъ, чтобы быть гражданами грядущихъ временъ.

Трактатъ этотъ необходимо разсматривать въ исторической связи съ религіозно-философскимъ движеніемъ новѣйшаго времени; только при такомъ условіи онъ становится вполнѣ понятенъ.

Прежде всего это—первый шагъ отъ ступени умственнаго развитія, достигнутой реформаціей, къ полному освобожденію европейской мысли изъ подъ опеки теологіи. Реформація уже противопоставила авторитету, присвоенному себѣ церковью, право свободнаго убѣжденія, причемъ, однако,

ограничила его дѣятельность, подчинивъ его св. Писанію какъ непререкаемому слову Божію [48]. . . . . .

. . . . . .

Непосредственно его критика была направлена противъ книгъ Ветхаго завѣта. Это объясняли — и совершенно несправедливо,—ожесточеніемъ противъ бывшихъ единовѣрцевъ и чрезмѣрной деликатностью въ отношеніи друзей, исповѣдующихъ христіанскую вѣру. Съ исторической точки зрѣнія, Спиноза поступилъ вполнѣ корректно: давно пора было произвести основательную чистку Ветхаго завѣта, который, естественно, утратилъ всякую силу съ введеніемъ Новаго. А между тѣмъ именно Ветхій завѣтъ, въ рукахъ кальвинистскаго духовенства, являлся опаснымъ оружіемъ, которымъ оно пользовалось для своихъ іерархическихъ вторженій въ государственную жизнь. Эту-то неумѣстную эксплоатацію Писанія и хотѣлъ прекратить Спиноза, въ интересахъ свободной общественности, которой должна руководить сильная и надежная рука, заботящаяся исключительно о благоденствіи націи. Приписываемая ему щепетильность въ отношеніи христіанскихъ воззрѣній, въ сущности, не играла здѣсь почти никакой роли; подчеркивая нравственную задачу религіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивалъ права тѣхъ вѣроисповѣданій, которыя въ его время были ненавидимы церковью, потому что они допускали и требовали свободнаго пониманія религіи. . . .

Къ этой критической очисткѣ религіи у раціоналистовъ присоединяется еще одно предположеніе, которое высказывалъ уже Спиноза,—а именно, что добытое такимъ путемъ здравое пониманіе религіи и составляетъ самую суть ея, и слѣдовательно есть выраженіе первобытной религіи, вѣрованій первобытнаго человѣка, которыя могли быть искажены лишь позднѣйшими злонамѣренно внесенными примѣ-

сями. Все, что ихъ критикѣ представлялось удобопонятнымъ, они принимали за естественное и, слѣдовательно, вполнѣ доступное пониманію первобытнаго человѣка, забывая о томъ, что ставить на одну доску современнаго, обладающаго развитымъ умомъ и многосторонне образованнаго человѣка съ совершенно лишеннымъ этихъ преимуществъ сыномъ природы—невозможно.

Лишь историческое пониманіе могло привести къ правильному взгляду на религію, но такого пониманія не доставало XVII столѣтію, и выработано оно было лишь въ концѣ XVIII. А между тѣмъ уже у Спинозы мы находимъ то воззрѣніе на Библію, которое необходимо для правильнаго ея пониманія.

И въ наши дни слѣдовало бы повторять съ тою же силой, какъ это дѣлалъ Спиноза, что цѣнность человѣка опредѣляютъ не догматы вѣры, которые онъ исповѣдуетъ, но тѣ начала, которыми онъ руководствуется въ своихъ поступкахъ, что цѣлью религіи должно быть исключительно нравственное воздѣйствіе на душу и что, если человѣкъ подчиняется извѣстнымъ нравственнымъ правиламъ, никто не имѣетъ права требовать отъ него большаго. Многіе изъ нашихъ современниковъ стоятъ совершенно на одномъ уровнѣ съ современниками Спинозы, и для такихъ людей его трактатъ ничуть не устарѣлъ и не утратилъ значенія; они найдутъ въ немъ цѣлый рядъ достойныхъ всякаго уваженія истинъ, которыя въ наивномъ, часто педантическомъ изложеніи Спинозы можетъ быть покажутся имъ убѣдительнѣе доводовъ современной науки.

Чѣмъ меньше мы обманываемся на счетъ рѣзкаго контраста, который представляетъ основная идея книги—отрицаніе сверхъестественнаго, уклоненіе отъ всякаго догматизма, отождествленіе того, что цѣнно въ религіозномъ от-

ношеніи съ святостью и человѣчностью жизни—съ распространенными, отчасти даже господствующими въ наше время воззрѣніями, тѣмъ больше выростаетъ въ нашихъ глазахъ ея историческое значеніе и мужество Спинозы, однимъ гигантскимъ шагомъ далеко опередившаго своихъ современниковъ; тѣмъ болѣе понятны становятся внѣшнія предосторожности, которыми авторъ книги старался прикрыть смѣлость ея содержанія.

Спиноза хорошо зналъ, чего ему ожидать, зналъ, какое впечатлѣніе произведетъ его книга; потому-то онъ и объявилъ въ заключеніе, что не хотѣлъ въ ней сказать ничего, чтобы сколько-нибудь противорѣчило законамъ страны. Другая мѣра предосторожности была принята, вѣроятно, по желанію его друзей, взявшихъ на себя изданіе книги; мѣра заключалась въ томъ, что на заглавномъ листкѣ было поставлено вымышленное мѣсто изданія — *Гамбургъ*, и вымышленная фамилія издателя—*Гейнрихъ Кюнратъ*.

Вначалѣ, негодованіе, вызванное появленіемъ трактата, ограничивалось областью устныхъ толковъ. Правовѣрные протестанты, поднявшіе голову съ новымъ возвышеніемъ оранской партіи, не преминули взвалить всю вину за такое богохульство на философію Декарта; приверженцы же Декартова ученія, стремившагося примирить философію съ теологіей, съ своей стороны, въ одинъ голосъ осуждали „безбожника"—автора [49]. Были у него однакожъ и единомышленники. Уже въ началѣ 1671 г. нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ выхода трактата Спиноза узналъ о существованіи перевода его на голландскій языкъ, который въ скоромъ времени долженъ появиться въ печати, и тотчасъ-же обратился къ своему другу *Яррригу Іеллису (Jarrig Jellis)*, съ просьбой разузнать хорошенько, что это за переводъ, и, если можно, пріостановить печатаніе. „Объ этомъ прошу

не только я“, пишетъ онъ [50], „но и многіе мои друзья и знакомые, которымъ было бы грустно, еслибъ книгу запретили, а это несомнѣнно случится, если она выйдетъ на голландскомъ языкѣ“.

Ожидаемое запрещеніе дѣйствительно воспослѣдовало— но относилось оно не къ переводу, а къ латинскому оригиналу. По всей вѣроятности, стараніями духовенства, книга была изъята изъ продажи, но немного погодя появилась снова, подъ тремя различными личинами, сброшюрованная вмѣстѣ съ другими безобидными сочиненіями, двумя медицинскими и однимъ историко-филологическимъ [51].

Издавая свой трактатъ, Спиноза много разсчитывалъ на свободный образъ мыслей правительства, въ рядахъ котораго находился и другъ его, *Іоаннъ де-Виттъ* и, вѣроятно, не обманулся бы въ своихъ ожиданіяхъ, еслибы не—пошатнувшееся политическое положеніе республики. Французскимъ дипломатамъ удалось расторгнуть тройственный союзъ, заключенный Іоанномъ де-Виттомъ. Легкомысленный король Англіи, за приличное вознагражденіе, вступилъ въ союзъ со своимъ наихристіаннѣйшимъ родственникомъ; аристократическая партія, стоявшая у кормила власти въ Швеціи, позволила себя убѣдить такими же вѣскими доводами и признала зависимость отъ короля-солнца болѣе почетной, чѣмъ союзъ съ Нидерландами, заключенный въ видахъ охраненія протестантизма. Батавская республика оказалась совершенно изолированой въ виду грозившей ей опасности со стороны Франціи, которая усвоила себѣ католическую политику пришедшей въ упадокъ Испаніи и, пользуясь численнымъ превосходствомъ своихъ военныхъ силъ, стремилась къ достиженію того, что не удалось испанскимъ Габсбургамъ—къ покоренію соединенныхъ Нидерландовъ. Въ виду такой опасности, всякіе раздоры въ средѣ протестантовъ

представлялись крайне нежелательными, населеніе и такъ было страшно возбуждено, и правительство сочло себя вынужденнымъ запретить распространеніе соблазнительной книги. Очень возможно, что этой уступкой оно разсчитывало умиротворить разгнѣванное духовенство и склонить его на свою сторону, такъ какъ положеніе было очень трудное.

Въ моментъ заключенія тройственнаго союза, Фландрія была уже занята французскими войсками; съ расторженіемъ союза главное препятствіе было устранено, и врагъ могъ свободно проникнуть въ глубь страны. Республиканская администрація намѣренно основала защиту страны на флотѣ и его развитіи и пренебрегла развитіемъ сухопутныхъ войскъ, боясь, что съ усиленіемъ ихъ усилится и могущество оранской партіи, такъ какъ должность главнокомандующаго переходила по наслѣдству отъ одного принца къ другому. Въ началѣ 1672 г. врагъ двинулъ свои войска внутрь страны; сопротивлялись имъ не долго и безуспѣшно. Къ серединѣ лѣта треть республики перешла въ руки французовъ; главная квартира ихъ находилась въ Утрехтѣ; оттуда они собирались идти на столицу. Растерявшійся де-Виттъ готовъ былъ уже заключить унизительный миръ, но въ это время подняла голову оранская партія и принудила его сложить съ себя свои полномочія. При кликахъ ликованія народа, намѣстникомъ и главнокомандующимъ всѣми войсками назначенъ былъ молодой принцъ Оранскій, которому въ то время не было еще и двадцати двухъ лѣтъ отъ роду. Этотъ юноша, проявившій, какъ государь, рѣдкій умъ и неутомимую дѣятельность, сдѣлался не только спасителемъ отечества, но защитникомъ протестантизма а также оплотомъ свободнаго развитія Европы противъ властолюбивыхъ замысловъ Франціи.

Пока юный принцъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы поднять военныя силы страны, вражда между партіями разгоралась все больше; приверженцы оранскаго дома, не довольствуясь удаленіемъ отъ должности вождей республиканской партіи, призвали на помощь подстрекательство и клевету. *Корнелій де-Виттъ* былъ ложно обвиненъ въ покушеніи на жизнь молодого намѣстника; братъ его, Іоаннъ — въ тайныхъ сношеніяхъ съ французами. Слѣдствіе тянулось долго, но ничего не открыло; Корнелій былъ оправданъ и, вмѣстѣ съ Іоанномъ, собирался отправиться въ изгнаніе, какъ вдругъ вспыхнулъ мятежъ, и оба брата были растерзаны обезумѣвшей чернью. Партійная ненависть въ это время была такъ сильна, что, когда генеральные штаты потребовали суда надъ убійцами и наказанія ихъ, оранская партія замяла дѣло.

Это ужасное событіе произошло 20 Августа 1672 г. въ Гаагѣ, чуть не на глазахъ Спинозы. Современники разсказываютъ, что, узнавъ о мученической кончинѣ де-Витта, онъ былъ сначала глубоко потрясенъ и залился слезами, но мало-по-малу успокоился. Когда же его спросили, какъ онъ могъ такъ скоро возстановить свое душевное равновѣсіе, онъ будто-бы отвѣтилъ [52]: „Къ чему же служила бы намъ мудрость, еслибы мы, подобно толпѣ, поддаваясь каждому волненію, не имѣли силы заставить себя воспрянуть духомъ?“ — Можетъ быть, никогда въ своей жизни онъ не доказалъ нагляднѣе, насколько искренно и серьезно было его стараніе относиться къ человѣческимъ поступкамъ и желаніямъ совершенно такъ же, какъ къ линіямъ, тѣламъ и поверхностямъ.

ГЛАВА IV.

Спокойная жизнь и занятія философіей.

Спинозѣ не было еще сорока лѣтъ, когда покровитель его, Іоаннъ де-Виттъ погибъ насильственной смертью; онъ не пережилъ друга и пятью годами. Всѣ эти годы, за вычетомъ кратковременныхъ поѣздокъ на родину, онъ цѣликомъ провелъ въ Гаагѣ; чистенькій уютный городокъ пришелся ему по душѣ; здѣсь онъ чувствовалъ себя, какъ дома, и могъ устроиться вполнѣ комфортабельно, что, при его крайне скромныхъ привычкахъ, было вовсе не трудно.

Въ виду его переселенія въ столицу, для него была нанята квартира на такъ называемомъ *Veerkay*, но въ ней философъ прожилъ не долго, такъ какъ она была слишкомъ дорога. Любопытно, что, въ началѣ слѣдующаго столѣтія этой самой квартиркѣ суждено было пріютить человѣка, который, совершенно не понимая ученія Спинозы и даже не будучи способенъ понять его, въ тоже время собралъ и издалъ самыя полныя біографическія данныя о жизни философа. Это былъ евангелическій священникъ *Янъ Колерусъ*, долгое время подвизавшійся въ Гаагѣ; извѣстно, что онъ написалъ сочиненіе: „*Объ истинности воскресенія Христова*“, направленное противъ Спинозы. „Мой рабочій кабинетъ“,—говоритъ Колерусъ,—„крайняя комната на заднемъ концѣ дома,—та самая, гдѣ спалъ и работалъ Спиноза; нерѣдко, говорятъ, онъ приказывалъ подавать себѣ туда и обѣдъ и по два, по три дня проводилъ тамъ, не выходя и никого рѣшительно не принимая [2]. Въ то время хозяйкой Спинозы, у которой онъ и столовался, была вдова *фанъ-Фельденъ*,—по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, та самая, ко-

торая въ молодости служила у *Гуго Гроція* и способствовала его чудесному спасенію; она помогла его женѣ вынести его изъ государственной тюрьмы въ ящикѣ изъ подъ книгъ [3].

На второй годъ пребыванія въ Гаагѣ, Спиноза нашелъ себѣ болѣе дешевую квартиру, у живописца *Гендрика фанъ-деръ-Спика*, на такъ называемой *Paviljoensgracht*, гдѣ и прожилъ пять съ половиною лѣтъ, вплоть до своей смерти. Домъ этотъ находится въ старой части города, во многомъ напоминающей Кельнъ, и въ настоящее время означенъ № 28; онъ одноэтажный, съ мезониномъ; въ мезонинѣ—небольшая комнатка въ одно окно; здѣсь-то, какъ говорятъ, и жилъ Спиноза. Въ настоящее время передъ этимъ домомъ воздвигнутъ памятникъ мыслителю, къ которому ведетъ прекрасная аллея вязовъ; въ его время этой аллеи еще не существовало, да и самая улица была тогда открытымъ каналомъ [4].

О хозяинѣ Спинозы, живописцѣ фанъ-деръ-Спикѣ, исторія искусствъ умалчиваетъ, хотя Колерусъ увѣряетъ, что онъ былъ весьма искусенъ въ своей спеціальности. Приписываемый ему портретъ его знаменитаго жильца, находящійся въ городскомъ музеѣ, по мнѣнію одного изъ нашихъ современниковъ [5], ревностнаго поклонника Спинозы—неудаченъ: узкія брови неестественно тверды и густы, глаза точно насильно раскрыты; подбородокъ синеватый; губы крѣпко сжаты, выраженіе рта однакожъ пріятное. Это мнѣніе слѣдуетъ признать справедливымъ, такъ какъ, по словамъ очевидцевъ, сообщеннымъ намъ Колерусомъ, глаза у Спинозы были черные, живые, но небольшіе, оттѣненные длинными черными рѣсницами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ правильныя черты лица, смуглый цвѣтъ кожи и черные курчавые волосы, указывавшіе на его семитически-восточное происхожденіе [6].

x) Аурбах.

Гораздо болѣе достойна вниманія картина жизни и привычекъ Спинозы, которую рисуетъ намъ Колерусъ, на основаніи разсказовъ фанъ-деръ-Спика. Правда, эта картина не изобилуетъ подробностями,—живописецъ не въ состояніи былъ оцѣнить по достоинству своего знаменитаго жильца и потому наблюдалъ недостаточно тщательно,—но все же свидѣтельствуетъ о добромъ согласіи, царившемъ между хозяиномъ и постояльцемъ, и о неизмѣнно доброжелательномъ отношеніи ихъ другъ къ другу.

Больше всего восхваляется умѣренный образъ жизни Спинозы, его бережливость и вѣчная забота о томъ, чтобъ его скромныхъ доходовъ хватило на всѣ издержки. Онъ довольствовался весьма немногимъ и ни за что не хотѣлъ жить на чужой счетъ. Изъ своихъ скудныхъ средствъ онъ часто еще ухитрялся помогать другимъ; случилось, что одинъ изъ его должниковъ, который былъ ему долженъ двѣсти гульденовъ, оказался несостоятельнымъ; разсказываютъ, что Спиноза принялъ это извѣстіе совершенно спокойно и, улыбаясь, сказалъ, что потерю слѣдуетъ возмѣстить усиленной экономіей. Съ хозяевами онъ аккуратно разсчитывался каждые три мѣсяца и любилъ говорить о своемъ бюджетѣ, въ которомъ приходъ всегда сходился съ расходомъ, что онъ похожъ на змѣю, которая, держа хвостъ во рту, образуетъ кругъ. Онъ говаривалъ также, что копить деньги ему не къ чему, такъ какъ наслѣдства онъ оставлять не намѣренъ—лишь бы хватило на похороны. Претендовать на его наслѣдство никто не имѣетъ права, и меньше всего его родные, въ пользу которыхъ онъ самъ отказался отъ отцовскаго наслѣдства [7].

Простотѣ привычекъ и потребностей Спинозы, обусловливавшейся какъ желаніемъ сберечь драгоцѣнное рабочее время, такъ и слабостью здоровья, соотвѣтствовала про-

стота его одежды; онъ одѣвался всегда очень скромно, какъ простой горожанинъ. Однажды какой-то сановникъ, посѣтившій его, предложилъ сдѣлать ему на свой счетъ лучшее платье; Спиноза поблагодарилъ и отвѣтилъ, что завертывать въ драгоцѣнные покровы вещи ничтожныя или не имѣющія цѣны,—противно здравому смыслу[8].

День свой философъ дѣлилъ между шлифовкой оптическихъ стеколъ, доставлявшей ему средства къ жизни, и различными научными занятіями. Онъ неуклонно держался разъ установленнаго распредѣленія времени; жизнь его шла правильно, какъ часы, и душевное состояніе отличалось завиднымъ равновѣсіемъ. Всегда привѣтливый, ласковый и спокойный въ рѣчахъ, онъ изумительно умѣлъ владѣть собою, смирять свои душевные порывы, никогда не поддавался гнѣву и раздраженію и самое большее, что сторонился отъ людей, когда у него случались непріятности, чтобъ никому не быть въ тягость. За то къ окружающимъ онъ относился съ большимъ участіемъ, былъ привѣтливъ и общителенъ, въ годину болѣзни, или горя умѣлъ поддержать бодрость и утѣшить сердечнымъ словомъ. Особенно любилъ онъ хозяйскихъ дѣтей, подолгу бесѣдовалъ съ ними, училъ ихъ быть набожными, вести богоугодную жизнь и особенно внушалъ имъ почитать и слушаться родителей. Утомившись занятіями и напряженной работой мысли, онъ сходилъ внизъ выкурить трубочку и поболтать съ хозяевами о разныхъ событіяхъ дня. Нерѣдко въ разговорѣ затрогивались религіозные вопросы, напримѣръ, обсуждались проповѣди любимѣйшаго изъ мѣстныхъ ораторовъ, доктора *Кордеса*, предшественника Колеруса; Спинозѣ случалось даже сопровождать своихъ хозяевъ на эти назидательныя бесѣды, ибо онъ высоко цѣнилъ достойнаго проповѣдника и какъ человѣка безукоризненной нравственности, и

какъ разумнаго истолкователя Писанія. Съ особеннымъ удовольствіемъ припомнила жена живописца отвѣтъ Спинозы, можетъ ли вѣра, которую она исповѣдуетъ, спасти ее и доставить ей царствіе небесное. „Ваша вѣра хороша“,—сказалъ онъ ей;—„не ищите другой и не сомнѣвайтесь, что она спасетъ васъ, если только вы всецѣло предадитесь душой благочестію и будете вести добродѣтельную жизнь въ кругу своей семьи“ [9].

Онъ никогда не былъ въ тягость окружающимъ, да и не могъ мѣшать имъ, такъ какъ большую часть дня проводилъ въ своей комнатѣ. Для развлеченія онъ ловилъ пауковъ и заставлялъ ихъ бороться другъ съ другомъ, или же сажалъ мухъ въ паутину и, наблюдая битвы ихъ съ пауками, иной разъ заливался громкимъ смѣхомъ. Другой его забавой было писать портреты друзей и знакомыхъ; онъ рисовалъ весьма недурно и удачно схватывалъ сходство. Послѣ смерти Спинозы одинъ изъ такихъ альбомовъ достался его хозяину. Колерусъ видѣлъ этотъ альбомъ и говоритъ, что на четвертой страницѣ изображенъ рыбакъ въ открытой сорочкѣ, съ сѣтью, перекинутой черезъ правое плечо — очевидно портретъ мятежника неаполитанца, Мазаніелло. Фанъ-деръ-Спикъ увѣрялъ, что черты лица этой фигуры принадлежатъ самому Спинозѣ. Портреты нарисованы частью перомъ, частью углемъ [10].

Вообще, и въ силу обстоятельствъ, и въ силу своихъ скромныхъ потребностей Спиноза велъ именно такой образъ жизни, какой онъ рекомендуетъ, какъ лучшій, въ своей *Этикѣ* [11],—въ то время еще не вышедшей въ свѣтъ. Веселое настроеніе до извѣстной степени необходимо для того, чтобы человѣкъ могъ назваться совершеннымъ, ибо печаль и скорбь суть признаки слабости и безсилія. Если подобаетъ утолять голодъ и жажду, позволительно отгонять отъ себя

и дурное расположеніе духа. Жизнь даетъ намъ многое, чѣмъ каждый можетъ пользоваться, не нанося вреда другому; но даетъ для того, чтобы мы наслаждались всѣмъ этимъ разумно, не доходя до пресыщенія, которое убиваетъ всякое наслажденіе; съ другой стороны только печальное и мрачное суевѣріе можетъ дѣлать наслажденіе и радость запретными. Разумный человѣкъ испытываетъ наслажденіе, подкрѣпляя свои силы пріятной пищей и питьемъ, принятыми въ умѣренномъ количествѣ; онъ наслаждается прелестью и ароматомъ цвѣтовъ, красотою уборовъ, но не меньше того и музыкой, состязаніями, театромъ и другими развлеченіями, полезными для дѣятельности нашего духа.

Врядъ-ли однако подобныя развлеченія были доступны Спинозѣ въ періодъ времени, проведенный имъ у фанъ-деръ Спика. Французская война, начало которой совпало съ его переселеніемъ въ домъ живописца и до конца которой ему уже не суждено было дожить, все время держала умы въ возбужденномъ состояніи; всѣ мысли населенія были сосредоточены на оборонѣ, чѣмъ обусловливалось извѣстное настроеніе и соотвѣтствующій образъ жизни. Въ этомъ возбужденномъ состояніи умовъ Спинозѣ пришлось убѣдиться непосредственно.

Въ концѣ лѣта 1672 г. онъ получилъ приглашеніе отъ принца *Кондэ*, главнокомандующаго французскими оккупаціонными войсками, посѣтить его въ его главной квартирѣ, въ Утрехтѣ. Знаменитый полководецъ желалъ лично познакомиться съ философомъ, о которомъ онъ слышалъ такъ много. Послѣ долгихъ колебаній Спиноза, наконецъ, рѣшился пуститься въ путь, для чего принцъ прислалъ ему особый пропускъ. Тѣмъ временемъ принцъ былъ экстренно отозванъ и уѣхалъ, выразивъ желаніе, чтобы философъ, если возможно, дождался его возвращенія. Остававшіеся

въ Утрехтѣ приближенные Кондэ прилагали всѣ старанія, чтобы задержать Спинозу и убѣждали его не упускать случая познакомиться съ принцемъ, такъ какъ его высочество можетъ выхлопотать ему пенсію у короля, если онъ, Спиноза, въ свою очередь рѣшится посвятить его величеству одно изъ своихъ произведеній. Спиноза въ такихъ милостяхъ вовсе не нуждался; онъ вѣжливо, но рѣшительно отклонилъ предложеніе и поспѣшилъ вернуться въ Гаагу [12].

Тѣмъ временемъ по городу пошли возмутительные слухи: Спинозу обвиняли въ шпіонствѣ, говорили, что такія открытыя сношенія съ непріятелемъ могутъ обусловливаться лишь дѣлами государственной важности; втихомолку совѣтовались, не слѣдуетъ ли избавиться отъ такого опаснаго человѣка. Слухи эти, вызванные любопытствомъ сосѣдей, а быть можетъ и излишней сообщительностью сожителей, одно время, благодаря общему тревожному состоянію умовъ, приняли такой острый характеръ, что хозяинъ испугался, какъ бы чернь не напала на его домъ и не разграбила бы его. Спиноза, какъ могъ, утѣшалъ и успокоивалъ его. „Не бойтесь за меня,—говорилъ онъ между прочимъ,—мнѣ легко оправдаться: многіе люди, уважаемые и достойные вѣры, знаютъ, что̀ побудило меня къ этому путешествію. А впрочемъ, будь, что будетъ: если толпа вздумаетъ шумѣть передъ вашей дверью, я сейчасъ же выйду, хотя бы со мной обошлись такъ же, какъ съ несчастнымъ де-Виттомъ. Я добрый республиканецъ и никогда и въ мысляхъ не держалъ ничего иного, кромѣ славы и блага отечества“ [13].

Опасенія домашнихъ философа оказались неосновательными: все мало-по-малу вошло въ колею; Спиноза вернулся къ обычному порядку жизни и пересталъ обращать вниманіе на то, что творилось за стѣнами его дома. Однако, въ началѣ слѣдующаго года ему еще разъ напомнили, что вниманіе

свѣта обращено на него, хотя онъ, съ своей стороны, казалось, и не интересовался свѣтомъ.

Въ февралѣ 1673 года *курфюрстъ Карлъ Людвигъ Пфальцскій* предложилъ ему каѳедру философіи и математики въ Гейдельбергскомъ университетѣ, снова открывшемся, благодаря курфюрсту, двадцать два года тому назадъ. Просвѣщенный, умный и тактичный курфюрстъ сумѣлъ собрать въ своемъ университетѣ выдающіяся педагогическія силы. Онъ создалъ отдѣльную каѳедру естественнаго права, спеціально для *Самуила Пуфендорфа;* рядомъ съ нимъ блисталъ профессоръ государственнаго права, *Генрихъ Кокцейи (Coccejі)*, отецъ канцлера Фридриха Великаго, заслуженнаго судебнаго дѣятеля въ Пруссіи. На богословскомъ факультетѣ читали: знаменитый оріенталистъ, *Іоганъ Генрихъ Готтингеръ, Фридрихъ Шпангеймъ*, выдающійся знатокъ исторіи церкви, и *Іоганъ Людвигъ Фабриціусъ*,—человѣкъ рѣдкой чистоты души и терпимости [14].

Послѣднему было поручено предложить Спинозѣ профессуру и такое же вознагражденіе, какъ всѣмъ ординарнымъ профессорамъ, сообщивъ при этомъ, что ему „предоставляется полная свобода философствовать, подъ условіемъ, что онъ не злоупотребитъ ею и не станетъ подкапываться подъ признанную государствомъ религію“. На послѣднемъ ограниченіи особенно настаивали, и совершенно напрасно: это постановленіе было и безъ того обязательнымъ для всѣхъ преподавателей въ высшихъ школахъ [15]. Трудно сказать, почему эта каѳедра была предложена именно Спинозѣ,—потому ли, что онъ десять лѣтъ тому назадъ выпустилъ въ свѣтъ изложеніе философіи Декарта, или же потому, что курфюрстъ читалъ и оцѣнилъ по достоинству появившійся позднѣе „Трактатъ“, авторъ котораго не долго оставался неизвѣстнымъ;—свободомыслящій и высоко

образованный курфюрстъ Карлъ Людвигъ былъ именно такой человѣкъ, который могъ воздать должное этому выдающемуся сочиненію.

Спиноза отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ никогда не имѣлъ въ виду выступить открыто на поприщѣ преподавательской дѣятельности и что преподаваніе съ каѳедры несовмѣстимо съ дальнѣйшими занятіями философіей. Кромѣ того онъ не знаетъ, какими предѣлами ограничивается предоставленная ему свобода, тѣмъ болѣе, что извѣстнаго рода конфликты вытекаютъ не столько изъ искренняго религіознаго рвенія, сколько изъ придирчивости, способной извратить и осудить самую справедливую мысль. Онъ достаточно убѣдился въ этомъ личнымъ опытомъ, въ своей частной жизни, и боится, какъ бы ему не пришлось испытать того же и въ еще большихъ размѣрахъ—въ общественной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе онъ высоко цѣнитъ честь, оказанную ему курфюрстомъ, и если отклоняетъ ее, то не въ расчетѣ на другое предложеніе, болѣе выгодное, а единственно изъ любви къ покою, который онъ надѣется до извѣстной степени обезпечить себѣ отказомъ отъ каѳедры [16].

Помимо вѣскихъ соображеній, на которыхъ основывался этотъ отказъ, онъ спасъ философа отъ большихъ непріятностей. Еще разъ онъ могъ убѣдиться, что родился подъ счастливой звѣздой. Годъ спустя Пфальцское княжество было страшно опустошено французами, университетъ закрытъ, преподаватели изгнаны, въ томъ числѣ и Фабриціусъ, который послѣ того болѣе двадцати лѣтъ велъ тяжелую жизнь бѣглеца [17].

Что Спиноза съ своей стороны отнесся подозрительно къ свободѣ философствовать, ограниченной обязанностью считаться съ господствующими религіозными взглядами, это

понятно само собой: до подозрительности онъ дошелъ горькимъ опытомъ; его богословско-политическій трактатъ доставилъ ему кучу непріятностей. Несмотря на всѣ его старанія строго разграничить теологію отъ философіи, предоставивъ одной гигантскую область повседневной жизни со всѣми ея многообразными развѣтвленіями, и удержавъ философію лишь для немногихъ избранныхъ адептовъ науки, представители государственной церкви забили тревогу и ополчились противъ его книги. Они пользовались ею, какъ оружіемъ въ своей борьбѣ съ приверженцами философіи Декарта, утверждая, что въ ней заключается истинное и правильное изложеніе Декартова ученія. Противъ этого въ свою очередь возмутилась школа Декарта, и противники наперерывъ другъ передъ другомъ клеветали на книгу Спинозы и всячески поносили ее.

Отношеніе къ ней тѣмъ болѣе обострилось, что правовѣрные протестанты рѣшили эксплуатировать въ свою пользу вновь возгорѣвшійся споръ, изгнавъ всякую „ересь" съ церковныхъ и академическихъ каѳедръ,—проявлялась ли она въ культивированіи картезіанской философіи, или же въ вольномъ толкованіи Писанія образованными священниками.

Особенно выдѣлился среди представителей этого реакціоннаго движенія *Гисбертъ Боэцій;* тридцать лѣтъ тому назадъ онъ свирѣпствовалъ противъ самого Декарта, а теперь воевалъ съ его послѣдователями, которымъ, нападая на Спинозу, приходилось въ тоже время спасать самихъ себя [18].

Это было до извѣстной степени, выгодно для Спинозы, и онъ, съ своей стороны, весьма благоразумно воздерживался отъ участія въ спорѣ. Лѣтомъ 1674 г. вышла книга умершаго три года тому назадъ утрехтскаго профессора *Регнера фанъ-Мансфельда*, направленная противъ Трактата [19].

„Она выставлена во всѣхъ книжныхъ лавкахъ“, пишетъ Спиноза другу [20]; „я просматривалъ ее и, судя по тому, что видѣлъ, ее не стоитъ даже читать, не только возражать на нее. Въ виду этого я оставилъ въ покоѣ и книгу, и автора. Забавно, что самые невѣжественные люди въ тоже время часто бываютъ и самыми дерзкими и наибольшими охотниками до писанья“. Спинозѣ и въ голову не приходило выступить съ опроверженіемъ противъ враговъ. Лишь замѣтивъ, что и читатели, въ общемъ настроенные въ его пользу и толковые, между прочимъ его другъ Ольденбургъ [21],—во многомъ неправильно поняли его трактатъ, философъ рѣшилъ пояснить его нѣкоторыми примѣчаніями, чтобы, если возможно, устранить возникшія противъ него предубѣжденія [22].

Не мало хлопотъ доставилъ Спинозѣ и другой его трудъ,—то самое философское сочиненіе, которое онъ началъ еще въ Ринсбургѣ и затѣмъ отложилъ въ сторону изъ-за трактата. Большая часть этого сочиненія, въ копіяхъ, была разослана друзьямъ. Предполагаютъ, и не безъ основанія, что, послѣ выхода „Трактата“, все это сочиненіе было передѣлано и обработано сызнова. Лѣтомъ 1675 г. Спиноза повидимому окончилъ свой трудъ и увѣдомилъ о томъ Ольденбурга, предполагая тотчасъ же приступить къ печатанію.

„Я ѣздилъ въ Амстердамъ“,—пишетъ онъ другу въ началѣ осени того же года [23],—„съ цѣлью сдать въ типографію извѣстную тебѣ книгу. Но тутъ распространился слухъ, что я печатаю книгу о Богѣ, въ которой хочу доказать, что Бога нѣтъ. Нѣкоторые теологи, надо думать, тѣ самые, что распустили этотъ слухъ, кинулись жаловаться на меня штатгальтеру и въ судъ; тупоумные же картезіанцы, которыхъ обвиняютъ въ томъ, что они раздѣляютъ мое ученіе, чтобы снять съ себя подозрѣніе, клянутъ меня на всѣхъ

перекресткахъ и всячески поносятъ и мои взгляды, и мои сочиненія. Изъ вѣрнаго источника мнѣ сообщили, что теологи неотступно слѣдятъ за мной; въ виду этого, я рѣшилъ пока что пообождать съ печатаніемъ. Обстоятельства складываются крайне неблагопріятно, и я не знаю хорошенько, какъ быть".

Книга эта вышла въ свѣтъ уже послѣ смерти Спинозы. Въ томъ же 1675 г. ему довелось испытать еще одну крупную непріятность, все благодаря проискамъ теологовъ.

Описывая пребываніе Спинозы въ Ринсбургѣ, мы упоминали о его сожителѣ и ученикѣ, *Альбертъ Бургъ*,—молодомъ человѣкѣ, занятіями котораго онъ взялся руководить. Припомнимъ, что философъ совѣтовалъ друзьямъ быть осторожными съ юношей и не знакомить его съ личными его, Спинозы, воззрѣніями, какъ и онъ, съ своей стороны, посвятилъ его лишь въ философію Декарта. Подробности взаимныхъ отношеній ученика и учителя намъ не извѣстны, равно какъ и дальнѣйшая участь юноши, за исключеніемъ одного факта, послужившаго поводомъ къ перепискѣ между ними.

Въ началѣ 1675 г. Альбертъ Бургъ предпринялъ продолжительное путешествіе, которое завершилось долгимъ пребываніемъ на югѣ и присоединеніемъ его къ единоспасающей католической церкви. Переходы протестантовъ въ католичество во второй половинѣ XVII столѣтія не были рѣдкостью. Примѣръ Христины Шведской нашелъ подражателей среди англійскихъ Стюартовъ; ихъ примѣру, въ свою очередь, послѣдовали дворы Ганноверскій и Пфальцскій. Мѣнять протестантскую религію на католическую вошло въ моду; это считалось признакомъ утонченнаго воспитанія и высокой образованности; и въ самомъ дѣлѣ, рядъ выдающихся личностей того времени облагородили отрече-

ніе отъ протестантизма своимъ примѣромъ,—припомнимъ хотя бы Тюренна и всемогущую впослѣдствіи мадамъ де-Ментенонъ. Шаткіе и суетные умы стали благодаря этому легче поддаваться увѣщаніямъ католическихъ патеровъ и весьма возможно, присоединясь ко всѣми превозносимой римской церкви, испытывали тотъ особый видъ наслажденія, который такъ наглядно изображенъ въ евангельской притчѣ о фарисеѣ и мытарѣ.

Такимъ-то обращеннымъ былъ и ученикъ Спинозы. Въ письмѣ къ учителю, увѣдомляя его о своемъ переходѣ въ католичество, совершившемся во Флоренціи, юноша убѣждаетъ его—въ очень странныхъ выраженіяхъ—подумать о распятомъ Спасителѣ, отречься отъ своей безбожной ереси и *снова* присоединиться къ церкви. Онъ ополчается противъ „книги съ нечестивымъ заглавіемъ, гдѣ перетасованы философія съ теологіей“ и противоставляетъ „мнимому“ праву свободнаго толкованія св. Писанія, „которое присвоиваютъ себѣ всѣ безъ различія еретики, потому именно и пребывающіе въ юдоли скорби и сѣни смертной“,—необходимость подчиниться живому завѣту Христову, врученному Имъ самимъ и Его апостолами исключительно римской церкви,—истинѣ, непреложной и неизсякающей, о которой свидѣтельствовали безчисленное множество пророковъ, апостоловъ, св. отцовъ церкви, мучениковъ, учителей церкви и убѣжденныхъ послѣдователей ея всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ. Всѣ эти люди безъ колебаній вѣрили въ чудеса и откровенія, такъ же, какъ они вѣрили въ Бога и единороднаго сына Его, сошедшаго на землю во плоти,—вѣрили и не сомнѣвались, ибо и теперь есть чудеса, для имѣющихъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать. И на эти-то тысячекратно доказанныя истины осмѣлился посягнуть онъ „жалкій человѣчишко, презрѣнный червь земляной, прахъ и пища

червей",—осмѣлился изслѣдовать ихъ при свѣтѣ своей мнимой мудрости и усумниться въ нихъ! Какъ смѣетъ онъ, „этотъ жалкій, ничтожный человѣкъ, надутый дьявольской гордостью, дерзновенно судить о страшныхъ тайнахъ жизни и страданій Христовыхъ?" Пусть онъ припомнитъ, какая ужасная и несказанно тяжкая кара постигла евреевъ, распявшихъ Іисуса, какъ они были ввергнуты въ пучину бѣдствій и несчастій, и какъ въ тоже время божественное Провидѣніе, среди смѣны вѣковъ, неизмѣнно охраняло и поддерживало истинную вѣру, выходившую побѣдительницей изъ всякихъ испытаній. Доказательства тому: *древность* этой церкви, насчитывающей уже шестнадцать съ половиною вѣковъ существованія, при непрерывной смѣнѣ верховныхъ пастырей, которые неусыпно блюли чистоту апостольскаго ученія; *неизмѣнность* ея, пережившая всѣ суетныя и преходящія несогласія въ мнѣніяхъ; ея *непогрѣшимость*, соотвѣтствующая дарованной ей Спасителемъ власти; ея *единство*, позволяющее ей одновременно и повсемѣстно простирать свою благословляющую десницу на всѣхъ своихъ послѣдователей и пріобщать ихъ благодати своей, ея *необычайное распространеніе* по всему міру, въ чемъ не можетъ сравниться съ ней ни одно изъ христіанскихъ исповѣданій; наконецъ то, что она *пребудетъ до конца дней*, до дня суднаго, когда страшный жребій постигнетъ тѣхъ, кто не искалъ спасенія, или въ непомѣрной заносчивости отрекся отъ него, или вообще почему бы то ни было не пріобщился къ спасенію. „Углубитесь въ себя, о философъ",—такъ заканчивается это пространное посланіе [24],—повинитесь въ своемъ мудромъ безуміи и глупой мудрости, изъ гордеца превратитесь въ смиреннаго,—и вы будете спасены! Молитесь Христу и св. Троицѣ, молитесь, чтобы Господь умилосердился надъ вами, и Онъ услышитъ вашу молитву. Обратитесь къ сочиненіямъ

св. отцовъ и учителей Церкви и научитесь изъ нихъ, какъ достигнуть вѣчной жизни, *посовѣтуйтесь съ добрыми католиками*, твердыми въ вѣрѣ и честными въ своихъ поступкахъ, и многое откроется вамъ, чего вы раньше не знали и чему будете дивиться. Истинно христіанскія побужденія заставили меня обратиться къ вамъ: пишу, потому что люблю васъ, хотя вы и язычникъ, и чтобы просить васъ не сбивать болѣе другихъ съ прямого пути. Отрекитесь отъ вашей кичливой, ослѣпленной философіи! Богъ вырветъ душу вашу изъ бездны вѣчнаго осужденія, стоитъ вамъ только захотѣть этого; не уклоняйтесь отъ повиновенія Господу. Онъ уже много разъ призывалъ васъ черезъ другихъ людей и нынѣ, можетъ быть въ послѣдній разъ, призываетъ васъ черезъ меня грѣшнаго, котораго Онъ удостоилъ такой милости по неизреченному Своему милосердію и который отъ всей души желаетъ вамъ того же. Не упорствуйте, внемлите гласу Господа, дабы Онъ не распалился противъ васъ гнѣвомъ и вы не содѣялись жертвою Его божественнаго правосудія".

Вначалѣ Спиноза рѣшилъ не отвѣчать на это письмо, но затѣмъ, уступая просьбамъ друзей, которые, подобно ему, возлагали на молодаго человѣка большія надежды, и изъ уваженія къ его семейству, которое было глубоко огорчено этимъ необдуманнымъ шагомъ со стороны юноши,— измѣнилъ свое рѣшеніе [25]. Въ отвѣтномъ письмѣ, Спиноза напоминаетъ юношѣ, что никакое вѣроисповѣданіе не обладаетъ исключительнымъ преимуществомъ имѣть своими послѣдователями только честныхъ людей и такихъ, которые готовы пострадать за свое убѣжденіе, какъ пострадали предки Альберта Бурга, которые во времена герцога Альбы съ непоколебимой стойкостью и мужествомъ сносили всевозможныя муки за вѣру. Истинная вѣра заключается въ

правдѣ и любви; гдѣ правда и любовь,—тамъ и Христосъ; гдѣ нѣтъ ихъ,—нѣтъ и Его: вотъ истинный смыслъ ученія Христова; все-же, что внѣ этого, простое суевѣріе. Лучшее доказательство тому—собственное его письмо (т. е. Альберта Бурга). Съ ожесточеніемъ, отличающимъ избранную имъ Церковь, онъ неистовствуетъ и проклинаетъ всѣхъ думающихъ иначе. Всѣ преимущества вышеназванной Церкви, которыя онъ, Альбертъ Бургъ, такъ восхваляетъ,—ея древность, неизмѣнность, непогрѣшимость и широкое распространеніе—могла бы, съ большимъ правомъ, приписать себѣ церковь іудейская, ведущая начало отъ начала міра и, несмотря на ненависть и безчисленныя преслѣдованія, пребывшая неизмѣнной. Что же до восхищающей его незыблемости строя римской церкви, которая впрочемъ получила окончательное устройство лишь шесть вѣковъ спустя послѣ смерти Спасителя,—въ этомъ отношеніи исламъ пошелъ еще дальше, и устойчивости его могутъ позавидовать многія христіанскія вѣроисповѣданія. Невозможно и недоступно правильно судить въ дѣлахъ вѣры и убѣжденія тому, кто, подобно Альберту Бургу, вступилъ въ лоно римской церкви не изъ любви къ Богу, но изъ страха передъ адомъ, какъ то ясно видно изъ его письма. Жалокъ обращенный, который доказываетъ свое смиреніе лишь тѣмъ, что, отрекаясь отъ собственнаго сужденія, вѣритъ со словъ другихъ тому, что не выдерживаетъ ни малѣйшей разумной критики, и винитъ въ надменности и гордынѣ всякаго, кто пользуется услугами разума, опираясь на истинное слово Божіе, которое есть въ Духѣ и не можетъ ни прейти, ни измѣниться,—вмѣсто того, чтобы жертвовать имъ противнымъ здравому смыслу ученіямъ, притомъ почитая ихъ тѣмъ болѣе спасительными и достойными вѣры, чѣмъ болѣе они противорѣчатъ здравому смыслу.

Въ этомъ перебѣжчикѣ Спиноза потерялъ лишь бывшаго ученика, но не приверженца, такъ какъ юноши и не коснулась та философія, которую онъ такъ безцеремонно позволялъ себѣ осуждать; это ясно высказано въ отвѣтномъ письмѣ Спинозы. Въ свое ученіе Спиноза посвятилъ лишь немногихъ избранныхъ, къ которымъ никогда не принадлежалъ Альбертъ Бургъ.

Въ 1674 г. къ этому кружку интимныхъ друзей присоединился даровитый молодой человѣкъ, только что пріѣхавшій изъ Лейдена, гдѣ онъ изучалъ математику и естественныя науки, а также философію Декарта. Это былъ баронъ *(Freiherr) Эренфридъ Вальтеръ фонъ-Чирнгаузенъ* [27], родомъ нѣмецъ, впослѣдствіи оказавшій большія услуги своему отечеству въ области стеклянной промышленности и способствовавшій открытію мейссенской фарфоровой глины. Онъ еще въ Амстердамѣ сблизился съ друзьями Спинозы и такъ сильно заинтересовался его ученіемъ, что ему разрѣшили снять для себя копію съ рукописей Спинозы, доступныхъ только посвященнымъ. Но Чирнгаузенъ никакъ не могъ перейти за предѣлы кругозора, очерченнаго для него Декартомъ, хотя и не могъ не соглашаться съ нѣкоторыми важными выводами изъ его ученія, сдѣланными Спинозой. Отсюда возникла переписка барона съ философомъ, который въ своихъ письмахъ не скупился на поученія. Чирнгаузенъ однако упорно настаивалъ на возможности согласить между собой ученія Декарта и Спинозы, что онъ и попытался сдѣлать въ своей, теперь уже забытой книгѣ, „*Medicina mentis*“. Книга эта вышла въ Амстердамѣ въ 1686 году и въ наши дни представляетъ лишь историческій интересъ; авторъ ея широко пользовался, какъ матерьяломъ, неоконченнымъ сочиненіемъ Спинозы объ „исправленіи разсудка“, хотя нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ источникѣ. Это могло быть вполнѣ изви-

нительной предосторожностью со стороны Чирнгаузена, не желавшаго выставлять свои отношенія съ опальнымъ философомъ на судъ предубѣжденной и недоброжелательной публики, тѣмъ болѣе, что Спинозы въ это время уже не было на свѣтѣ. Самъ онъ лично всегда питалъ глубочайшее уваженіе къ философу и въ свою очередь пользовался его полной симпатіей. Когда баронъ отправился путешествовать, Спиноза далъ ему рекомендательныя письма къ Ольденбургу въ Лондонъ и Гюйгенсу въ Парижъ, благодаря которымъ оба съ полной готовностью оказывали ему помощь и содѣйствіе [28].

При отъѣздѣ Чирнгаузена изъ Лондона въ Парижъ, Ольденбургъ, въ свою очередь, далъ ему рекомендательное письмо къ Лейбницу, жившему тамъ съ 1672 года. Новые знакомые скоро подружились, чему не мало способствовала обоюдная симпатія ихъ къ Спинозѣ. Лейбницъ не только высоко цѣнилъ первое твореніе Спинозы,—его книгу о Декартѣ, и въ особенности, искусство, обнаруженное имъ въ приложеніи геометрическаго метода,—но читалъ и трактатъ, тотчасъ по выходѣ его, и даже, узнавъ имя автора, весною 1671 года завязалъ съ нимъ письменныя сношенія. Онъ обратился къ философу съ нѣкоторыми вопросами, касавшимися оптики, и получилъ вѣжливый и обстоятельный отвѣтъ. Но когда, въ слѣдующемъ письмѣ Лейбницъ завелъ рѣчь о вызвавшемъ столько толковъ трактатѣ, отвѣта, повидимому, не послѣдовало: по всей вѣроятности, Спиноза хотѣлъ сохранить передъ постороннимъ человѣкомъ тайну своего анонима. Вопросъ этотъ не разъ поднимался въ бесѣдахъ Лейбница съ Чирнгаузеномъ и Гюйгенсомъ, толковали они и о вызвавшемъ сенсацію трактатѣ и о личности его автора. Все это усилило симпатію Лейбница къ одинокому мыслителю и вызвало въ немъ желаніе лично

познакомиться съ Гаагскимъ отшельникомъ, чему Чирнгаузенъ, въ свою очередь, усердно старался способствовать черезъ своихъ амстердамскихъ друзей [29].

Въ ноябрѣ 1675 г. Спинозѣ сообщили изъ Амстердама, что Чирнгаузенъ минувшимъ лѣтомъ близко познакомился въ Парижѣ съ Лейбницемъ и нашелъ въ немъ не только симпатичнаго, но и многосторонне образованнаго человѣка, вполнѣ свободнаго отъ обычныхъ теологическихъ предразсудковъ и потому именно жаждущаго поближе ознакомиться съ философіей Спинозы. Къ этому присоединялась просьба—разрѣшить любознательному и хорошо подготовленному молодому ученому прочесть рукописи, обращавшіяся лишь въ тѣсномъ дружескомъ кругу. Чирнгаузенъ, вѣрный данному обѣщанію, до сихъ поръ не указывалъ Лейбницу этого способа ознакомиться съ интересующимъ его ученіемъ и впредь будетъ молчать о немъ, если учитель не найдетъ возможнымъ удовлетворить его просьбу, хотя онъ, съ своей стороны, зная благородство и великодушіе своего учителя, не сомнѣвается въ его согласіи [30].

На это письмо Спиноза отвѣчалъ съ слѣдующей же почтой: „Лейбница, о которомъ вы пишете, я, какъ мнѣ кажется, знаю изъ его писемъ, но почему онъ, занимавшій мѣсто совѣтника во Франкфуртѣ, переселился во Францію, этого я не знаю. Насколько можно было судить по его письмамъ, онъ показался мнѣ человѣкомъ свободнаго ума и весьма разностороннихъ знаній. Но разрѣшить ему доступъ къ моимъ неизданнымъ сочиненіямъ я считаю пока преждевременнымъ. Сначала я желалъ бы знать, что онъ дѣлаетъ во Франціи, и услыхать мнѣніе о немъ Чирнгаузена, послѣ того, какъ нашъ другъ, изъ болѣе частыхъ свиданій съ нимъ, ближе изучитъ его характеръ“ [31].

Лейбницъ еще около года провелъ въ Парижѣ, занимаясь разными изслѣдованіями въ области физики и математики, затѣмъ отправился въ Лондонъ, гдѣ пробылъ всего только мѣсяцъ и оттуда поѣхалъ на два мѣсяца въ Голландію. Здѣсь онъ поспѣшилъ сблизиться съ друзьями Спинозы,—которымъ его рекомендовалъ, вѣроятно, Чирнгаузенъ, или Ольденбургъ,—въ надеждѣ, что этимъ путемъ ему легче будетъ познакомиться съ недовѣрчивымъ и недоступнымъ Спинозой. Чтобы дать ему возможность оріентироваться въ новомъ ученіи, ему показали въ Амстердамѣ нѣкоторыя письма Спинозы къ Ольденбургу, которыя были найдены въ бумагахъ Лейбница, послѣ его смерти, собственноручно имъ переписанныя и съ разными замѣтками на поляхъ. Далѣе, ему было дано для прочтенія сжатое изложеніе „Этики", такъ какъ Спиноза очевидно все еще продолжалъ упорствовать; этотъ конспектъ также былъ найденъ въ бумагахъ, оставшихся послѣ Лейбница, съ замѣтками, сдѣланными его рукой. Пока Лейбницъ знакомился такимъ образомъ съ философіей Спинозы, амстердамскіе друзья послѣдняго прилагали всѣ старанія, чтобы разсѣять его предубѣжденіе противъ ученаго гостя, назначеннаго теперь библіотекаремъ и совѣтникомъ герцога Ганноверскаго. Имъ удалось, наконецъ убѣдить Спинозу согласиться на личное свиданіе, и въ половинѣ ноября 1676 г. Лейбницъ пріѣхалъ въ Гаагу [32].

Здѣсь состоялась наконецъ давно подготовляемая встрѣча, наглядно изображенная уже въ наше время талантливымъ перомъ человѣка, обладающаго обширными знаніями, и чрезвычайно живымъ воображеніемъ [33]. Позволяемъ себѣ привести это описаніе:

„На улицахъ и площадяхъ утонувшаго въ садахъ города осенній вѣтеръ играетъ поблекшими листьями. Въ

тихой комнаткѣ, въ мезонинѣ одного изъ бюргерскихъ домовъ на мирной Павильоэнсграхтъ, двое мужчинъ углубились въ серьезную бесѣду. Вокругъ убогая, бѣдная обстановка. На одномъ изъ собесѣдниковъ модный дорожный костюмъ, ибо, какъ выражается его другъ, Гюйгенсъ, онъ чрезвычайно любитъ „блистать"; изнуренное болѣзнью тѣло другого прикрываетъ простое, бѣдное платье. Надъ нимъ уже витаютъ тѣни смерти,—ему осталось жить на землѣ всего короткихъ четыре мѣсяца,—но ясные и кроткіе глаза изъ подъ густыхъ бровей весело смотрятъ на гостя, который усердно старается въ чемъ-то убѣдить его. Гостю всего тридцать лѣтъ; это мужчина въ полномъ цвѣтѣ силъ и мужественной красоты, хотя съ рѣдѣющими уже волосами; взоръ его свѣтится гордой надеждой и не менѣе гордымъ успѣхомъ;—онъ уже успѣлъ пріобрѣсти дружбу Ньютона и Бойля; недавно *Royal Society* въ Лондонѣ чествовало его, какъ усовершенствователя счетной машины Паскаля, а французская академія—какъ изобрѣтателя дифференціальнаго счисленія; онъ былъ при дворѣ Людовика XIV, глубоко изучилъ общественную и политическую жизнь народовъ; въ головѣ его роится множество проектовъ и плановъ политическаго, литературнаго, научнаго характера; но въ настоящую минуту этотъ изящный придворный, свѣтскій человѣкъ и мыслитель является только мыслителемъ; у него теперь одна забота—выяснить старшему товарищу вѣскость и убѣдительность своихъ доводовъ. Онъ, какъ живой, стоитъ у насъ передъ глазами. Вотъ онъ, взволнованный, блѣдный, съ легкой краской возбужденія на щекахъ, схватилъ перо и чернильницу, присѣлъ къ письменному столу Спинозы,—тому самому столу, на которомъ возникла „Этика",—быстро набрасываетъ на бумагѣ рядъ доказательствъ, изъ которыхъ онъ выводитъ бытіе высшаго и совершеннаго

существа, и подноситъ исписанный листокъ къ самымъ глазамъ своимъ, проницательнымъ, но близорукимъ, чтобы, съ торжествующимъ видомъ, прочесть написанное больному мудрецу, который стоитъ съ нимъ рядомъ и ласково смотритъ на гостя"...

Впослѣдствіи Лейбницъ увѣрялъ, будто, во время этого свиданія со Спинозой, они не затрогивали никакихъ серьезныхъ вопросовъ, разговаривали только о безразличныхъ вещахъ, да и видѣлись-то всего одинъ разъ. Не говоря уже объ оставшихся послѣ него замѣткахъ, относящихся къ такимъ важнымъ проблемамъ, какъ свойства движенія и вопросъ о необходимости бытія верховнаго, совершеннаго существа, составленнымъ, какъ полагаютъ, во время его пребыванія въ Гаагѣ,—характеръ его бесѣды со Спинозой и содержаніе ея достаточно выясняются изъ интимной переписки Лейбница (*„je lui ai parlé plusieurs fois et fort longtemps"*). Съ „Этикой" Лейбницъ ознакомился уже послѣ смерти философа и въ своей философіи, которую онъ окончательно выработалъ уже послѣ появленія „Этики", онъ, какъ извѣстно, въ противоположность строгому разграниченію, установленному Спинозой, усиленно старался, съ помощью своихъ метафизическихъ теоремъ, по возможности согласовать философію съ теологіей. Уже одно нерѣдко проглядывающее, прямо или косвенно, полемическое отношеніе Лейбница къ ученію Спинозы, напоминаетъ о живомъ интересѣ, съ какимъ онъ нѣкогда стремился въ Гаагу, къ одинокому мыслителю [34].

О томъ, какое впечатлѣніе вынесъ самъ Спиноза изъ свиданія съ этой замѣчательной личностью,—мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Отличительной чертой Лейбница было соглашаться почти со всѣмъ, что онъ читалъ; эта податливость духовнаго протея не могла не выйти наружу въ интимной бесѣдѣ, но весьма сомнительно, чтобъ она могла

благопріятно подѣйствовать на Спинозу и расположить его къ бо́льшей сообщительности [35]. При его наклонности къ строго послѣдовательному мышленію, можно предположить скорѣе наоборотъ, что онъ очень скоро подмѣтилъ характерную черту міровоззрѣнія Лейбница—его стремленіе ужиться съ теологіей, и потому именно не измѣнилъ своей обычной сдержанности, и ни на іоту не приблизился къ ищущему его одобренія гостю.

Въ этотъ періодъ, насколько ему позволяли время и силы, Спиноза трудился надъ сочиненіемъ, начатымъ послѣ крушенія всѣхъ его плановъ и стараній выпустить въ свѣтъ важнѣйшее свое философское произведеніе—„Этику". Мы подразумѣваемъ *„Трактатъ о Политикѣ"*, выдержки изъ котораго, относящіяся къ важнѣйшимъ событіямъ дня, мы уже приводили раньше. Это сочиненіе полно ссылокъ на изданный ранѣе „богословско-политическій трактатъ" и служитъ какъ-бы дополненіемъ къ нему. Начинается оно краткимъ сводомъ положеній, содержащихся въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ Этики и заканчивается изображеніемъ различныхъ формъ государственныхъ отношеній, построенныхъ на этическихъ принципахъ, согласныхъ съ принципами этики. Спиноза главнымъ образомъ старался выяснить и подчеркнуть особенности своего взгляда на государство, который при жизни его, да еще и въ наше время, смѣшивали и смѣшиваютъ съ представленіемъ о государствѣ *Томаса Гоббса* [36].

Спиноза, какъ и Гоббсъ, не признаетъ государства, какъ естественной формы, ибо природа, создавая индивидуумовъ, предоставляетъ ихъ самимъ себѣ. Государство возникаетъ лишь черезъ взаимное соглашеніе людей, соединившихся для совмѣстной жизни. Для Гоббса государство распадается вмѣстѣ съ паденіемъ правительства, водворившаго извѣстный государственный строй, и это правительство не только

одно рѣшаетъ, что хорошо и дурно, справедливо и несправедливо, но и является, какъ уже было упомянуто[37], верховнымъ судьей въ дѣлахъ вѣры. Спиноза же совершенно ограждаетъ область умственной дѣятельности и духовную свободу каждаго человѣка отъ всякихъ попытокъ вмѣшательства со стороны государственной власти; мало того, онъ самыя отношенія между властителями и подданными основываетъ на взаимности, предполагая, что за каждымъ человѣкомъ остается присвоенное ему природой право свободы дѣйствій, поскольку оно необходимо для его благоденствія, какъ разумнаго существа, Спиноза, какъ и Гоббсъ, требуетъ, чтобы правительство твердой рукой поддерживало разъ установленный порядокъ вещей, но ограничиваетъ его власть областью дѣлъ и поступковъ. Государство, путемъ законовъ, оказываетъ извѣстное давленіе на подданныхъ, но это давленіе имѣетъ цѣлью именно обезпечить пользованіе вышеупомянутой свободой, ибо правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководится исключительно заботой о благѣ подданныхъ, и весь государственный порядокъ клонится только къ тому, чтобы водворить господство разума. Такимъ образомъ давленіе, оказываемое государствомъ, должно имѣть цѣлью лишь обузданіе безумнаго произвола страстей, но никакъ не людей, руководствующихся въ своей жизни благоразуміемъ и осмотрительностью. Правда, государство *можетъ* пользоваться своей властью для порабощенія подданныхъ и къ выгодѣ власть имущихъ, но это есть нарушеніе естественныхъ правъ каждаго гражданина: черезъ это порождаются раздоры и возмущенія: государство, поступающее такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать миръ и согласіе между гражданами, не отвѣчаетъ своему назначенію. „То государство можно съ наибольшимъ правомъ назвать свободнымъ, коего законы основаны

на разумѣ, ибо въ немъ каждый, если захочетъ, можетъ быть свободнымъ, т. е. жить по предписаніямъ разума“ [38].

Спинозѣ не суждено было довести свой трудъ до конца. Болѣзненный и хилый отъ природы, онъ уже двадцать лѣтъ боролся съ чахоткой. Благодаря крайне умѣренному и правильному образу жизни и необычайно ровному характеру, ему удалось надолго отсрочить конецъ и сохранить до послѣдней минуты воспріимчивость и бодрость духа, необходимую для умственной дѣятельности.

Въ началѣ 1684 г. здоровье его замѣтно ослабѣло, но, вѣроятно, ухудшеніе было временное, такъ какъ въ 1676 г. онъ повидимому чувствовалъ себя хорошо и носился съ разными научными проблемами, разсмотрѣніемъ которыхъ онъ предполагалъ заняться, „если хватитъ вѣку“ [39].

Но ему уже не дано было дожить до конца слѣдующаго года. Ни хозяинъ его, ни домашніе, по словамъ все того-же Колеруса [40], не предполагали, что конецъ наступитъ такъ быстро, и смерть философа явилась для нихъ неожиданностью. 20-го Февраля 1677 г. въ субботу передъ заговѣнами, живописецъ и жена его отправились въ церковь, предполагая на другой день пріобщиться св. Таинъ. Около четырехъ часовъ они вернулись, и Спиноза пришелъ къ нимъ сверху выкурить трубочку и побесѣдовать о проповѣди. Подъ вечеръ онъ ушелъ къ себѣ и рано легъ спать. На другой день, т. е. въ воскресенье рано утромъ, до обѣдни, философъ еще разъ спустился къ своимъ хозяевамъ и засталъ у нихъ своего пріятеля, доктора *Людвига Мейера*, котораго онъ вызвалъ изъ Амстердама. Докторъ велѣлъ приготовить ему къ завтраку куриный бульонъ, который больной съѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Супруги Спикъ, вернувшись отъ обѣдни, застали его еще за столомъ, но вскорѣ онъ вмѣстѣ съ докторомъ ушелъ на верхъ въ свою комнатку, гдѣ и

остался. Супруги Спикъ опять отправились въ церковь и, вернувшись, къ крайнему своему изумленію, узнали, что въ три часа жилецъ ихъ скончался.

Онъ умеръ 21 Февраля 1677 г., имѣя отъ роду сорокъ четыре года, два мѣсяца и двадцать семь дней. На похоронахъ присутствовало множество знати, за гробомъ ѣхало шесть каретъ; въ четвергъ, 25 февраля, тѣло его было предано землѣ, на кладбищѣ при новой церкви на Спа *(Spy)*, гдѣ недавно была разыскана его могила.

ГЛАВА V.

Главный трудъ Спинозы.

Спиноза распорядился, чтобы въ случаѣ его смерти конторка его съ находящимися въ ней письмами и рукописями немедленно была доставлена въ Амстердамъ къ Яну Ріеверцу, владѣльцу типографіи, съ которымъ онъ былъ друженъ. Это распоряженіе было самымъ добросовѣстнымъ образомъ приведено въ исполненіе фанъ-деръ-Спикомъ, хозяиномъ дома, въ которомъ жилъ Спиноза, и уже 25-го марта 1677 г. Ріёверцъ извѣстилъ его, что моряки, которымъ она была ввѣрена, аккуратно доставили ее.

Упомянутый нами владѣлецъ типографіи, вмѣстѣ съ другими близкими друзьями Спинозы, издалъ оставшіяся послѣ него сочиненія еще до истеченія года со времени его смерти. Напечатанный in 4° томъ среднихъ размѣровъ содержалъ лишь одну законченную работу, много разъ упоми-

навшуюся нами „Этику“, которой мы здѣсь и займемся. Къ Этикѣ примыкали три отрывка, о которыхъ намъ также приходилось говорить: трактаты о политикѣ и объ исправленіи разсудка и основанія еврейской грамматики. Кромѣ того въ этомъ томѣ была помѣщена еще часть переписки Спинозы, причемъ были избраны лишь письма, могущія служить къ разъясненію его ученія. Книга начинается довольно длиннымъ предисловіемъ, вѣроятно представляющимъ коллективный трудъ нѣсколькихъ друзей Спинозы; согласно категорически выраженному имъ желанію, фамилія его не была напечатана на заглавномъ листѣ, но друзья его позволили себѣ выставить его инициалы; мѣсто же изданія и имя издателя не были указаны.

Друзья Спинозы, съ благоговѣніемъ относившіеся къ его памяти, не ограничились однимъ изданіемъ этой книги. По почину Яррига Іеллиса, менонита, одного изъ друзей философа, о которомъ мы уже не разъ упоминали,—появилось изданіе посмертныхъ сочиненій Спинозы и на голландскомъ языкѣ, что достаточно свидѣтельствуетъ о той почетной извѣстности, которую къ этому времени пріобрѣло имя Спинозы среди его соотечественниковъ, хотя и этотъ переводъ появился безъ полнаго имени автора, а лишь съ его инициалами, подобно оригиналу, съ которымъ онъ былъ изданъ почти одновременно.

Тотчасъ же вслѣдъ за изданіемъ посмертныхъ сочиненій Спинозы разразилась буря негодованія среди теологовъ и философовъ, надолго сдѣлавшая невозможнымъ сколько нибудь правильное пониманіе дѣятельности этого мыслителя. Что такое отношеніе къ міросозерцанію Спинозы находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ господствовавшими тогда понятіями, видно изъ того, что даже люди съ довольно широкими для того времени взглядами и пользовавшіеся не

особенно хорошей репутаціей у теологовъ—какъ напримѣръ чрезвычано свободомыслящій Пьеръ Бэйль,—могли позволить себѣ дать столь же враждебные какъ и легкомысленные отзывы объ ученіи Спинозы.

Въ „Этикѣ“ Спинозы мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ именно, что представляетъ его жизненный подвигъ. Его этика, которую менѣе предубѣжденная эпоха должна была признать наиболѣе зрѣлымъ произведеніемъ философской мысли XVII столѣтія, была окончательнымъ результатомъ всей его мыслительной дѣятельности, сфера которой впрочемъ ясно обозначилась уже при первомъ пробужденіи въ немъ самостоятельнаго мышленія. Мысли, изложенныя въ посмертныхъ сочиненіяхъ Спинозы въ томъ видѣ, какой онѣ получили послѣ многократной обработки, въ главныхъ чертахъ согласны съ тѣми мыслями, которыя онъ развивалъ въ своемъ юношескомъ сочиненіи, оставленномъ имъ въ качествѣ завѣщанія при разставаніи съ амстердамскими друзьями. То, что въ результатѣ личныхъ размышленій и изученія философской литературы раскрылось передъ нимъ, какъ неопровержимая истина, впослѣдствіи было выработано имъ преимущественно со стороны формы, причемъ, какъ ему казалось, была достигнута большая ясность и убѣдительность; разумѣется кое-что было при этомъ исправлено и изложено болѣе подробно. Косвеннымъ образомъ Спиноза выяснилъ свои взгляды еще въ изложеніи ученія Декарта, имѣвшемъ такой большой успѣхъ; въ богословско-политическомъ трактатѣ, вызвавшемъ не менѣе возраженій, чѣмъ сочувственныхъ отзывовъ, также содержатся нѣкоторыя существенныя положенія его ученія. Для него самого и для небольшой кучки его ближайшихъ послѣдователей ученіе это было полнымъ выраженіемъ истины; въ силу такого убѣжденія и было рѣшено издать изложеніе этого ученія; попытка

въ этомъ направленіи была сдѣлана еще самимъ Спинозой, но довести дѣло до конца пришлось уже его друзьямъ.

Спиноза назвалъ свое сочиненіе этикой. Этимъ ясно намѣчена его задача; она состоитъ въ томъ, чтобы указать образъ жизни, ведущій къ добродѣтели, какъ къ высшему и единственному прочному благу. Какъ слѣдуетъ понимать добродѣтель и въ чемъ она собственно состоитъ—вотъ что должна разъяснить книга Спинозы. Онъ сознавалъ, что самъ получилъ свою долю этого высшаго блага, нашелъ въ немъ свое счастіе и насладился имъ; сдѣлать это благо доступнымъ другимъ—и было цѣлью его сочиненія, которое онъ съ такой любовью обдумывалъ и перерабатывалъ въ теченіе всей своей жизни.

При изложеніи этики, Спиноза, какъ уже не разъ было упомянуто, примѣнилъ геометрическій методъ. Точно такъ же, какъ въ основаніяхъ Эвклида,—основныя положенія ученія формулируются въ краткихъ предложеніяхъ, которыя подкрѣпляются доказательствами, опирающимися на предшествовавшія опредѣленія и аксіомы и на другія, ранѣе доказанныя предложенія; все сочиненіе представляетъ непрерывную цѣпь выводовъ, идущихъ другъ за другомъ въ строгой логической послѣдовательности: изрѣдка, впрочемъ, аргументація дополняется разъясненіями и примѣчаніями. Этотъ способъ изложенія представляетъ не только дань исключительному уваженію, которымъ пользовалась тогда математика, находившаяся въ періодѣ полнаго расцвѣта и разработывавшаяся успѣшно и вполнѣ свободно наряду съ основанными на ней физикой и астрономіей; Спиноза, помимо этого, имѣлъ въ виду еще одно обстоятельство, весьма важное для его философіи. Провозглашенной имъ истинѣ надо было придать такую же объективность и неуязвимую достовѣрность, какой обладаютъ математическія истины. Какъ

въ послѣдней все сводится къ безусловно достовѣрнымъ, существующимъ лишь въ силу внутренней необходимости, вполнѣ независимымъ отъ человѣческаго произвола отношеніямъ, точно также и тѣ истины, которымъ онъ поучалъ, должны были постигаться съ достаточной опредѣленностью, такъ какъ лишь такое вполнѣ ясное пониманіе гарантируетъ отъ обмана и заблужденія. Разъ дѣло касается этики, опредѣленія условій, дѣлающихъ возможнымъ достиженіе высшаго блага, подобная ясность мысли, устраняющая всякія предвзятыя мнѣнія, представляетъ чрезвычайную важность. Оттого-то онъ и считаетъ вполнѣ правильнымъ разсматривать всѣ относящіеся сюда вопросы такъ, какъ будто рѣчь идетъ о линіяхъ, поверхностяхъ и тѣлахъ.

Кромѣ математическаго метода для этики Спинозы характерна еще терминологія, заимствованная у предшествовавшей ей философіи Декарта, которая съ своей стороны многимъ обязана схоластикѣ. Какъ ни умѣренно пользуется Спиноза этой терминологіей, все же она, въ связи съ соотвѣтствующимъ ей складомъ мышленія, производитъ на современныхъ читателей не менѣе озадачивающее впечатлѣніе, чѣмъ примѣненіе эвклидовскаго метода къ проблемамъ чисто умозрительнымъ, при обсужденіи которыхъ совершенно недостижима наглядность, всегда предполагаемая при геометрическихъ доказательствахъ. Вѣдь Спиноза первымъ дѣломъ имѣлъ въ виду исправленіе метафизики Декарта и, въ связи съ этимъ, построеніе въ основныхъ чертахъ космологіи и теоріи познанія; эти науки должны были, по его взгляду, служить фундаментомъ этики. И эти вспомогательныя средства, равно какъ и выведенная изъ нихъ психологія Спинозы, точно также производятъ теперь на насъ странное впечатлѣніе, такъ какъ они уже не соотвѣтствуютъ современному состоянію знанія. Сверхъ того геометрическій

методъ доказательства обладаетъ еще тѣмъ недостаткомъ, что, при всей своей строгости, допускаетъ извѣстный произволъ въ выборѣ матерьяла для изложенія. Часто, напримѣръ, для того, чтобы обезпечить предпосылки для позднѣйшихъ предложеній, привлекаются къ дѣлу вещи, принадлежащія къ совсѣмъ другому ряду мыслей, и тогда многое такое, что требовало бы болѣе подробнаго обсужденія, кажется уже доказанной и твердо установленной истиной. Такимъ образомъ возникаютъ противорѣчія и пробѣлы въ самомъ ученіи и многое, нуждающееся въ подробномъ дедуктивномъ обоснованіи, остается голословнымъ утвержденіемъ, скрывая даже отъ взора самого автора разныя непослѣдовательности и неясности.

На всѣ эти недостатки можно не обращать вниманія, если желаешь оцѣнить жизненный трудъ Спинозы со стороны того, что въ немъ является пріобрѣтеніемъ, имѣющимъ вѣчное значеніе. Ибо съ такой точки зрѣнія представляетъ важность лишь то, къ чему онъ стремился и чего достигъ, а не то, какимъ образомъ онъ принимался за дѣло. Итакъ, попытаемся дать соотвѣтствующее такой точкѣ зрѣнія изложеніе Этики Спинозы.

Она распадается на пять отдѣловъ, изъ которыхъ два первыхъ служатъ какъ бы введеніемъ, а три остальные посвящены собственно этикѣ; въ первомъ отдѣлѣ трактуется о Богѣ; здѣсь излагается метафизика Спинозы, въ которой онъ примыкаетъ къ ученію Декарта, получившему у него вполнѣ послѣдовательное дальнѣйшее развитіе, причемъ уклоненіе отъ церковнаго пониманія упомянутой проблемы. было неизбѣжно Во второй части Спиноза развиваетъ свою теорію познанія, занимающуюся міровымъ цѣлымъ, подлежащимъ познанію, и отношеніемъ между знаніемъ и его объектомъ. Третья часть посвящена обсужденію человѣче-

скихъ страстей, раскрытію ихъ дѣйствительной природы и ихъ объясненію. Въ четвертой части рѣчь идетъ о могуществѣ страстей и о средствахъ, которыми ихъ можно побороть, и вслѣдъ затѣмъ въ послѣдней части обсуждается возможность человѣческой свободы, заключающейся въ осуществленіи истиной добродѣтели, какъ высшей цѣли жизни.

Изложеніе наше, разумѣется, должно имѣть въ виду проблемы, обсуждаемыя Спинозой: но мы позволимъ себѣ не слѣдовать избранному имъ порядку разсмотрѣнія ихъ. Для него самого было вполнѣ неизбѣжно начать съ проблемы о Божествѣ. По этому вопросу съ точки зрѣнія философіи приходилось защищать воззрѣнія, совершенно отличныя отъ догматическихъ взглядовъ теологіи, и уже самое мѣсто, занимаемое въ системѣ изложеніемъ этой проблемы, должно было ясно указывать на ея важность. Уже въ своемъ юношескомъ сочиненіи, въ которомъ содержалась въ главныхъ чертахъ его этика, Спиноза начиналъ съ понятія о Божествѣ исключительно съ цѣлью установить, несомнѣнность существованія Бога. . . . . Спиноза вполнѣ правъ, отвергая взводимое на него обвиненіе въ атеизмѣ: Божество было основною мыслью его ученія, и представители церкви не видятъ этого лишь въ силу предубѣжденности, которая дѣлаетъ ихъ совершенно неспособными понять возвышенность и послѣдовательность образа мыслей философа. Исходя изъ понятія о Божествѣ, Спиноза, для того чтобы подойти къ самой этикѣ, занимающейся человѣческими отношеніями, какъ таковыми, нуждался въ цѣломъ рядѣ промежуточныхъ звеньевъ, каковыми и являются уже упомянутыя нами космологическія и гносеологическія разсужденія. Какъ эти разсужденія, такъ и ученіе его о Божествѣ, будутъ привлекаться нами при изложеніи, насколько это окажется необходимымъ для нашей цѣли. Но

исходнымъ пунктомъ мы изберемъ рекомендуемый Спинозой путь къ добродѣтели и будемъ отправляться, слѣдовательно, отъ человѣка.

Вполнѣ понятенъ и общепризнанъ тотъ фактъ, что всякая вещь въ мірѣ, и въ особенности одаренный разумомъ человѣкъ, стремится, насколько это отъ нея зависитъ, сохранить свое существованіе. Сознательное самосохраненіе является сущностью духа, отъ начала присущей ему силой, заставляющей его, по возможности, поддерживать свое существованіе въ теченіе неограниченно долгаго времени. Такимъ образомъ, средоточіемъ этической жизни можетъ быть только самосохраненіе. То, что увеличиваетъ эту силу,—хорошо и доставляетъ удовлетвореніе; то, что ей противодѣйствуетъ—считается дурнымъ и злымъ, вызываетъ неудовольствіе и, по мѣрѣ возможности, устраняется и избѣгается.

Разъ это твердо установлено, то ясно, что, когда рѣчь идетъ о правильномъ съ этической точки зрѣнія образѣ жизни, подъ нимъ можно разумѣть лишь послѣдовательное проведеніе принципа самосохраненія, лишь указаніе поведенія, ведущаго къ истинной удовлетворенности и блаженству. Среди потока безчисленныхъ вещей и отношеній, отъ которыхъ зависитъ и вліянію которыхъ подчинена человѣческая жизнь, среди путаницы собственныхъ чувствъ, желаній и мыслей, постоянно волнующихъ и стѣсняющихъ душу, трудно бываетъ съ увѣренностью идти къ достиженію этой важной цѣли. Но необходимыя для этого условія лежатъ въ сущности человѣческаго духа, стремящагося къ сохраненію своего бытія: лишь чрезъ самого себя достигаетъ онъ блаженства, такъ какъ дѣло идетъ о сохраненіи собственнаго существованія; лишь то, что пріобрѣтается собственными его усиліями, онъ долженъ считать высшимъ благомъ, лишь къ тому онъ долженъ стремиться.

Въ чемъ же заключается эта, столь важная для самосохраненія духа дѣятельность? Лишь въ томъ, что принадлежитъ ему одному, что не можетъ быть дано ему или отнято отъ него чѣмъ либо другимъ, въ томъ, чѣмъ онъ утверждаетъ себя какъ нѣчто индивидуальное, отличное отъ всего другого, не нуждающееся ни въ чемъ другомъ и, слѣдовательно, не испытывающее счастья или удовольствія отъ присутствія этого другого и недовольства и печали отъ отсутствія его. Ибо, если самосохраненіе непремѣнно требуетъ удовлетворенности, то она въ свою очередь можетъ заключаться лишь въ полной, ничѣмъ не смущаемой радости, и слѣдовательно, все, уменьшающее эту послѣднюю, должно избѣгаться, какъ дурное и негодное. Единственное же, въ чемъ проявляется истинная сущность духа, есть мышленіе или дѣятельность разума, состоящая въ образованіи понятій и идей. *Ея единственной цѣлью является истина*, и, сосредоточивая всѣ свои стремленія на ней одной, духъ охраняетъ свое блаженство. Ибо истина вѣчна и потому никогда не можетъ перестать дѣлать его счастливымъ; стремясь къ ней, духъ человѣческій живетъ въ ней и обезпечиваетъ себѣ единственный прочный и неистощимый источникъ радости, которая притомъ увеличивается въ той же мѣрѣ, въ какой онъ искренно добивается ея. Чѣмъ болѣе духъ бываетъ дѣятеленъ въ этомъ направленіи, тѣмъ полнѣе и прочнѣе наслажденія, извлекаемыя имъ изъ своего существованія, т. е. тѣмъ болѣе дѣйствительно онъ его отстаиваетъ. Это одно является блаженствомъ и легко можетъ быть усмотрѣно, какъ таковое, такъ какъ удовлетворенность обусловливается удаленіемъ всего препятствующаго самосохраненію, а препятствія къ послѣднему могутъ являться лишь извнѣ.

Если дѣятельность, соотвѣтствующая самосохраненію

духа, состоитъ въ истинномъ познаніи, то противоположнымъ состояніемъ духа можетъ быть лишь его неспособность къ такому познанію. Гдѣ господствуетъ эта послѣдняя, тамъ существованіе духа бываетъ не совершенно, что обусловливается исключительно преобладаніемъ внѣшнихъ вліяній; ибо духъ самъ по себѣ обладаетъ стремленіемъ къ дѣятельности, и разъ его дѣятельность стѣснена, является страданіе; возбуждаемыя послѣднимъ душевныя состоянія называются страстями.

Обыкновенно вмѣсто того, чтобы стараться понять эти явленія, на нихъ изощряютъ свое остроуміе, если не оплакиваютъ ихъ или не изливаютъ на нихъ свое негодованіе. Но пороки и глупость людей прежде всего не что иное, какъ факты, которые должны быть поняты, какъ со стороны собственныхъ ихъ свойствъ, такъ и со стороны обусловливающихъ ихъ обстоятельствъ. Они также принадлежатъ къ всеобъемлющей природѣ, могущество и дѣятельная сила которой всегда и повсюду *едины*, законы и правила ея, согласно которымъ все существующее возникаетъ и измѣняется, всегда и всюду одни и тѣ же; подобно всѣмъ прочимъ вещамъ въ природѣ различныя состоянія человѣческаго духа вытекаютъ изъ опредѣленныхъ причинъ, которыми они могутъ быть объяснены, и имѣютъ опредѣленныя свойства, которыя совершенно столько же цѣнны для нашего познанія, какъ и свойства какихъ нибудь другихъ вещей, наблюденіе которыхъ представляетъ для насъ важность.

Всѣ страсти могутъ быть сведены къ зависимости духа отъ внѣшнихъ вещей и къ уменьшенію его самодѣятельности. Не трудно согласиться съ этимъ по отношенію къ наиболѣе низкимъ страстямъ. Неумѣренное стремленіе нравиться, роскошь, пьянство, скупость, сладострастіе безуслов-

но могутъ быть признаны проявленіями безпомощнаго подчиненія власти самыхъ ничтожныхъ и скоропреходящихъ вещей, дающихъ лишь мимолетное удовлетвореніе, за которымъ всегда слѣдуетъ недовольство. Но и тамъ, гдѣ духъ, вмѣсто того, чтобы направить свое стремленіе къ вѣчному и неизмѣнному, сосредоточиваетъ его на предметахъ, легко подвергающихся превратностямъ и потому недопускающихъ обладанія въ истинномъ смыслѣ слова, тамъ также неизбѣжно страданіе. Исключительно благодаря этому возникаютъ вражда, обиды, недовѣріе, равно какъ и зависть, ревность, гнѣвъ и ожесточеніе, раскаяніе, жажда мести, отчаяніе и всѣ прочіе виды недовольства и огорченій, дающіе поводъ къ жалобамъ на господство въ мірѣ страданія и на суетность жизни. Но не можетъ избѣгнуть страданій и тотъ, чьи стремленія направлены къ цѣли болѣе благородной, но связанной съ вещами преходящими и подвергающейся безчисленнымъ опасностямъ въ силу внѣшнихъ условій; и въ этомъ случаѣ духъ подпадаетъ ослабляющей его зависимости; это выражается въ страхѣ и надеждѣ, боязни и тоскѣ, шумной радости и уныніи и другихъ многообразныхъ явленіяхъ душевной жизни, какъ бы они еще ни назывались,—явленіяхъ, угнетающихъ духъ, смущая и стѣсняя его дѣятельность, разъ онъ не проявляетъ ее въ утвержденіи собственнаго своего я.

И такъ тѣ, которые не могутъ сохранить своей индивидуальности среди мірской суеты, съ точки зрѣнія Спинозы не вѣдаютъ, что творятъ. Если бы они дѣйствительно вполнѣ сознавали, что̀ они дѣлаютъ, то поступали бы иначе, ибо тотъ, кто обладаетъ истиннымъ познаніемъ, не можетъ поступать иначе, какъ нравственно. И тамъ, гдѣ дѣятельность людей, какъ это бываетъ въ благоустроенномъ обществѣ, въ общемъ соотвѣтствуетъ требованіямъ нравствен-

наго поведенія, но гдѣ при этомъ единственнымъ побудительнымъ мотивомъ являются страхъ передъ наказаніемъ или надежда на награду,—тамъ остается та же зависимость отъ внѣшнихъ вещей, стѣсняющая самодѣятельность духа и показывающая, что онъ подчиненъ страстямъ. Гдѣ господствуютъ послѣднія, тамъ существуетъ рабство духа, при которомъ не можетъ быть ничего, кромѣ унынія и недовольства.

Единственнымъ условіемъ нравственнаго поведенія, дающаго истинную удовлетворенность, является возможность ничѣмъ не смущаемой и не стѣсняемой умственной дѣятельности. Тамъ, гдѣ нѣтъ послѣдней, тамъ для Спинозы существуетъ лишь безсиліе, неспособность, и въ нихъ однихъ онъ видитъ противоположность добродѣтели и силѣ. Общепринятое противопоставленіе добродѣтели и порока не имѣетъ для него значенія и объ немъ у него нигдѣ нѣтъ и рѣчи.

Согласно съ этимъ зло не играетъ положительной роли въ этикѣ Спинозы. Съ его точки зрѣнія существованіе зла зависитъ исключительно отъ неяснаго и спутаннаго представленія о вещахъ и обстоятельствахъ, т. е. отъ несовершеннаго и недостаточнаго познанія, и потому зло, какъ противорѣчащее истинѣ—этой единственной реальности—имѣетъ столь же мало положительной цѣнности, какъ напримѣръ тѣнь, отблескъ, отраженіе, мракъ и другіе факты и явленія, несомнѣнно существующіе, но не имѣющіе никакого самостоятельнаго значенія. Тамъ, гдѣ вмѣсто самой вещи господствуетъ видимость, изъ этого можетъ произойти не мало вреда; точно также и злоба можетъ причинить много ущерба, но въ сущности она сама себѣ враждебна: злу всегда противопоставляется отпоръ, направленный къ его уничтоженію. Въ этомъ антагонизмѣ обнаруживается ничтожество зла, которое всегда проявляется какъ отрицаніе самого ко-

ренного свойства духа—стремленія къ самосохраненію. Какъ бы насильственно ни обнаруживалось зло чрезъ посредство буйныхъ страстей, оно во всякомъ случаѣ остается проявленіемъ духовной слабости и носитъ въ себѣ залогъ собственнаго уничтоженія, въ видѣ недовольства и безпокойства, которыя всегда сопровождаютъ всякое злое дѣяніе или стремленіе и которыя устраняются лишь полнымъ и истиннымъ познаніемъ, ничѣмъ не смущаемой дѣятельностью духа, ибо она одна оберегаетъ отъ заблужденія и скороспѣлыхъ и невѣрныхъ заключеній о вещахъ и людяхъ. Отсюда становится яснымъ смыслъ слѣдующаго изреченія, часто приводимаго Спинозой: воля и разумъ одно и тоже. Ложь и заблужденіе возникаютъ лишь при искаженномъ и спутанномъ мышленіи и представленіи, а эти послѣднія проявляются въ страстяхъ, связывающихъ разумъ и стѣсняющихъ его познавательную дѣятельность. Поскольку это имѣетъ мѣсто, мы видимъ передъ собой лишь борьбу похотей, а не чистую, исполненную увѣренности дѣятельность разума; лишь тамъ, гдѣ присутствуетъ эта дѣятельность, точно различающая истинное отъ ложнаго и сообразно этому дающая свое согласіе на извѣстный поступокъ или противящаяся ему,—лишь тамъ можно говорить о волѣ въ истинномъ значеніи этого слова.

Если съ психологической точки зрѣнія противъ подобнаго отождествленія разума и воли и возможны возраженія, то все таки этому взгляду Спинозы нельзя отказать въ глубокомысліи; исходя изъ этого воззрѣнія, онъ во всякомъ зломъ и дурномъ человѣкѣ желаетъ видѣть лишь человѣка со слабой волей, заблуждающагося подъ вліяніемъ обуревающихъ его желаній и страстей; и это кладетъ на его этику отпечатокъ возвышеннаго образа мыслей.

Люди большею частью подчинены власти желаній и

страстей и отъ природы находятся другъ къ другу во враждебныхъ отношеніяхъ. Если бы они оставались въ своей первоначальной изолированности подъ ничѣмъ неограничиваемой властью страстей, имъ приходилось бы влачить самое жалкое существованіе. Поэтому они рано оцѣнили выгоды взаимной помощи и мирнаго сожительства, что повело къ созданію упорядоченной общественной жизни. Борясь за сохраненіе своего существованія, люди могутъ пользоваться лишь внѣшней природой и взаимной помощью; при этой борьбѣ они не могутъ пожелать ничего лучшаго, какъ такого согласія, чтобы всѣ они составляли какъ бы одно тѣло и одинъ духъ и всѣ вмѣстѣ всѣми силами отстаивали бы свое существованіе и стремились къ общей пользѣ. Пониманіе этого возникаетъ въ людяхъ въ силу ихъ разумности и, поскольку они руководствуются разумомъ, они мыслятъ одинаково и стремятся къ одному и тому же; ибо разумъ есть выраженіе единственнаго вѣрнаго способа сохранять свое существованіе и съ необходимостью ведетъ къ устраненію или ослабленію страстей, мѣшающихъ всякому истинному разумѣнію и вредящихъ какъ самимъ подчиняющимся имъ, такъ и ближнимъ этихъ людей. Большею частію надъ людьми господствуютъ желанія и страсти, но даже сравнительно мало слѣдующимъ руководству разума присуще пониманіе того, что они должны воздерживаться отъ причиненія вреда другимъ, чтобы въ свою очередь не пострадать еще сильнѣе. Сообразно этому устраивается общественная жизнь, имѣющая цѣлью поддерживать между участвующими въ ней миръ и безопасность; необходимый для этого порядокъ предписывается, утверждается и поддерживается въ полной силѣ угрозами и насильственными мѣрами, примѣняемыми къ тѣмъ, которые становятся опасными для другихъ, подчиняясь вліянію страстей. Подобная совмѣстная жизнь назы-

вается государствомъ, и наилучшимъ слѣдуетъ считать то государственное устройство, при которомъ люди живутъ въ согласіи, и права ихъ поддерживаются въ полной неприкосновенности.

Спиноза признаетъ извѣстное значеніе и за церковью, но смотритъ на нее, какъ на учрежденіе, безспорно подчиненное государству и существующее лишь для тѣхъ, которые не могутъ безъ него обойтись; по его взгляду руководство церкви можетъ направить людей умственно и нравственно незрѣлыхъ къ тому, чтобы уважать права и интересы своихъ ближнихъ. Но поступки и поведеніе, являющіеся результатомъ такого воздѣйствія, съ нравственной точки зрѣнія имѣютъ сравнительно малую цѣнность, такъ какъ въ данномъ случаѣ движущимъ мотивомъ бываетъ слѣпая страсть, а не добродѣтель. Люди суевѣрные—мы приводимъ подлинныя слова Спинозы, несомнѣнно содержащія намекъ на лицъ извѣстнаго сословія—лучше умѣющіе порицать пороки, чѣмъ научать добродѣтели и стремящіеся не столько къ руководству людьми при помощи разума, сколько къ обузданію ихъ страхомъ, скорѣе для того, чтобы они избѣгали зла, чѣмъ чтобы они любили добродѣтель,—эти люди добиваются лишь того, чтобы и другіе стали такими же жалкими, какъ они сами.

Всякій честный поступокъ, вынуждаемый въ государственной жизни при помощи учрежденій, имѣющихъ цѣлью укрощеніе страстей, совершается вполнѣ добровольно тѣми кто живетъ, руководствуясь разумомъ. Дѣйствовать согласно съ разумомъ значитъ не что иное, какъ дѣлать то, что вытекаетъ изъ необходимости нашей природы, разсматриваемой сама по себѣ, и что всего вѣрнѣе способствуетъ самосохраненію. Чѣмъ болѣе и чѣмъ успѣшнѣе кто-либо стремится къ своей пользѣ, т. е. къ сохраненію своего

бытія, тѣмъ болѣе онъ добродѣтеленъ. Не можетъ быть никакой другой добродѣтели, которая предшествовала бы стремленію къ самосохраненію; это стремленіе есть первое и единственное основаніе добродѣтели. Въ удовлетвореніи этого стремленія состоитъ счастье, и изъ этого слѣдуетъ, что къ добродѣтели надо стремиться ради нея самой, такъ какъ нѣтъ ничего такого, что было бы предпочтительнѣе и полезнѣе ея. Всякій, избравшій правильный путь къ самосохраненію, будетъ совершенно добровольно, помимо всякаго приказанія или другого посторонняго вліянія, противопоставлять умѣренность чревоугодію, трезвость—пьянству, цѣломудріе—сладострастію, самообладаніе—гнѣву и ясное сознаніе своихъ достоинствъ и недостатковъ—честолюбію, отстаивая тѣмъ самымъ силу своего духа противъ натиска соотвѣтствующихъ страстей. Онъ имѣетъ точно также потребность оказывать помощь своимъ ближнимъ и обязывать ихъ себѣ своей дружбой, отвѣчать любовью и великодушіемъ на ненависть и злобу и дѣйствовать не съ коварствомъ, а всегда съ полнымъ прямодушіемъ. Именно такая независимость отъ всего, кромѣ собственнаго я, такое постоянное согласованіе своихъ дѣйствій и стремленій съ указаніями разума, освобождая человѣка отъ власти страстей, въ то же время даетъ ему то важное преимущество, что, живя въ государствѣ и слѣдуя указаніямъ разума, онъ чувствуетъ себя болѣе свободнымъ, чѣмъ если бы онъ находился въ полномъ уединеніи; такъ какъ, будучи обезпеченнымъ въ смыслѣ внѣшняго самосохраненія и совершенно добровольно подчиняясь господствующему въ государствѣ порядку, онъ можетъ вполнѣ отдаться заботамъ о своемъ духовномъ развитіи.

Лишь добродѣтельный человѣкъ свободенъ, и свободенъ онъ исключительно въ силу того, что онъ руководствуется

разумомъ, т. е. дѣйствія его опредѣляются лишь причинами, лежащими въ немъ самомъ, предполагающими обнаруженіе собственныхъ его силъ. Кажется достаточно ясно, что Спиноза отнюдь не считаетъ отличительнымъ признакомъ нравственнаго поведенія простой эгоизмъ, ничѣмъ не сдерживаемое животное себялюбіе, отстаиванье себя во что бы то ни стало. Чтобы быть нравственнымъ, надо быть добрымъ и къ себѣ и къ другимъ, и разъ кто нибудь вѣрно понялъ это и дѣйствительно проникся этой мыслью, онъ не можетъ не поступать всегда правильно, безъ всякой боязни наказанія, или по крайней мѣрѣ стремиться къ этому, такъ какъ обратное поведеніе безусловно противно его природѣ, его внутренней сущности.

Здѣсь именно уясняется законность требованія обоснованнаго Спинозой въ теологически-политическомъ трактатѣ, гдѣ онъ высказывается за предоставленіе полной свободы изслѣдованія тѣмъ, кто предается умственнымъ занятіямъ; такія лица, по его мнѣнію, должны быть защищены отъ притязаній церкви, желающей контролировать ихъ дѣятельность, такъ какъ они и безъ подобнаго посторонняго вліянія добросовѣстно соблюдаютъ всѣ условія, необходимыя для мирнаго теченія общественной жизни.

Человѣкъ, живущій согласно указаніямъ разума, отворачивается отъ мірской суеты, отъ всего пустого и случайнаго и ищетъ счастія въ познаніи, которое, являясь истиннымъ выраженіемъ свободнаго стремленія человѣка къ самосохраненію, безусловно предполагаетъ полную свободу отъ власти страстей. Притомъ истиннаго познанія нельзя достигнуть путемъ одного непосредственнаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, съ его безконечно разнообразнымъ взаимодѣйствіемъ случайныхъ чувственныхъ воспріятій. Такого непосредственнаго воспріятія внѣшняго міра, правда,

достаточно для чисто животнаго самосохраненія, но оно не даетъ истиннаго познанія, доступнаго лишь одному разуму. Основываясь на свидѣтельствѣ чувствъ, считаютъ землю неподвижной и плоской, а солнце движущимся тѣломъ умѣренной величины, приблизительно такой же, какъ и луна; разстояніе солнца и луны отъ земли также кажется приблизительно одинаковымъ. Согласно свидѣтельству чувствъ, небо и земля соприкасаются на горизонтѣ, и параллельные края прямой дороги сходятся въ одной точкѣ на границѣ нашего поля зрѣнія. Многія вещи непосредственному воспріятію кажутся лишь мимолетными явленіями, и цѣпь обусловливающихъ ихъ явленій и фактовъ не можетъ быть уловлена внѣшними чувствами. Различныя дѣйствія часто могутъ быть сведены къ одной и той же причинѣ; съ другой стороны различныя причины могутъ вызывать одинаковыя дѣйствія; такъ напримѣръ твердое состояніе тѣлъ можетъ имѣть причиной и теплоту и холодъ, солнечный свѣтъ въ однихъ случаяхъ заставляетъ предметы бѣлѣть, а въ другихъ чернѣть, дѣлаетъ ихъ какъ мягкими, такъ и твердыми; подобныхъ примѣровъ можно бы привести очень много. Кромѣ того наблюденія надъ внѣшними предметами всегда мимолетны и неполны, такъ какъ вообще душа пріобрѣтаетъ лишь смутное познаніе о самой себѣ и о внѣшнихъ вещахъ, доступныхъ ей чрезъ посредство чувствъ, разъ она воспринимаетъ вещи сообразно обыкновенному порядку природы, т. е. разъ она побуждается къ созерцанію того или другого внѣшняго предмета чисто внѣшнимъ образомъ, случайно наталкиваясь на него.

Помимо обманчивости и недостаточности всякаго чувственнаго воспріятія есть еще и другое препятствіе къ правильной мыслительной дѣятельности, коренящееся въ природѣ самой души; тамъ, гдѣ сказывается вліяніе этого

препятствія, тамъ невозможно никакое правильное познаніе. Такимъ мѣшающимъ правильному мышленію факторомъ является воображеніе, которое, въ безвредной формѣ, вполнѣ законно играетъ извѣстную роль въ поэзіи и другихъ искусствахъ; въ области же познанія оно принимаетъ опасныя формы предразсудка и суевѣрія и дѣлаетъ невозможнымъ пріобрѣтеніе правильнаго взгляда на вещи. Становясь на совершенно ложную точку зрѣнія, люди дѣлаютъ мѣриломъ всѣхъ вещей свое собственное удовольствіе и раздѣляютъ вещи на красивыя и безобразныя, полезныя и вредныя, вкусныя и противныя, гармоничныя и негармоничныя. Да и внутри каждаго изъ этихъ подраздѣленій существуетъ много ступеней, причемъ не обходится и безъ противорѣчій, такъ какъ часто то, что кажется пріятнымъ одному, возбуждаетъ отвращеніе въ другомъ, и такимъ образомъ возникаютъ постоянные споры, что вполнѣ неизбѣжно при спутанности представленій и понятій. Такимъ образомъ люди изъ-за своихъ предразсудковъ вступаютъ другъ съ другомъ въ такую же вражду, какъ и тогда, когда они находятся во власти страстей; но между ними существуетъ и извѣстное согласіе по отношенію къ предразсудкамъ, хотя эти послѣдніе, также какъ и страсти, имѣютъ причиной путаницу во взглядахъ на вещи. Всякое суевѣріе сводится въ концѣ концовъ къ тому типичному представленію, что весь міръ созданъ ради человѣка и что все въ немъ подчинено установленной соотвѣтственнымъ образомъ цѣлесообразности. Какъ каждое отдѣльное лицо извлекаетъ изъ вещей пользу, и сообразно этой пользѣ оцѣниваетъ ихъ, точно также и все въ природѣ существуетъ будто бы лишь какъ средство для принесенія пользы людямъ, и притомъ все создано однимъ или нѣсколькими существами, которыя одарены сверхчеловѣческой природой и должны быть осо-

бенно почитаемы людьми. При такомъ образѣ мыслей люди стараются найти конечныя или цѣлевыя причины всѣхъ вещей, а такъ какъ въ природѣ очень многое противорѣчитъ подобному представленію, дѣлающему мѣриломъ всего человѣческое благо, то, чтобы выйти изъ затрудненія, принимаютъ, что все вредное и ужасное, какъ-то болѣзни, бури, землетрясенія и т. п. представляютъ не что иное, какъ наказанія, налагаемыя высшими существами, милости которыхъ надо добиваться со всѣмъ стараніемъ, чтобы они не только отвращали опасности, но иногда, нарушая естественный ходъ событій, особенно отличали то или другое лицо своимъ чудеснымъ вмѣшательствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзываютъ всякую возможность пониманія естественнаго хода вещей, утверждая, что рѣшенія этихъ высшихъ существъ превышаютъ человѣческое разумѣніе, что̀ безусловно способствуетъ лишь укрѣпленію закоренѣлыхъ предразсудковъ.

Истина осталась бы на вѣки сокрытой для людей, если бы математика, занимающаяся не цѣлями, а лишь сущностью и свойствами формъ, не указала намъ другого пути къ ней. То, чему она учитъ, имѣетъ безусловное значеніе, причемъ не слѣдуетъ даже задаваться вопросомъ, хорошо оно или дурно, пріятно или непріятно и выгодно оно комунибудь или нѣтъ: истины математики вѣчны, непререкаемы и устраняютъ всякій произволъ.

Совершенно то же надо сказать и о всякомъ вообще познаніи. Всѣ вещи должны быть поняты въ ихъ значеніи и взаимной связи, совершенно независимо отъ человѣческихъ пожеланій и вкусовъ, вполнѣ отрѣшенными отъ всего случайнаго и отъ пестрой смѣны чувственныхъ впечатлѣній. Какъ въ математикѣ ясны и опредѣленны отношенія между треугольниками, сумма угловъ треугольника, отношенія между линіями и углами въ кругѣ и т. п., точно также

ясно и убѣдительно все, что касается сущности и свойствъ вещей вообще, если только выразить ихъ въ понятіяхъ, которыя устанавливаютъ и опредѣляютъ то, что въ нихъ есть необходимаго и безъ которыхъ мы не можемъ ихъ мыслить. Ибо какъ самыя вещи разъ на всегда даны намъ въ извѣстномъ порядкѣ и опредѣленной взаимной связи, точно также и правильно образованныя понятія и представленія о вещахъ находятся въ томъ же порядкѣ и связи. Ложность и ошибки происходятъ здѣсь исключительно отъ неполнаго, недостаточнаго и спутаннаго пониманія; такимъ пониманіемъ не дается сознанія достовѣрности, и въ лучшемъ случаѣ оно можетъ быть сопряжено лишь съ равнодушіемъ, указывающимъ на отсутствіе сомнѣнія. Подобное познаніе, какъ недостаточное, представляетъ просто отрицательную величину и не имѣетъ цѣнности. Всякое истинное знаніе положительно, дѣйствительно, въ точности соотвѣтствуетъ самимъ вещамъ и потому заключаетъ въ себѣ также и высшую достовѣрность. Истинное представленіе есть само пониманіе и всякій, имѣющій какое нибудь истинное представленіе, имѣетъ также и сознаніе его истинности; ибо, какъ свѣтъ даетъ намъ понятіе и о самомъ себѣ и о темнотѣ, точно также и истина является критеріемъ, какъ самой себя, такъ и ложности. Не можетъ быть ничего болѣе яснаго и достовѣрнаго, чѣмъ истинное представленіе.

Разумное познаніе выше неясныхъ, чувственныхъ воспріятій и основанныхъ на нихъ мнѣній и фантазій. Оно не останавливается на единичномъ и преходящемъ, а отыскиваетъ общее и постоянное, и по мѣрѣ успѣховъ подобнаго познанія пріобрѣтаются истинныя представленія. Ибо природа разума такова, что онъ разсматриваетъ вещи не какъ случайныя, а какъ необходимыя и потому воспринимаетъ ихъ подъ формою вѣчности.

Объектомъ такого разумнаго познанія является природа. Въ основаніи всякаго истиннаго разумнаго познанія лежитъ пониманіе безусловнаго господства причинности и сознанія связи, существующей между всѣми воспринимаемыми нами вещами. Тѣло наше подвергается безчисленному множеству воздѣйствій со стороны окружающихъ насъ внѣшнихъ предметовъ, и тамъ, гдѣ преобладаютъ эти внѣшнія впечатлѣнія—тамъ невозможно никакое истинное познаніе. Тамъ дѣйствуетъ лишь воображеніе, которое одинаково просматриваетъ и причинную связь между вещами и естественную зависимость человѣка. Человѣку приписывается тогда свободная воля, такъ какъ каждый сознаетъ свои желанія и стремленія, но не знаетъ причинъ, заставляющихъ его желать того и другого. Въ природѣ видятъ такое же господство произвола, словно она мячикъ, перебрасываемый то туда, то сюда, въ зависимости лишь отъ одной безсмысленной фантазіи, и словно при данныхъ опредѣленныхъ условіяхъ могутъ быть получены по желанію разные результаты. Въ дѣйствительности же необходимость, выражающаяся въ безусловной закономѣрности и порядкѣ, господствуетъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ; и хотя человѣкъ, какъ существо ограниченное и конечное, не можетъ прослѣдить до конца всю цѣпь взаимодѣйствій, происходящихъ въ природѣ, такъ какъ его разуму всякая причина представляется обусловленной безконечнымъ рядомъ другихъ причинъ, и потому каждое дѣйствіе оказывается имѣющимъ безчисленное множество причинъ,—но все же для него ясно и несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что все въ природѣ существуетъ и происходитъ въ силу безусловной необходимости. Разумъ говоритъ ему, что данная опредѣленная причина необходимо влечетъ за собой извѣстное дѣйствіе и, наоборотъ, что тамъ, гдѣ отсутствуетъ извѣст-

ная причина, невозможно ожидать и дѣйствія. Разумъ приводитъ его точно также къ тому убѣжденію, что знаніе дѣйствія зависитъ отъ знанія причины и заключено въ этомъ послѣднемъ, и что поэтому всякое познаніе требуетъ опредѣленія причинъ.

Разумное разсмотрѣніе причинныхъ связей, существующихъ въ природѣ, въ концѣ концовъ ведетъ съ совершенной ясностью и неотразимостью къ признанію существованія абсолютной первопричины, которая одна существуетъ въ себѣ, а не въ чемъ либо другомъ и сущность которой мы не можемъ мыслить иначе, какъ абсолютно и вѣчно существующей. Какъ движущая причина всѣхъ вещей она необходима и вѣчна, ничѣмъ не ограничена и ничѣмъ не стѣснена въ своемъ дѣйствіи и такъ какъ всѣ вещи зависятъ отъ нея, и она является тѣмъ именно, что есть общаго во всѣхъ вещахъ, то признаніе такой вѣчной и безконечной сущности должно само навязываться сознанію людей.

Это и выражается въ общераспространенной идеѣ Бога. Но какъ ни привычна эта идея для людей, она обыкновенно связана у нихъ съ самыми рискованными и спутанными представленіями. Всѣмъ ясно, что Богъ есть единственная причина, какъ сущности, такъ и существованія всѣхъ вещей; но обыкновенно представляютъ себѣ его могущество и дѣятельность приблизительно такими же, какъ могущество и дѣятельность царей, т. е. приписываютъ имъ чисто человѣческій характеръ; или же понимаютъ могущество Бога такимъ фантастически нелѣпымъ образомъ, будто Онъ можетъ дѣйствовать съ безграничнымъ произволомъ, имѣетъ право на все и можетъ, по желанію, все разрушить и обратить въ ничто, точно также, какъ Онъ все создалъ изъ ничего.

Невозможно мыслить о Богѣ болѣе недостойнымъ и

неразумнымъ образомъ, какъ отрѣшаясь отъ признанія необходимости, безусловной послѣдовательности и отсутствія противорѣчій во всемъ сущемъ и происходящемъ. Единственное вѣрное представленіе о немъ то, согласно которому онъ является абсолютно безконечной сущностью, могущество и дѣятельность которой настолько выше всякихъ человѣческихъ дѣяній и стремленій, что свободная отъ всякаго противорѣчія и произвола она мыслитъ вещи и поддерживаетъ ихъ существованіе съ опредѣленностью и достовѣрностью, не допускающими никакихъ сомнѣній и колебаній; именно такая опредѣленность является самымъ существеннымъ признакомъ необходимости и вѣчности. Обыденный взглядъ на всемогущество Бога сводится къ тому, что вещи могли бы быть такими или иными, смотря по Его желанію. Пояснимъ это примѣромъ: съ такой точки зрѣнія то, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, а не какой либо другой величинѣ, или что всѣ радіусы круга безусловно равны другъ другу,—зависитъ исключительно отъ желанія Бога. Наоборотъ, согласно единственному правильному и достойному могущества Бога взгляда, всѣ вещи, завися по всеобщему признанію отъ Его рѣшенія, могли быть созданы лишь такъ и въ томъ именно порядкѣ, какъ онѣ существуютъ. Въ вѣчности нѣтъ ни „когда“, ни „прежде“ ни „послѣ“, и въ томъ то именно и состоитъ совершенство Бога, что Онъ никогда не можетъ и не могъ принять никакого другого рѣшенія, кромѣ того, которое обнаруживается въ Его вѣчной дѣятельности. Могущество Бога есть сама Его сущность, и все то, что мы мыслимъ какъ находящееся во власти Бога, необходимо; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны исключить отсюда все то, что несовмѣстимо съ Его могуществомъ и сущностью, понимаемыми въ ихъ истинномъ значеніи.

Если такимъ образомъ всякое представленіе о Богѣ, уподобляющее его человѣку, противорѣчитъ истинной природѣ Бога, то Ему нельзя приписывать и того, что въ человѣкѣ называется разумомъ и волей. Конечно многіе думаютъ, что къ природѣ Бога принадлежатъ высшій разумъ и безусловно свободная, ничѣмъ не ограниченная воля, такъ какъ имъ кажется, что они не могутъ приписать Богу ничего болѣе совершеннаго, чѣмъ то, что въ насъ самихъ является высшимъ совершенствомъ. Но даже согласившись съ такой точкой зрѣнія, пришлось бы признать, что божественные разумъ и воля должны отличаться отъ воли и разума человѣка, какъ небо отъ земли и не могутъ имѣть съ ними ничего общаго, кромѣ названія. Нашему разуму и волѣ противостоятъ внѣшнія вещи, подъ вліяніемъ которыхъ имъ и приходится развиваться, причемъ неизбѣжны безчисленныя ошибки и промахи; всего этого не существуетъ для Бога, который самъ—причина всѣхъ вещей, ихъ сущности и ихъ существованія. Отъ Него мы получили нашъ разумъ и волю, а такъ какъ между созданнымъ и создателемъ несомнѣнно есть существенная разница, то и разумъ и воля божественные должны быть совершенно отличны отъ нашего разума и воли. Нашъ разумъ стремится къ знанію и пріобрѣтаетъ его, а воля наша проявляется въ принимаемыхъ нами рѣшеніяхъ. Для Бога не существуетъ никакихъ рѣшеній, такъ какъ могущество его дѣйствовало отъ вѣка и вѣчно будетъ дѣйствовать; въ пониманіи онъ также не нуждается, такъ какъ онъ самъ есть истинный разумъ, и мышленіе его является непосредственнымъ, всеобъемлющимъ знаніемъ.

Развивая свое понятіе о Богѣ, Спиноза, какъ не трудно видѣть, строго придерживается представленія, унаслѣдованнаго имъ отъ религіи его предковъ, которая повелѣваетъ „не сотворить себѣ кумира, ни всякаго подобія“. Онъ беретъ

затѣмъ дальнѣйшее развитіе этого положенія, слово въ слово, какъ оно излагается христіанской теологіей и съ безупречной послѣдовательностью доводитъ до логическаго конца богословское ученіе о всемогуществѣ, вѣчности и всевѣдѣніи Бога. Если Богъ есть нѣчто гораздо большее и совершенно иное, чѣмъ человѣкъ, то немыслимо никакое другое представленіе о немъ, кромѣ того, которое имѣлъ Спиноза.

Если понимать Бога, какъ всесоздающую причину бытія и сущности всѣхъ вещей и въ то же время какъ абсолютное и безконечное бытіе, то все существующее должно пребывать въ Богѣ, и ничто не можетъ существовать или быть понятымъ безъ Бога. Такимъ образомъ Его безусловно слѣдуетъ считать внутренней причиной всего сущаго и происходящаго, а не причиной, дѣйствующей на нихъ извнѣ. Совокупность открывающихся нашему уму вещей, бытіе и сущность которыхъ произведены Богомъ, называется природой. Если слѣдуетъ признать, что она есть произведеніе вѣчной дѣятельности Бога, и что Богъ есть предшествующая ей, но въ то же время неотдѣлимая отъ нея, причина, то оказывается, что бытіе Божіе совпадаетъ съ Его дѣятельностью. Согласно чистой идеѣ о Богѣ, изъ которой устранено все человѣческое, какъ ограничивающее ее и которую тѣмъ не менѣе надо мыслить въ существенной связи съ вселенной,—Бога слѣдуетъ понимать какъ неистощимую, вездѣ и всегда дѣйствующую первоначальную силу; отъ которой зависитъ все живущее и существующее. Такимъ образомъ получается характерная для Спинозы формула: Богъ или природа.

Идея Бога, столь же ясная въ своей необходимости и истинности, какъ какая нибудь математическая истина, не можетъ однако быть сдѣлана такой же наглядной, какъ, напримѣръ, отношеніе между углами треугольника или

отношеніе треугольниковъ другъ къ другу. Тѣмъ не менѣе разуму доступно познаніе нѣкоторыхъ существенныхъ свойствъ Божества, которому присуще однако и множество другихъ свойствъ, остающихся недоступными нашему пониманію.

Есть два свойства Божества, доступныхъ нашему познанію: одно духовное—мышленіе и одно тѣлесное—протяженіе. Подъ первымъ слѣдуетъ понимать не постепенное образованіе и сопоставленіе понятій и отношеній между понятіями, представляющее для насъ, людей, тотъ путь, которымъ мы идемъ къ истинѣ, а всю совокупность истины—сознаваемой непосредственно, съ полной ясностью, въ томъ видѣ, какъ она раскрывается передъ нами послѣ трудной работы мысли, становясь нашимъ неотъемлемымъ достояніемъ, имѣющимъ вѣчное, неизмѣнное значеніе. Въ протяженіи существеннымъ и всеобщимъ являются покой и движеніе, и на протяженность слѣдуетъ смотрѣть, какъ на безконечное условіе всего пространственнаго и тѣлеснаго, а не какъ на опредѣленную и ограниченную форму существованія ихъ, такъ что къ протяженію, какъ основному свойству абсолютнаго безконечнаго бытія, совершенно неприложимы понятія ограниченности и дѣлимости. Протяженіе, какъ непосредственное проявленіе дѣятельности Божества, являясь необходимымъ предположеніемъ существованія тѣлесныхъ вещей, безусловно слѣдуетъ отличать отъ самихъ этихъ вещей. Правда, все существуетъ лишь въ Богѣ и все совершается лишь въ силу законовъ его безконечной природы, съ необходимостью вытекая изъ его сущности, но каждое отдѣльное событіе съ его возникновеніемъ, съ его теченіемъ и прекращеніемъ, не касается Божества, какъ таковаго. Это можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ, заимствованнымъ у самого же Спи-

нозы: вода, какъ элементъ, существующій на нашей планетѣ, безусловно создается и разрушается, дѣлима до безконечности и разложима на свои составныя части, но разсматриваемая вообще, какъ форма или способъ проявленія природы и ея вѣчной, необходимой законосообразности, вода не создана и не можетъ быть разрушена. Законосообразный порядокъ и единство во всемъ протяженномъ вполнѣ соотвѣтствуетъ вѣчнымъ истинамъ въ мышленіи; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ, вѣчнымъ, цѣлостнымъ единствомъ, разсматриваемымъ съ двухъ различныхъ сторонъ, вродѣ того, какъ это бываетъ съ нѣкоторыми математическими уравненіями, которыя, смотря по желанію, можно рѣшить геометрическимъ, ариѳметическимъ и алгебраическимъ путемъ, причемъ въ результатѣ получается все же не болѣе одной истины.

Понятная намъ дѣятельность Божества, которую мы представляемъ себѣ, какъ безконечное протяженіе и безконечное мышленіе, можетъ быть названа дѣйствующей или созидающей природой. Все происходящее мыслится и опредѣляется Божествомъ, но не все осуществляется имъ непосредственно. Кромѣ безконечнаго, пребывающаго въ неизмѣнной необходимости и отъ вѣка до вѣка проявляющагося въ своей Божественной законосообразности, есть также и конечное, измѣнчивое, преходящее, находящееся лишь въ посредственной связи съ вѣчнымъ и безконечнымъ, хотя бы по своей сущности оно и было вѣчно, и, какъ таковое, во всякомъ случаѣ имѣло непосредственную причину въ Божествѣ. Ибо все отдѣльное или всякая вещь, конечная и имѣющая опредѣленное существованіе, не можетъ существовать или опредѣляться къ дѣятельности иначе, какъ если она опредѣляется къ этому другой причиной, также конечной и имѣющей опредѣленное суще-

ствованіе. Въ свою очередь и эта причина опредѣляется къ существованію и дѣятельности другой причиной, также конечной и имѣющей опредѣленное существованіе, и т. д. до безконечности. Эту цѣпь отдѣльныхъ причинъ и дѣйствій, постоянно смѣняющихъ другъ друга, какъ это на тысячу ладовъ раскрывается передъ нами въ явленіяхъ жизни—въ смѣнѣ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній—и во взаимодѣйствіяхъ, совершающихся при превращеніи однихъ физическихъ явленій въ другія—воды въ паръ, туманъ, облака, дождь, снѣгъ, ледъ и т. д.—эту цѣпь причинъ и дѣйствій слѣдуетъ отличать, какъ созданную или произведенную природу отъ природы дѣйствующей и созидающей.

Созданная природа съ ея пестрымъ разнообразіемъ возникновенія и изчезновенія вѣчнаго бытія и вѣчныхъ измѣненій конечныхъ вещей, которыя, въ безконечномъ сплетеніи взаимодѣйствій, то вызывая другъ друга къ существованію, то мѣшая другъ другу, не могутъ вполнѣ обнаружить своей сущности,—эта созданная природа является ареной страстей и въ то же время міромъ воображенія, обусловленнымъ ограниченностью во времени и случайнымъ недостаточнымъ пониманіемъ. Отъ получающейся при такихъ условіяхъ спутанности мышленія, мы можемъ возвыситься до истиннаго познанія, благодаря присущей нашему духу способности разсматривать вещи въ ихъ необходимости и законосообразности и такимъ образомъ сосредоточивать свои стремленія на вѣчномъ, не подвергающемся никакимъ измѣненіямъ и немогущемъ привести къ разочарованію, словомъ достигая до нѣкоторой степени того, что осуществляется съ вѣчнымъ совершенствомъ въ божественномъ мышленіи.

Это становится возможнымъ, благодаря тому, что чело-

вѣкъ, и какъ тѣло, и какъ духъ, есть часть природы и, такимъ образомъ, является соучастникомъ въ той безконечной силѣ мышленія, которая обнимаетъ всю природу въ ея сущности и законосообразности. Поскольку наше мышленіе истинно и соотвѣтствуетъ вѣчной сущности вещей, оно совпадаетъ съ мышленіемъ этого безконечнаго разума, частью котораго оно само является. Но такъ какъ нашъ разумъ составляетъ лишь часть безконечнаго разума, то онъ не можетъ постигнуть міръ въ его цѣломъ, и такъ какъ наша тѣлесная природа приковываетъ насъ къ сцѣпленію внѣшнихъ и случайныхъ вещей и явленій, то мы подвержены заблужденіямъ и спутанности познанія. Однако поскольку мы можемъ постигать и познавать теченіе и связь вещей въ ихъ вѣчной и законосообразной сущности, содержащейся въ божественомъ мышленіи, постольку мы достигаемъ полнаго и неограниченнаго удовлетворенія нашего я и, отворачиваясь отъ мимолетной суеты всего конечнаго и всѣхъ связанныхъ съ нимъ заблужденій и предразсудковъ, обрѣтаемъ истинное душевное спокойствіе. Въ такомъ стремленіи къ сліянію съ безконечнымъ божественнымъ мышленіемъ и въ достиженіи его состоитъ единственное доступное намъ блаженство, которое можетъ быть названо также интеллектуальной или умственной любовью къ Богу, такъ какъ оно состоитъ въ преданности вѣчно созидающему божественному началу.

Такъ какъ сущность нашего ума заключается въ познаніи, первоначаломъ и основой котораго является Богъ, то сохраненіе нашей духовной индивидуальности или свободы нашего духа получаетъ истинное удовлетвореніе, когда всѣ стремленія его обращаются къ Богу или духовному началу. Такая любовь, направленная на вѣчное, не можетъ встрѣчать взаимности, но зато она не допускаетъ ни зависти, ни ревности,

такъ какъ она тѣмъ болѣе укрѣпляется, чѣмъ бо̀льшее число людей мы представляемъ себѣ соединенными одними и тѣми же узами любви къ Богу. Это *блаженство*, доставляемое намъ ни чѣмъ не стѣсняемымъ и не смущаемымъ развитіемъ нашего я, *есть сама добродѣтель*, а не награда за нее, такъ какъ, обезпечивая намъ истинное познаніе, оно даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ силу, необходимую для преодолѣнія страстей; не потому, что мы можемъ побороть послѣднія, мы наслаждаемся блаженствомъ, а напротивъ потому, что мы наслаждаемся имъ, мы можемъ противостоять соблазнамъ страстей.

Съ этимъ, конечно, находится въ полномъ противорѣчіи обыденное мнѣніе, считающее необузданное господство похотей и страстей свободой, а нравственное поведеніе ограниченіемъ такой свободы, непремѣнно требующимъ награды. Надеждой на то, что таковая непремѣнно будетъ получена послѣ смерти, и страхомъ передъ наказаніемъ, ожидающимъ на томъ свѣтѣ отклоняющихся отъ добродѣтели, многіе побуждаются жить сообразно предписаніямъ божественнаго разума, насколько это позволяетъ ихъ ограниченность и слабоуміе. Цѣня этотъ страхъ и надежду очень высоко, многіе думаютъ, что люди слѣдовали бы слѣпо своимъ похотямъ, если бы они были увѣрены, что со смертью для нихъ все кончается. Это кажется мнѣ столь же нелѣпымъ, прямо говоритъ Спиноза, какъ если бы кто-нибудь, зная, что, не смотря на хорошую жизнь, онъ не можетъ сохранить свое тѣло вѣчно, предпочелъ бы питаться смертоносными ядами, или, видя, что душа не вѣчна и не безсмертна, пожелалъ бы быть безумнымъ и жить безъ разума.

Свободный человѣкъ, руководимый истиннымъ познаніемъ и потому видящій, что лучшій путь къ самосохраненію—

въ жизни, вполнѣ согласной съ указаніями разума, такой человѣкъ не знаетъ страха смерти, и его мудрость является не созерцаніемъ смерти, а созерцаніемъ жизни, цѣнность которой заключается для него въ добродѣтели, во власти надъ страстями. Онъ далекъ отъ того, чтобы ожидать за это какой-нибудь награды, такъ какъ все его счастье—въ добродѣтели, которая тождественна съ мудростью.

Тогда какъ невѣжда является игралищемъ внѣшнихъ причинъ и никогда не имѣетъ истиннаго душевнаго спокойствія, мудрый, наоборотъ, почти не знаетъ душевныхъ волненій. Сознавая себя самого, Бога и вещи въ ихъ вѣчной необходимости, онъ всегда обладаетъ истинной душевной удовлетворенностью. Путь, ведущій къ этому, безусловно труденъ, но при всемъ томъ онъ можетъ быть найденъ. Да, конечно, и должно быть трудно то, что такъ рѣдко удается найти. Дѣйствительно, если бы спасеніе было такъ доступно и если бы его можно было достигнуть безъ особаго труда, то какимъ образомъ могло бы произойти, что большинство къ нему равнодушно? Но все превосходное столь же трудно, сколько и рѣдко.

Таковы заключительныя слова Этики Спинозы. Образъ мыслей, нашедшій въ ней свое выраженіе, былъ той путеводной звѣздой, которой руководствовался въ своей жизни Спиноза, и онъ съ полной прямотой высказывалъ тѣ же взгляды еще въ изданныхъ имъ самимъ сочиненіяхъ; благодаря этому, онъ пріобрѣлъ дурную славу атеиста и разрушителя всякой религіи и нравственности. Наше изложеніе, вѣроятно, съ достаточной ясностью показало, насколько неосновательны эти обвиненія.

На эти упреки въ безбожіи и безнравственности Спиноза самъ отвѣтилъ еще при жизни. Въ письмѣ, написанномъ имъ въ 1671 г. по поводу одной критики издан-

наго передъ тѣмъ богословско-политическаго трактата, онъ ставитъ вопросъ: отвергаетъ ли всякую религію тотъ, кто выставляетъ какъ основное положеніе, что Богъ долженъ быть признанъ высшимъ благомъ, что поэтому его должно любить свободной душой, и что въ этомъ одномъ заключается наше высшее блаженство и наша истинная свобода; кто далѣе, говоритъ, что наградой за добродѣтель является сама добродѣтель, а наказаніемъ за глупость и безсиліе является сама же глупость; кто утверждаетъ наконецъ, что всякій долженъ любить своего ближняго и, въ видахъ мирной совмѣстной жизни съ нимъ, повиноваться необходимому для этого порядку? Или же истинно религіознымъ является тотъ, кто дѣлаетъ добро изъ боязни передъ наказаніемъ, не по собственному почину, а противъ воли и требуетъ себѣ за это щедрой награды.

Что же касается обвиненія въ *атеизмѣ*, то, конечно, очень далекъ отъ безбожія тотъ, кто, подобно Спинозѣ, объявляетъ, что все, что есть, есть въ Богѣ, и ничто не можетъ существовать и быть представляемымъ безъ Бога. Это именно положеніе проводится съ крайней послѣдовательностью въ его ученіи. Поэтому оно и получило школьное названіе пантеизма, т. е. философіи, утверждающей, что все есть Богъ, и Богъ есть все. Всякому непредубѣжденному изслѣдователю ученія Спинозы — говоритъ Людвигъ Фейербахъ—сразу становится яснымъ, что никто не признавалъ за Богомъ больше существованія, реальности и могущества, чѣмъ онъ, и что никто не мыслилъ Бога такимъ свободнымъ и не имѣлъ о немъ представленія столь возвышеннаго, объективнаго, чистаго отъ всего конечнаго, относительнаго и человѣческаго, какъ онъ.

Но именно это и дало основаніе упрекать Спинозу въ томъ, что его понятіе о Богѣ не согласно съ общеприня-

тымъ понятіемъ.. И сообразно господствующему благородному принципу—„кто не со мной, тотъ противъ меня“—всякое воззрѣніе, отклоняющееся отъ этого понятія,—а Спиноза никогда и не думалъ отрицать, что таково именно его воззрѣніе,—можетъ быть лишь неправильнымъ и нечестивымъ. Это именно и отрицаетъ Спиноза. Говоря о богословско-политическомъ трактатѣ, мы указывали уже на то, что Спиноза считаетъ кощунственнымъ представленіе о Богѣ, какъ о личномъ, стоящемъ внѣ міра существѣ, находящемся гдѣ-то внѣ нашей планеты и безмятежно взирающемъ на разыгрывающуюся на ней людскую суету...

По мнѣнію Спинозы, при такомъ взглядѣ безусловно должны явиться сомнѣнія относительно необходимости и разумности общихъ законовъ природы, а разъ люди начинаютъ сомнѣваться во всемъ, у нихъ въ концѣ концовъ непремѣнно возникнутъ сомнѣнія и относительно самого Божества. Только безстыднѣйшее невѣжество избѣгнетъ тогда такихъ сомнѣній, прикрываясь тѣмъ, что рѣшенія Бога яко бы неисповѣдимы.

Задачей Спинозы было не отрицаніе, а очищеніе идеи Бога; и когда онъ, напирая на безусловное признаніе вѣчной и неизмѣнной закономѣрности въ природѣ, въ то же время называетъ послѣднюю Божествомъ, то это не является у него одной лишь фразой, „хитростью разума“, пущенной въ ходъ лишь для того, чтобы успокоить слишкомъ боязливыхъ современниковъ. То, что, по его мнѣнію, всѣми людьми невольно выражается въ понятіи о Богѣ, какъ о чемъ-то высшемъ, безъ чего было бы немыслимо существованіе прочихъ вещей, то, съ его точки зрѣнія, можно разумно мыслить или понимать лишь, какъ ненарушимые порядокъ и единство, отъ которыхъ зависитъ все и каждое,

которые существуютъ въ силу внутренней необходимости и стоятъ выше всякаго произвола и всякихъ страстей.

Онъ имѣлъ полное право назвать эти порядокъ и единство Богомъ, и выраженіе „Богъ или природа“ вовсе не является у него лишь эвфемизмомъ, вводящимъ въ обманъ читателя, а вполнѣ обдуманно употребляется имъ, какъ вѣрно передающее его убѣжденіе, такъ какъ на природу онъ смотрѣлъ двояко: то съ точки зрѣнія множественнаго, измѣнчиваго и преходящаго, то съ точки зрѣнія единаго, неизмѣннаго и вѣчнаго. Именно въ виду такого различенія, особенно характернаго для ученія Спинозы, сохраненіе идеи Бога имѣетъ у него большой смыслъ.

Богъ Спинозы конечно не то же, что Богъ теологовъ. Тогда какъ послѣдній рѣзко противопоставляется природѣ, какъ чему то совсѣмъ испорченному, заслуживающему лишь уничтоженія, причемъ все совершенное переносится въ какое то стоящее надъ міромъ бытіе, Спиноза, наоборотъ, видитъ совершенное въ природѣ, въ единствѣ ея съ Божествомъ, единствѣ, въ которомъ именно и состоитъ совершенство. Разъединеніе между Богомъ и природой представляется Спинозѣ такимъ же суевѣріемъ, какъ Божество, какимъ его изображаетъ догматика, и какъ соотвѣтствующее представленіе о природѣ, съ которымъ можно соглашаться лишь при полномъ невѣжествѣ. Онъ не можетъ представить себѣ Бога отдѣльно отъ природы, но точно также не представляетъ себѣ и природу безъ Бога, совмѣщающаго въ себѣ все, что есть совершеннаго въ природѣ, но именно въ силу этого представляющаго нѣкоторую противоположность, или, вѣрнѣе высшую степень совершенства по сравненію съ мимолетнымъ разнообразіемъ преходящихъ вещей. Напирая на безусловное господство закона причинности въ природѣ, онъ все же смотритъ на

міръ причинныхъ взаимодѣйствій въ ихъ чувственно непосредственной дѣйствительности лишь какъ на спутанную, недостаточную, несовершенную форму представленія, природы самой по себѣ вѣчно совершенной. Природа обладаетъ для него истинностью лишь постольку, поскольку она является объектомъ мышленія; разсматриваемая же, какъ нѣчто желаемое и полезное, она лишена этого свойства. Особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи приводимый имъ самимъ примѣръ „воды вообще“ и воды, какъ обыкновеннаго, всюду встрѣчающагося намъ, элемента. Какъ ни рѣшительно борется Спиноза противъ теологическаго представленія о Богѣ, какъ о какомъ то враждебномъ природѣ существѣ, онъ все же самъ не можетъ избавиться отъ связаннаго съ этимъ понятіемъ пренебреженія къ непосредственной дѣйствительности. Онъ, правда, устраняетъ догматическое разъединеніе Бога и природы, но оно возвращается у него въ видѣ двойственнаго пониманія природы, какъ вѣчно дѣйствующаго Единаго и какъ произведеннаго, обусловленнаго Множественнаго. Такимъ образомъ Спиноза долженъ былъ въ силу логической необходимости удержать понятіе Бога.

Несомнѣнно, что при этомъ у него дѣло не сводится къ компромиссу съ теологіей, къ уступкѣ церкви, какъ у Декарта и Лейбница; взгляды его были просто *неизбѣжной данью общему состоянію современнаго ему просвѣщенія, носившаго преимущественно теологическій характеръ*. Борясь противъ теологіи, Спиноза самъ еще стоитъ на одной почвѣ съ ней. Понятіе Бога, безъ котораго онъ не можетъ обойтись и которое занимаетъ центральное мѣсто въ его ученіи, является, такъ сказать, пуповиной, связывающей его съ господствовавшими въ его вѣкѣ воззрѣніями.

Спинозизмъ есть преодолѣніе теологіи на почвѣ самой же теологіи, какъ очень мѣтко выразился Людвигъ Фейербахъ. Правильно понятое это замѣчаніе означаетъ, что Спиноза, хотя и преодолѣлъ теологическіе предразсудки противъ природы, но еще не научился смотрѣть на нее безъ всякаго предубѣжденія. Кромѣ человѣческаго мышленія, познающаго природу путемъ научной дѣятельности, ему непремѣнно нужна была еще другая всеобщая, безконечная мыслительная способность, которой онъ приписывалъ полное обладаніе законченнымъ познаніемъ. Въ этомъ именно и сказывается теологическій характеръ спинозизма, являющагося, такимъ образомъ, переходной стадіей къ пониманію дѣйствительности, свободному отъ всякихъ предразсудковъ и вполнѣ примиренному съ чувственнымъ познаніемъ.

Подобный образъ мыслей еще и теперь нерѣдко встрѣчается у тѣхъ, которые уже способны понимать причинныя связи и закономѣрность въ природѣ, но все еще не могутъ представить себѣ природу обладающей самопроизвольной творческой силой и соотвѣтствующей степенью самостоятельности, а непремѣнно должны выводить ее изъ чего-то „высшаго", предшествующаго ей. Впослѣдствіи Кантъ призналъ такой именно типъ мышленія однимъ изъ *постулатовъ чистаго разума*. То высшее, которое при этомъ имѣется въ виду, мыслится какъ можно болѣе близкимъ къ природѣ, какъ бы ручающимся за господствующій въ ней порядокъ и не является теологическимъ представленіемъ, пропитаннымъ антропоморфизмомъ, какимъ оно еще было у деистовъ предшествующаго столѣтія, у которыхъ оно представляло единственный остатокъ мало по малу совершенно упраздненной миѳологіи. Но и это понятіе, хотя свободное отъ всякихъ миѳологическихъ придатковъ, все же, какъ всякое Божество, носитъ на себѣ печать происхожденія

отъ человѣческой души: у тѣхъ, которые въ немъ нуждаются, оно заполняетъ собой пустоту, оставшуюся послѣ того, какъ было отвергнуто теологическое представленіе о Богѣ, и служитъ тѣмъ опорнымъ пунктомъ, на которомъ могутъ быть обоснованы требованія нравственности, обязательность которыхъ не можетъ быть выведена изъ одной природы. У Спинозы этотъ мотивъ ясно выражается въ любви, съ которой онъ обращается къ совершеннѣйшему бытію для полнаго удовлетворенія своей души, ищущей истины, не ожидая при этомъ никакой взаимности.

Во всякомъ случаѣ система Спинозы является блестящей побѣдой надъ теологическими предразсудками его вѣка. Цѣлью его жизни была истина, какъ таковая, и, согласно его взгляду, отъ нея заимствовало свою святость и Божество; совершенство его обусловливается его тождественностью съ истиной; такова была точка зрѣнія Спинозы, противоположная точкѣ зрѣнія теологіи, считавшей подобное подчиненіе Божества истинѣ оскорбительнымъ для него. Спинозѣ удалось вырваться изъ узкихъ рамокъ мелочнаго и эгоистическаго міросозерцанія, такъ какъ въ немъ рано пробудилось сознаніе того, что *истина* становится доступной лишь при *безстрастномъ отношеніи къ вещамъ;* что страхъ и надежда— эти главные элементы теологическаго образа мыслей— устраняютъ возможность непредубѣжденнаго и достовѣрнаго познанія. Свѣтъ этого идеала впервые озарилъ его, когда въ немъ созрѣло рѣшеніе порвать съ религіей отцовъ; его же онъ пытался намѣтить въ общихъ чертахъ въ обоихъ своихъ юношескихъ сочиненіяхъ—въ переданномъ друзьямъ „краткомъ трактатѣ“ и въ отрывкѣ трактата объ исправленіи разсудка; наконецъ въ теологически-политическомъ трактатѣ, которымъ было положено начало новѣйшей критики Библіи, онъ уже съ полной опредѣленностью выставилъ его

какъ цѣль, къ которой всѣ должны стремиться, а въ своей этикѣ подвергъ этотъ идеалъ подробному обсужденію съ философской точки зрѣнія.

Поднявшееся противъ него озлобленіе, причинившее сравнительно мало страданій ему самому, но зато тѣмъ сильнѣе отразившееся на оставленной имъ о себѣ памяти, надолго сдѣлало невозможнымъ правильное пониманіе его дѣятельности, но въ то же время оно явилось подтвержденіемъ реальнаго значенія его побѣды и правильности его убѣжденій, которыя могли быть оцѣнены по достоинству лишь вѣкомъ, менѣе предубѣжденнымъ.

Спиноза имѣетъ въ полномъ смыслѣ слова всемірно-историческое значеніе, говоритъ Людвигъ Фейербахъ. Заключается оно въ томъ, что на мѣсто представленія о какой-то неразумной, стоящей внѣ міра, т. е. внѣ всякаго бытія, волѣ или силѣ, онъ поставилъ внутреннее созерцаніе природы вещей, какъ единственно истинное и имѣющее реальное значеніе; то, въ чемъ одномъ и черезъ что одно становится возможнымъ мышленіе, т. е. нѣчто имманентное ему, т. е. принципъ мышленія онъ сдѣлалъ принципомъ философіи. До Спинозы теологическая точка зрѣнія была устранена изъ физики Бэкономъ, изъ астрономіи Коперникомъ, Бруно, Галилеемъ и Кеплеромъ, для которыхъ земля была уже не тѣмъ центромъ, къ которому все относилось, а лишь чѣмъ-то до презрѣнности ничтожнымъ. Спиноза сдѣлалъ нѣчто подобное для философіи. Своимъ натискомъ на теологію онъ навсегда обезпечилъ за философскимъ мышленіемъ важную категорію самостоятельнаго бытія объекта (Kategorie der Bezietung des Gegenstandes auf sichselbst). Ибо всякая философія, дѣйствительно могущая имѣть притязаніе на это названіе, имѣетъ лишь одну задачу, одну тенденцію: уяснить и изслѣдовать, что такое—прибѣгаемъ къ философ-

скому термину—сущность вещей сама по себѣ, или другими словами, чѣмъ являются вещи, разсматриваемыя въ ихъ отношеніи къ разуму, къ человѣку, какъ къ существу мыслящему и познающему, въ отличіе отъ вещей, какими онѣ являются намъ въ жизни, когда онѣ относятся къ намъ лишь какъ къ существамъ чувственнымъ и лично заинтересованнымъ. Правда, еще Декартъ—мы продолжаемъ приводить слова Фейербаха—указалъ путь къ рѣшенію этого вопроса, но онъ не остался вѣренъ самому себѣ, такъ какъ въ предѣлахъ своей философской системы онъ прибѣгаетъ къ помощи нефилософскаго принципа божественнаго произвола. *Спиноза является освободителемъ разума новѣйшаго времени.*

Достигнувъ такого важнаго результата, Спиноза оказался далеко впереди своего вѣка. Онъ долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что нашелъ истину, хотя бы для одного только себя; при его удивительной способности довольствоваться малымъ и при его спокойномъ, миролюбивомъ характерѣ это сознаніе доставляло ему блаженство, значительно облегчавшее ему примиреніе съ мыслью, что ему нечего ожидать сочувствія отъ своихъ современниковъ.

Мелочная зависть и придирчивость хотѣли отнять у него и это удовлетвореніе. Этикѣ его, считающей цѣнной съ нравственной точки зрѣнія лишь самодѣятельность индивидуума, отказывали въ пониманіи значенія активности; находили, что у него не хватало мужества отстаивать свои убѣжденія, такъ какъ онъ довольствовался спокойнымъ созерцаніемъ того, что считалъ истиной, вмѣсто того, чтобы стремиться доставить этой истинѣ всеобщее признаніе. Какъ мы видѣли, на самомъ дѣлѣ онъ много разъ дѣлалъ попытки въ такомъ направленіи, и ближайшій результатъ появленія его сочиненій достаточно ясно показываетъ, что для распространенія своихъ взглядовъ онъ самъ не могъ ничего болѣе пред-

принять. Но совершенное имъ, хотя оно и оставалось сначала его личнымъ достояніемъ, все же *было дѣломъ* и подвигомъ и притомъ наиболѣе подходящимъ для него, какъ мыслителя. Дѣйствительно, развѣ можетъ мыслитель активно проявлять себя иначе какъ выражая свои мысли въ формѣ, доступной для другихъ?

Спиноза добросовѣстно исполнилъ все то, что съ его стороны было необходимо сдѣлать въ данномъ случаѣ; и если значеніе его труда не могло быть тотчасъ же понято, то это уже не его вина. Преподанная имъ истина была доступна всякому достаточно сильному духомъ, чтобы воспринять ее; ибо *истина добывается лишь путемъ самодѣятельности* и нравственно облагораживаетъ преданную ей душу. Эта именно мысль и является въ ученіи Спинозы тѣмъ драгоцѣннымъ зерномъ, которое ничѣмъ не можетъ быть уничтожено. Истина основывается исключительно на правѣ самостоятельно пользоваться своимъ разумомъ. Это право самостоятельнаго мышленія, право зрѣлаго ума на познаніе истины имѣетъ въ лицѣ Спинозы одного изъ своихъ наиболѣе выдающихся выразителей. Спиноза всегда съ непоколебимымъ мужествомъ отстаивалъ это право, противопоставляя его неосмысленной рутинѣ старо-и ново-завѣтнаго міросозерцанія. Онъ заслуживаетъ вѣчной славы за то, что указалъ религіи законную ея сферу—сферу справедливости и любви къ ближнему, и за то, что онъ порвалъ путы, наложенныя на человѣческій разумъ. И если даже считать, что прочіе чисто философскіе результаты его трудовъ утратили значеніе, благодаря позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, то въ силу неподдѣльнаго паѳоса своихъ убѣжденій, въ силу своего неустаннаго стремленія къ знанію, свободному отъ всякихъ предразсудковъ, Спиноза все таки остается героемъ среди борцовъ за свободу мысли.

Поэтому, мы чтимъ въ немъ одного изъ вождей человѣческаго рода, ведшихъ его по трудной стезѣ познанія, которое бываетъ жизненнымъ лишь тогда, когда оно основывается на самостоятельномъ мышленіи, на собственномъ сужденіи, а не на унаслѣдованныхъ отъ предковъ догматахъ. Многіе ли до него осмѣливались обращаться къ собственному разуму тамъ, гдѣ дѣло касалось вещей, связанныхъ съ теологическими воззрѣніями?—Закончимъ нашу книгу слѣдующими прекрасными словами, принадлежащими Людвигу Фейербаху: Спиноза былъ воплощеніемъ той самостоятельности и свободы мысли, которой Декартъ требовалъ какъ условія истиннаго познанія, но которую онъ не всегда умѣлъ отстаивать.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Введеніе. 1. Ср. Вольтера: Le philosophe ignorant, sect. 24 и Dictionnaire philosophique, art. Dieu, sect. 3.

2. Первая перепечатка съ имѣвшихся оригинальныхъ изданій появилась въ 1802—1803 г. въ Іенѣ, въ изданіи H. C. G. Paulus'a. За ней послѣдовала другая въ 1830 г., изданная въ Штутгартѣ A. Gfroerer'омъ. Отъ 1843 г. сохранилось прекрасное и чрезвычайно удобное изданіе C. H. Bruder'a, вышедшее въ Лейпцигѣ у Б. Таухница. Очень цѣнится изданіе I. фанъ-Флотена (I. van Vloten) и I. П. Н. Ланда (I. P. N. Land) въ Гаагѣ, 1882—83, въ 2-хъ томахъ; изъ современныхъ изданій это—самое полное. До того, въ 1876—77 гг. Г. Гинсбергъ издалъ полное собраніе философскихъ сочиненій Спинозы въ 3-хъ томахъ, съ нѣмецкимъ предисловіемъ. Къ тому, содержащему переписку, приложенъ рядъ замѣтокъ, содержащихъ свѣдѣнія относительно корреспондентовъ и лицъ, упоминаемыхъ въ перепискѣ, за что нельзя не быть признательнымъ. Чрезвычайно цѣнно приложеніе: біографія Спинозы, составленная евангелическимъ священникомъ Яномъ Колерусомъ и впервые появившаяся въ 1706 г. въ Гаагѣ. Эта же біографія приложена къ французскому переводу сочиненій Спинозы, принадлежащему перу Эмиля Сэссе (Saisset) и вышедшему въ Парижѣ у Charpentier, въ 3-хъ томахъ; къ этому изданію приложена также и другая біографія, написанная съ апологетической цѣлью, въ отвѣтъ на біографію Колеруса, другомъ Спинозы, врачемъ Lucas'омъ въ 1719 г. Переводъ Сэссе, вслѣдствіе изящества стиля, особенно можно рекомендовать тѣмъ, кому незнаніе латинскаго языка не позволяетъ читать сочиненія Спинозы въ оригиналѣ. Нѣмецкимъ читателямъ всего болѣе можно рекомендовать переводъ Berth. Auerbach'a, поль-

зующійся вполнѣ заслуженнымъ распространеніемъ и вышедшій 2-мъ изданіемъ въ Штутгартѣ, въ 1871 г. послѣ того, какъ 1-е изданіе 1841 г. было все раскуплено. Второе изданіе, хотя оно и гораздо лучше перваго, все же мѣстами недостаточно исправлено, какъ въ стилистическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи точности перевода. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, оно читается гораздо легче, чѣмъ изданіе сочиненій Спинозы, предпринятое фонъ-Кирхманомъ въ 1869—70 г. для такъ называемой „философской библіотеки". Правда, Кирхманъ, въ противоположность Ауэрбаху, стремившемуся преимущественно къ точности, старался достичь большей ясности слога и отступалъ отъ разстановки знаковъ препинанія, принятой въ подлинникѣ, чтобы устранить слишкомъ длинные періоды; но чтобы, вполнѣ достичь своей цѣли, онъ долженъ былъ бы обладать менѣе сухимъ и безцвѣтнымъ стилемъ. Къ сожалѣнію у обоихъ нѣмецкихъ переводовъ нѣтъ подробнаго оглавленія, отсутствіе котораго особенно даетъ себя чувствовать при чтеніи теолого-политическаго трактата. [Есть еще третій болѣе новый нѣмецкій переводъ „Этики" и др. произведеній Спинозы, сдѣланный I. Stern'омъ и вошедшій въ рекламовскую „Universalbibliothek". На русскій языкъ переведены слѣдующія произведенія Спинозы: *Этика* перев. подъ ред. проф. В. И. Модестова (3-е изд. Л. Ф. Пантелѣева Спб. 1894); *тоже* перев. Н. А. Иванцева подъ ред. В. П. Преображенскаго („Труды московскаго психологическаго общества, вып. IV, М. 1891). Трактатъ *объ усовершенствованіи разсудка* переведенъ Г. Полинковскимъ (Одесса 1894). *Переписка Спинозы* съ приложеніемъ жизнеописанія Спинозы *I. Колеруса* переведена Л. Я. Гуревичъ подъ редакціей и съ примѣчаніями А. Л. Волынскаго (Спб. 1891)].

3. Памятникъ этотъ былъ воздвигнутъ на пожертвованія, собранныя послѣ того, какъ въ январѣ 1876 г., изъ Голландіи, было разослано въ культурные центры всего міра воззваніе къ почитателямъ Спинозы. Осенью 1877 г.— въ этомъ году минуло 200 лѣтъ со времени кончины Спинозы—можно было приступить къ закладкѣ памятника на предложенномъ для него мѣстѣ. При сооруженіи памятника руководствовались проектомъ парижскаго скульптора

Фредерика Гексамера, удостоеннымъ награды на конкурсѣ. 14 сентября 1880 г. имѣло мѣсто торжественное открытіе памятника. Бертольдъ Ауэрбахъ въ „Письмахъ къ своему другу Якобу Ауэрбаху“ (2 тома Франкфуртъ на Майнѣ, 1884 г.), сообщаетъ о памятникѣ слѣдующее: „Мыслитель изображенъ сидящимъ, одѣтымъ въ простой костюмъ того вѣка, въ которомъ онъ жилъ; поза простая, голова опирается на правую руку; въ чертахъ лица сказываются восточное происхожденіе и физическая истощенность, но онѣ облагорожены прекраснымъ выраженіемъ просвѣтленной человѣчности“.

4. Въ Голландіи душой возрождавшагося интереса къ Спинозѣ былъ Іоганнъ фанъ-Флотенъ, одинъ изъ издателей большого изданія сочиненій Спинозы, упомянутаго въ прим. 2. Онъ родился 18 января 1818 г. въ Кампенѣ, гдѣ отецъ его былъ проповѣдникомъ. Уже въ 1829 г. онъ лишился отца и, окончивъ гимназическій курсъ, поступилъ въ 1835 г. въ Лейденскій университетъ. Кромѣ теологіи, которую онъ предполагалъ сдѣлать своей профессіей, онъ изучалъ еще главнымъ образомъ древніе, новые и восточные языки. Около 1842 г. онъ сдалъ богословскій экзаменъ, а въ слѣдующемъ году получилъ степень доктора теологіи. Но чувствуя въ душѣ отчужденность отъ теологіи и познакомившись при изученіи современной ему нѣмецкой философіи и изъ произведеній Гёте съ ученіемъ Спинозы, онъ въ 1849 г. отрекся отъ церкви въ сочиненіи, озаглавленномъ „Реформатская церковь и ея будущность“ и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя лингвистическимъ и философскимъ изслѣдованіямъ. Съ 1854 г. онъ занимаетъ каѳедру классической филологіи въ Девентерѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ ему было поручено изданіе только что найденныхъ тогда въ Амстердамѣ писемъ и юношескаго сочиненія Спинозы, на которыхъ мы подробно останавливались въ текстѣ. Обогативши содержавшійся въ этихъ сочиненіяхъ матерьялъ плодами собственныхъ тщательныхъ архивныхъ изслѣдованій, онъ издалъ въ 1862 г. чрезвычайно цѣнную біографію Спинозы—Baruch d'Espinoza, zyn Leven en Schriften in Verband met zunen en onzen Tyd, — къ сожалѣнію имѣющуюся лишь на гол-

ландскомъ языкѣ. Не будучи знакомы съ этимъ языкомъ, мы могли воспользоваться изъ этой біографіи лишь тѣмъ, что изъ нея было извлечено Берт. Ауэрбахомъ въ біографическомъ очеркѣ, приложеннымъ имъ къ позднѣйшему изданію перевода сочиненій Спинозы, и Ад. Тренделенбургомъ въ его „Histor. Beitr. zur Philosophie". Въ 1867 г. фанъ-Флотенъ отказался отъ профессуры изъ за столкновеній съ господствовавшимъ въ Девентерѣ ортодоксальнымъ направленіемъ и съ тѣхъ поръ еще усерднѣе, чѣмъ прежде, сотрудничалъ въ научныхъ журналахъ, не переставая при этомъ интересоваться философіей Спинозы. Благодаря его стараніямъ осуществилась постановка памятника Спинозы и сопровождавшія его открытіе торжества. Фанъ-Флотенъ умеръ 22 сентября 1883 г. въ Гарлемѣ, гдѣ онъ провелъ 5—6 послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

5. Важнѣйшія свѣдѣнія относительно знакомства Лессинга съ философіей Спинозы содержатся въ цѣнныхъ сообщеніяхъ Фр. Якоби; въ 4-мъ томѣ его сочиненій: Ueber die Lehre Spinozas in Briefen an M. Mendelssohn, 1-е изданіе, Лейпцигъ 1785 г. Кромѣ того см. Ad. Stahr G. E. Lessing, Sein Leben u. s. Werke, т. 2, стр. 171 и слѣд., и Erich Schmidt, Lessing, Geschichte seines Lebens u. s. Schriften, особенно т. I, стр. 452. Объ отношеніи Якоби къ Спинозѣ см. L. Feuerbach, Werke т. 6, стр. 224, слѣд. и 300.— Herder: Gott, einige Gespräche ueber Spinozas System. 1 Aufl. 1787 г. Гете—„Wahrheit u. Dichtung", книги 14 и 16.—Шиллеръ „philos. Briefe", отдѣлъ о теософіи Юлія.—Шлейермахеръ: Reden ueber Religion, 1 Aufl. 1799; извѣстный отрывокъ о Спинозѣ во 2-й рѣчи, приблизительно въ концѣ первой ея трети.—См. кромѣ того Vorlesungen ueber neuere Philosophie u. Kritik d. bisherigen Sittenlehre.

6. Этапнымъ пунктомъ мы считаемъ чрезвычайно важное сочиненіе А. Риля: Der philosophische Kritizismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft, Лейпцигъ 1876—1887 гг. 3 тома. Въ немъ резюмировано все, что было достигнуто прежними мыслителями въ области критики разума, и имъ же начинается рядъ современныхъ оригинальныхъ изслѣдованій по теоріи познанія.

7. Wissenschaftslehre, 1801, § 32. Ср. также переписку

между Шиллеромъ и Гёте, письмо 21: „нарождаются сильные противники среди самыхъ учениковъ Фихте, которые скоро громко заявятъ, что все идетъ къ субъективному Спинозизму“.

8. Ideen zu einer Philosophie, der Natur, 1-е изд. 1797 г.

9. Gesch. der Philosophie, сочиненія т. 15, стр. 337.

10. Міръ, какъ воля и представленіе, т. 2, книга IV, въ концѣ гл. 50.

11. Относительно многихъ точекъ соприкосновенія между Малебраншемъ и Спинозой см. мастерски написанное сочиненіе Фрид. Іодля: „Gesch. der Ethik in d. neuren Philosophie“. (Stuttgart 1882—89), т. 1 стр. 260—270. (есть русск. перев.) Викторъ Кузэнъ называетъ Спинозу: frère légitime de Malebranche dans la famille cartésienne (законный братъ Мальбранша въ картезіанской семьѣ).

12. Нападки его на Спинозу находятся въ Entretiens métaphysiques, VIII § 9 и въ Méditations chrét. IX § 13 и 16.

13. Ср. то, что сообщаетъ относительно этого Людвигъ Штейнъ въ 1-й гл. своей монографіи Leibniz и Spinoza, Berlin 1890 г. особенно стр. 14 и слѣд.

14. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ церковныя общины, какъ придерживавшіяся средневѣковыхъ традицій, такъ и возстававшія противъ нихъ, не смотря на всѣ разногласія и обусловленную ими взаимную ненависть, нисколько не уступаютъ другъ другу въ фанатизмѣ. Всѣ онѣ съ одинаковой безпощадностью старались подавить всякое проявленіе свободомыслія, всякое отступленіе отъ догматовъ, и по части преслѣдованія колдуній, ультрапротестанская Англія во время республики даже превзошла, если только это было возможно, и католическія и евангелическія государства континента. Ср. Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи, т. 1 гл. 7 и Лекки, Исторія раціонализма, т. 1 п. 3.—„Послѣдовательная вѣра есть суевѣріе“, говоритъ Л. Фейербахъ, сочиненіе т. 6, стр. 292.

15. Объ отношеніи между теологіей и наукой см. замѣчательную 3-ю главу въ „Pierre Bayle“ Людв. Фейербаха (т. 6 собранія сочиненій). Пользуемся случаемъ, чтобы предупредить читателя, что въ нашей книгѣ мы стоимъ всецѣло на почвѣ ученія Фейербаха. Съ тѣхъ поръ какъ этому

мыслителю, долго не оцѣненному по достоинству, отдали наконецъ должную дань уваженія,—вѣроятно многіе, изучая его сочиненія не безъ удивленія узнали, какую богатую, далеко еще неиспользованную наукой сокровищницу знаній оставилъ намъ этотъ философъ, особенно въ области исторіи философіи, хотя она и не была его спеціальностью.

16. Ср. L. Feuerbach, Werke. т. 4 стр. 73 и слѣд., 111 и слѣд.

17. Относительно дѣятельности Декарта въ Голландіи см. въ особенности содержательное сочиненіе Франциска Булье (Bouillier). Histoire de la philosophie Cartésienne, 2 т. Парижъ 1854 г.

18. L. Feuerbach, Werke т. 4, стр. 9 и сл., 13 и слѣд., 21, 248.—Т. 5, стр. 178 и слѣд. 255.—Т. 6, стр. 26.

19. Feuerbach, Werke т. 6, стр. 143 и слѣд. и Риль, Philos. Kritizismus, т. 2, II, стр. 7 и слѣд.

20. Bouillier, Hist. phil. Cartés, т. 1, стр. 242 и слѣд., 245.

21. Bouillier, т. 2, стр. 223, 228, 232 и слѣд. 235—239.—Фейербахъ, сочиненія т. 5, стр. 114, 127, 221, также т 8, стр. 10 и слѣд.

22. Feuerbach, Werke т. 6, стр. 224.

23. Относительно внутренней несостоятельности системы Спинозы ср. образцовое изложеніе ея у Th. Camerer: Die Lehre Spinoza's, Stuttgart 1877. Оцѣнку научнаго метода Спинозы см. у А. Риля, Philos. Kritizismus т. 2 II, гл. 4-я 1 отдѣла, а въ главѣ 3-й 2 отд. см. оцѣнку его теоріи воли. Относительно выдающагося значенія Спинозы, какъ моралиста, ср. Фр. Іодля, Gesch. d. Ethik т. 1.

24. Все сюда относящееся можно найти въ существенныхъ чертахъ въ словарѣ П. Бэйля, въ статьѣ, посвященной Спинозѣ. Тотъ же матеріалъ послужилъ основой для упомянутой нами въ прим. 2 біографіи, написанной Яномъ Колерусомъ, добавившимъ къ имѣвшимся свѣдѣніямъ еще нѣкоторыя данныя, съ которыми онъ познакомился изъ ихъ устныхъ разсказовъ; въ результатѣ получилось довольно сухое и изобилующее тривіяльностями произведеніе, напоминающее ученическое упражненіе. Въ біографіи этой сказывается явная предубѣжденность противъ ученія Спинозы, надъ которымъ авторъ чинитъ судъ и расправу, вы-

казывая при этомъ ограниченность, свойственную протестантскимъ пасторамъ. Помимо этого авторъ обладаетъ далеко не блестящимъ даромъ изложенія; но добросовѣстныя старанія дать безпристрастную оцѣнку Спиновы какъ человѣка заслуживаютъ безусловнаго признанія. Написанное въ отвѣтъ на эту біографію полемическое сочиненіе врача Люкаса, тоже упоминавшееся нами раньше, точно также не отличается безпристрастіемъ, изобилуетъ громкими фразами и нападками на противниковъ Спинозы, но помимо этого также содержитъ и многія цѣнныя подробности. Остальные біографы Спинозы ограничиваются обыкновенно пересказомъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаетъ Колерусъ. Это относится и къ упомянутой нами выше біографіи Спинозы, написанной Ауэрбахомъ, который впрочемъ не только тщательно собралъ и удобно расположилъ весь имѣющійся матеріалъ, но и дополнилъ его нѣкоторыми свѣдѣніями, добытыми имъ лично или заимствованными у другихъ новѣйшихъ изслѣдователей. Перепискѣ между Ауэрбахомъ, и его двоюроднымъ братомъ, также упоминавшейся нами выше, мы обязаны дальнѣйшими сообщеніями о жизни Спинозы. То, что далѣе выяснилось, благодаря ревностнымъ стараніямъ голландскихъ изслѣдователей (ср. прим. 4) изъ найденныхъ ими писемъ, скорѣе содержало лишь поправки къ имѣвшемуся на лицо матерьялу, чѣмъ свѣдѣнія, существенно обогащающія его, хотя и эти поправки очень цѣнны въ виду множества пробѣловъ въ первоначальномъ изданіи переписки Спинозы, изъ которой, какъ извѣстно, благодаря боязливости издателей, было исключено многое такое, что впослѣдствіи могло бы возбудить большой интересъ. Относительно друзей и послѣдователей Спинозы, съ которыми онъ поддерживалъ личныя сношенія или состоялъ въ перепискѣ, также сохранились лишь скудныя свѣдѣнія. О большинствѣ изъ нихъ позднѣйшіе разъясненія не сообщили ничего кромѣ ихъ имени и званія, фигуры нѣкоторыхъ изъ нихъ смутно обрисовываются передъ нами, но и въ этихъ случаяхъ мы не имѣемъ сколько-нибудь содержательныхъ свѣдѣній относительно того, что составляло жизненное содержаніе ихъ отношеній со Спинозой. То же самое можно сказать и объ отношеніяхъ между Спи-

нозой и многими изъ выдающихся современниковъ его, какъ голландцами, такъ и иностранцами, относительно которыхъ установленъ лишь фактъ личнаго знакомства.

Глава первая. 1. Graetz, Geschichte der Iuden, Leipzig 1866, (есть русск. перев.) т. IX, стр. 513 и слѣд.; т. X, стр. 2 и слѣд.

2. Колерусъ, въ началѣ его замѣтокъ. На основаніи встрѣчающагося въ письмахъ Спинозы указанія, что онъ зналъ одного еврея, который около 1644 г. былъ сожженъ въ Вальядолидѣ, Гретцъ сдѣлалъ предположеніе, что Спиноза родился въ Испаніи и въ 15-ти лѣтнемъ возрастѣ переселился въ Амстердамъ. Неправдоподобность этого предположенія прекрасно доказана Б. Ауэрбахомъ (біографическое введеніе къ его переводу сочиненій Спинозы, т. I, стр. 22, прим. 1). Къ его возраженіямъ можно добавить еще слѣдующее. Помимо того, что Спиноза, прибывши юношей изъ Испаніи, кромѣ латинскаго языка, изученнаго имъ въ Амстердамѣ, долженъ былъ бы усвоить себѣ еще голландскій языкъ, на которомъ онъ говорилъ какъ на родномъ,—даже помимо этого, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы еще въ Испаніи, гдѣ евреи не пользовались религіозной свободой, его готовили къ званію раввина, что несомнѣнно происходило за нѣсколько лѣтъ до изученія имъ латинскаго языка. Къ тому же онъ былъ португальскимъ, а не испанскимъ евреемъ, и было бы очень удивительно, если бы 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ (въ 1644 г.) онъ спеціально отправился ради ауто-да-фе въ Вальядолидъ изъ Лиссабона или Опорто, гдѣ жили его родственники. Что Спиноза былъ родомъ изъ Голландіи, не подлежитъ повидимому сомнѣнію; какъ это утвержденіе, такъ и точныя свѣдѣнія относительно времени его рожденія, основаны, вѣроятно, на его собственныхъ словахъ.

3. Письма Б. Ауэрбаха къ Якобу Ауэрбаху, т. II, стр. 374.

4. Согласно Колерусу, сообщенія котораго о Спинозѣ были собраны и записаны приблизительно черезъ 30 лѣтъ послѣ его смерти, Спиноза изучалъ латинскій языкъ рань-

ше теологіи; Люкасъ, въ своихъ біографическихъ замѣткахъ изображаетъ дѣло гораздо болѣе правдоподобнымъ образомъ, точно также, какъ оно представлено нами. Это не единственный случай, когда указанія Колеруса нуждаются въ поправкахъ. Ср. также Graetz, т. X, стр. 170.

5. Graetz, т. X, стр. 101 и слѣд. Здѣсь же встрѣчается и имя мученика, упомянутаго нами выше (прим. 2). Спиноза, упоминая объ немъ, употребляетъ выраженіе „ipse novi". Б. Ауэрбахъ могъ бы также возразить Гретцу, что Спиноза этими словами несомнѣнно хотѣлъ выразить лишь то, что онъ лично имѣлъ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ; а вовсе не то, что онъ былъ лично знакомъ съ этимъ человѣкомъ.

6. Graetz, т. X, стр. 132 и слѣд.

7. Graetz, т. X, l. c.

8. Lucas, стр. LII въ т. 2 перевода Эм. Сэссе.

9. Graetz, т. X, 169.

10. Саулъ Леви Мортейра, род. около 1560 г. умеръ въ 1660 г. согласно Гретцу (т. X, стр. 10 и слѣд.), который замѣчаетъ также относительно его, что онъ прославился безусловно не благодаря личнымъ заслугамъ.

11. Lucas и вслѣдъ за нимъ Graetz, т. X, стр. 170 и слѣд.

12. Самъ Ауэрбахъ въ своей перепискѣ съ Як. Ауэрбахомъ, т. I, стр. 9 (письмо отъ 6 окт. 1831 г.).

13. Ср. Graetz, т. VI, стр. 301—303 и 315 и слѣд., 318 и слѣд.

14. Tract. theol. polit. гл. XII 1. 5.

15. Колерусъ и Люкасъ.

16. Ср. біографическое введеніе Ауэрбаха къ 1-му тому перевода, стр. XXVIII, пр. 3. Довольно странно, что миѳическая любовная исторія встрѣчается еще въ 1892 г. въ статьѣ Nourisson'a, въ августовской книгѣ Revue des deux Mondes, гдѣ она воспроизведена съ прежней довѣрчивостью.

17. Ср. Trendelenburg, Histor. Beiträge zur Philosophie, Birlin 1867 г., т. III, стр. 308 и слѣд.

18. Christ. Sigwart, Spinoza's neuentdeckter Tractat, Gotha 1866, стр. 116 и слѣд., 131, и нѣмецкій переводъ этого сочиненія, Tübingen 1869 г., Prolog III, стр XXIV и слѣд.

19. Graez, т. VI, стр. 315 и слѣд.

20. Tract. theol. polit., гл. 9.

21. Graetz, т. X, стр. 128 и слѣд.

22. Allgem, deutsche Biographie, изданная исторической комиссіей баварской академіи наукъ.

23 и 24. Согласно свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ перепискѣ Спинозы, изд. Ginsberg'a.

25. Tract. theol. polit. въ концѣ гл. 3.

26. Tract. theol. polit., гл. 8 и 9.

27. Auerbach, Briefwechsel, т. 2, стр. 374, 377.

28. Colerus, edit. Saisset, p. XVI.

29. Lucas, ed. Saisset, p. XLII.

30. Graetz, т. X, стр. 175.

31. Graetz, l. c.

32. Graetz, т. X, стр. 176, Colerus, ed. Saisset, p. V.

33. Lucas, ed. Saisset, p. XLIII.

34. Graetz, т. X, стр. 176, который въ данномъ случаѣ вполнѣ правъ, отдавая предпочтеніе не Колерусу, а указаніямъ Бэйля, которыми пользовались и мы. Колерусъ несомнѣнно ошибается, приводя этотъ случай въ связь съ посѣщеніемъ синагоги. Именно тотъ фактъ, что Спиноза вполнѣ пренебрегалъ религіозными обязанностями, и послужилъ поводомъ къ его обвиненію, а упорство, съ которымъ онъ отказывался подчиниться увѣщеваніямъ старѣйшинъ общины, повело къ покушенію на его жизнь.

35. Ant. van der Linde изъ Гарлема издалъ въ 1862 г. въ Гёттингенѣ монографію объ ученіи Спинозы и во введеніи къ ней далъ біографическій очеркъ, въ которомъ онъ старается доказать, что въ почитаніи, которымъ Спиноза пользуется въ Германіи, есть много преувеличеннаго. Многія данныя, говорящія въ пользу благородства характера Спинозы, подвергаются имъ сомнѣнію, причемъ онъ выказываетъ явную придирчивость. Такъ, напр., онъ сомнѣвается въ томъ, чтобы Спинозѣ было предложено пожизненное обезпеченіе подъ условіемъ, чтобы онъ не выступалъ изъ общины. Фанъ-деръ-Линде желаетъ видѣть, какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ разсказѣ о покушеніи, лишь хвастовство со стороны Спинозы, который будто бы хотѣлъ пріобрѣсти такимъ образомъ извѣстный престижъ въ глазахъ своихъ простодушныхъ хозяевъ. Ибо, какъ могъ уголовный проступокъ—говоритъ по поводу покушенія фанъ-деръ-Линде

на стр. VII и слѣд.—быть оставленъ безъ всякаго разбирательства? Упомянутый авторъ ссылается при этомъ на фактъ посѣщенія Спинозой синагоги, причемъ принимаетъ, что Спиноза самъ сознался въ этомъ фактѣ. Въ прим. 34 мы уже приводили возраженіе, которое можно сдѣлать противъ этого сообщенія Колеруса, которое не менѣе нуждается въ поправкѣ, чѣмъ переданный имъ же апокрифическій романъ. Ср. прим. 16.

36. Lucas, edit. Saisset, p. XLV.

37. Graetz, т. X, стр. 177.

38. Lucas, edit. Saisset p. XLV и слѣд.

39. Auerbach, переписка, т. II, стр. 270; Graetz т. X, стр. 176 и слѣд. Colerus, edit Saisset p. IX и слѣд.

40. Graetz, т. X, стр. 177. Lucas, edit Saisset p. XLVI.

Глава вторая. 1. Письмо къ W. Blyenberg'у.

2. Первое письмо Ольденбурга.

3. Colerus и Lucas.

4. Согласно v. d. Linde l. c. стр. X, который такъ пишетъ названіе этой мѣстности. Graetz пишетъ Oudekerk, т. X, стр. 176.

5. Переводъ вновь открытаго трактата, сдѣланный Зигвартомъ стр. 147. Ср. выше прим. 18 къ гл. 1.

6. Tract. theol. polit. гл. 5.

7. Переписка Ауэрбаха, т. II, стр. 365.

8. Полагаютъ, что секта эта существовала почти до конца прошлаго столѣтія. Въ одномъ принадлежащемъ ей сиротскомъ пріютѣ van Vloten нашелъ изданныя имъ впослѣдствіи письма и рукописи.

9. Discours de la méthode, сочиненіе, написанное и изданное въ 1637 г. самимъ Декартомъ на франц. языкѣ, а впослѣдствіи также и на латинскомъ.

10. Согласно указанію издателей посмертныхъ сочиненій Спинозы, это его юношеское произведеніе; онъ много разъ намѣревался окончить его, но всегда откладывалъ исполненіе этого намѣренія.

11. Ср. Chr. Sigwart. Ueber Spinoza's neuentdeckten Tractat etc. Gotha 1866 г. стр. 136 и слѣд.

12. Объ этомъ старинномъ другѣ Спинозы, состоявшемъ

въ оживленной перепискѣ почти со всѣми знаменитыми учеными своего времени, имѣлись лишь скудныя и недостовѣрныя свѣдѣнія. Въ послѣднее время, благодаря упорнымъ стараніямъ Frdr. Althaus'a, удалось уяснить многое, касающееся его. За подробностями мы отсылаемъ читателя къ статьямъ Althaus'a въ научномъ приложеніи „Allgem. Zeitung" за лѣтніе мѣсяцы 1888 и 1889 гг. Теперь извѣстно, что Ольденбургъ былъ лѣтъ на 17 старше Спинозы, а пережилъ его всего на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ умеръ въ октябрѣ 1677 г., вѣроятно въ Чарльтонѣ около Гринвича. Объ отношеніяхъ его со Спинозой Althaus, къ сожалѣнію, не узналъ ничего такого, что не содержалось бы уже въ свѣдѣніяхъ, опубликованныхъ van Vloten'омъ.

13. См. прим. 17 къ гл. 1.

14. 1-е письмо Sim. v. Vries'a.

15. Переводъ Ауэрбаха, т. 2, стр. 307.

16. За исключеніемъ одного факта, котораго намъ придется коснуться въ гл. 4, болѣе ничего не извѣстно объ этомъ ученикѣ Спинозы. Ауэрбахъ очевидно ошибается, принимая (Біографія Спинозы т. 1 перевода, стр. XXXVI), что изложеніе Princ. philos. было написано для Sim. v. Vries'a.

17. Письмо 9-е у Ауэрбаха (т. 2 перевода, стр. 267) опровергаетъ его предположеніе, упомянутое выше.

18. Bouillier, Hist. philos. Cartés, т. 1, стр. 307. Замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что сужденія Bouillier относительно философіи Спинозы далеко не безпристрастны.

19. Въ предисловіи издатель особенно напираетъ на то, что Спиноза воспользовался этими частями сочиненій Декарта.

20. Lucas объясняетъ пристрастіе Спинозы къ уединенной деревенской жизни желаніемъ его избавиться отъ множества непрошенныхъ посѣтителей.

21. Письмо, указанное выше въ прим. 17.

22. Это свѣдѣніе также заимствовано у Lucas'a.

23. Ср. Auerbach, переписка т. 2, стр. 366 Scheveningen 6 сент. 1878 г.

24. Дача, о которой упоминается въ томъ же письмѣ (прим. 23), несомнѣнно принадлежала отцу Хр. Гюйгенса, а

не самому этому математику, какъ предполагаетъ Ауэрбахъ. Бывшій государственный дѣятель пережилъ Спинозу на 10 лѣтъ, а сынъ его, жившій съ 1666 г. въ Парижѣ, временно посѣщалъ свою родину въ 1670 и 1675 гг. и лишь въ 1681 г. окончательно переселился туда, побужденный къ этому вѣяніями, предвѣщавшими отмѣну Нантскаго эдикта.

25. Сообщеніе Колеруса.

26. Первое письмо Спинозы къ W. v. Blyenbergh'y.

27. Письмо отъ 10 іюня 1666 г. изъ Voorburg'a.

28. Одно изъ вновь открытыхъ писемъ; кому оно адресовано, неизвѣстно. Перев. Ауэрбаха, т. 2, стр. 375.

29. На основаніи писемъ Ольденбурга.

30. Письма Ольденбурга.

31. Bouillier, l. c. т. I, стр. 454. Довольно странно, что авторъ не замѣтилъ связи этого факта съ недостойнымъ поступкомъ, совершеннымъ въ Лёвенѣ по отношенію къ Гейлинксу.

32. Этотъ прекрасный человѣкъ, всегда отстаивавшій свободу печати и слова, былъ родомъ изъ Рейнпфальца, гдѣ онъ родился 10 августа 1597 г. во Франкенталѣ. Изъ Ребенканъ онъ прибылъ въ Амстердамъ, гдѣ отецъ его получилъ мѣсто въ одной изъ тамошнихъ евангелическихъ приходовъ. Онъ изучалъ теологію въ Лейденѣ, былъ затѣмъ въ нѣкоторыхъ заграничныхъ университетахъ и въ 1620 г. сдѣлался проповѣдникомъ въ Нассау. Около 1627 г. онъ былъ приглашенъ, въ качествѣ проповѣдника, въ Лейденъ, гдѣ съ 1648 до 1676 г. онъ былъ также профессоромъ университета, но отъ этой должности ему пришлось отказаться; а черезъ два года послѣ этого онъ умеръ. До самой своей кончины онъ исполнялъ свои пастырскія обязанности и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Ср. Allg. deutsche Biographie, изд. Баварской академіи наукъ.

33. Bouillier, l. c. стр. 252 и слѣд.. 285 и слѣд.

34. Bouillier, l. c. стр. 268, 252. Катастрофа, постигшая Гейдануса, произошла, правда, лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія Спинозой вышеупомянутаго сочиненія. Но ее могъ предвидѣть всякій, знакомый съ происками ультраклерикальной партіи. Не мѣшаетъ упомянуть, что во главѣ

этого клерикальнаго движенія стоялъ тотъ самый Гисбертъ Беэціусъ изъ Утрехта, который еще на Дортрехтскомъ соборѣ въ 1619 г., выдвинулся какъ вождь контраремонстрантовъ и затѣмъ, постоянно имѣя въ виду лишь господство церкви, руководилъ также интригами противъ Декарта. Онъ родился въ 1589 г., въ сѣверномъ Брабантѣ, съ 1634 г. былъ профессоромъ восточныхъ языковъ и теологіи въ Утрехтѣ и умеръ лишь въ 1676 г. Спиноза упоминаетъ о его проискахъ противъ Декарта въ письмѣ къ Исааку Оробіо.

Глава третья. 1. Colerus и Lucas. Ср. Тренделенбургъ, Histor. Beiträge zur Philos. т. III, стр. 296 и слѣд.

2. Lucas и Colerus; кромѣ того біографическое введеніе къ переводу Ауэрбаха, т. I, стр. XLV и слѣд.

3. Янъ де-Виттъ, сынъ Якоба де-Витта, бургомистра города Дортрехта, родился 24 сент. 1625 г., проходилъ курсъ наукъ въ Лейденѣ точно такъ же, какъ и братъ его Корнелисъ, который былъ старше его на два года; оба брата занимали важныя государственныя должности, старшій съ 1648 г., младшій съ 1653 г. Послѣдній былъ извѣстенъ, какъ искусный администраторъ, первый отличался на военномъ поприщѣ. Дальнѣйшія подробности объ ихъ жизненной карьерѣ, поскольку онѣ касаются нашей темы, читатель найдетъ въ текстѣ этой главы.

4. Сообщено Lucas'омъ.

5. Братъ Морица Оранскаго, женатый на одной изъ дочерей Карла I Стюарта.

6. Сынъ Вильгельма II, родившійся послѣ смерти послѣдняго, 14 ноября 1650 г. въ Гаагѣ; съ 1672 г. принималъ участіе въ управленіи дѣлами своего отечества, которое онъ при этомъ спасъ отъ вторженія французовъ. Съ 1689 г. былъ королемъ Великобританіи, умеръ 19 марта 1702 г. въ Лондонѣ.

7. Tractatus politicus, посмертное сочиненіе, изданное въ неоконченномъ видѣ. Переведено у Ауэрбаха, т. 1.

8. Tract. theol. polit. гл. 18 въ концѣ (перев. Ауэрб. т. I, стр. 395).

9. Тамъ же.

10. Tract. theol. polit. гл. 17, въ началѣ (перев. Ауэрб. т. I, стр. 367.
11. Tract. polit. гл. VII, § 5.
12. Tract. polit, l. c. § 1 и слѣд.
13. Тамъ же § 24.
14. Тамъ же гл. VI § 10, гл. VII, §§ 7, 12, 17. Tract. theol. polit. гл. 17 (перев. Ауэрб. т. I, стр. 379).
15. Tract. polit. гл. VI § 5.
16. Тамъ же гл. VII § 25.
17. Tract. theol. polit. гл. 7 въ началѣ.
18. Тамъ же гл. 15 и предисловіе.
19. Tract. theol. polit. гл. 7.
20. Тамъ же, l. c.
21. Tract. theol. polit. гл. 7.
22. Тамъ же.
23. Tract. theol. polit. гл. 8.
24. Тамъ же, гл. 6.
25. Тамъ же предисловіе и гл. 6.
26. Гл. 6.
27. Тамъ же.
28. Гл. 13 и 15.
29. Гл. 15.
30. Гл. 14.
31. Гл. 12.
32. Тамъ же.
33. Гл. 3 и 12.
34. Гл. 10 и 12.
35. Гл. 4, 7, 13, 14.
36. Гл. 11.
37. Письма № 23 и 25 (перев. Ауэрб. т. II, стр. 298 и слѣд. 302); см. также Tract. theol. polit. гл. 18.
38. Tract. theol. polit. гл. 3.
39. Тамъ же гл. 7.
40. Тамъ же, гл. 14. См. также письмо отъ 28 января изъ Voorburg'a.
41. Гл. 14, гл. 6 въ концѣ
42. Гл. 11.
43. Гл. 20.
44. Гл. 5 и Tract. polit., гл. III, § 8.

45. Tract. theol. polit. гл. 16; Tract. polit. гл. III § 10, VI, § 40.

46. Tract. theol. polit. гл. 20, заключеніе.

47. Anton Bettelheim: Ludwig Anzengruber (Führende Geister т. III) стр. 130.

48. Strauss, Glanbenslehre и Sam. Herm. Reimarus. Собственно говоря, уже Paulus въ своемъ предисловіи къ изданію сочиненій 1802 г.

49. Bouillier, Hist. philos. cartés., т. I стр. 402 и слѣд.

50. Письмо отъ 17 февр. 1671.

51. Разныя заглавія см. у Saisset въ библіографіи, приложенной къ т. II его перевода сочин. Спинозы.

52. Собщено Lucas'омъ.

Глава четвертая. 1. См. выше прим. 2 и 24 къ введенію.

2. Colerus, стр. XII у Saisset.

3. Согласно біографическому введенію къ перев. Ауэрбаха т. I, стр. XXXVIII, прим. 1.

4. Auerbach, Briefwechsel, т. II, стр. 358.

5. Auerbach, l. c. стр. 364.

6. Colerus и Lucas, которые въ этомъ случаѣ говорятъ одно и тоже.

7. Только что названныя біографіи.

8. Тамъ же.

9. Сообщеніе Колеруса.

10. Колерусъ.

11. Этика IV, предл. 45.

12. По Colerus'у. Въ противность этому указанію v. d. Linde въ біографическомъ введеніи къ своей монографіи о Спинозѣ на стр. XVII и слѣд. выражаетъ предположеніе, что Спиноза скрылъ истину отъ своего хозяина, причемъ онъ ссылается на слова нѣкоторыхъ лицъ, утверждавшихъ, что, вопреки объясненію, данному Спинозой своему хозяину, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и его другомъ, онъ дѣйствительно видѣлся съ принцемъ Конде и провелъ въ его обществѣ нѣсколько дней. Довольно странно, отчего фанъ-деръ-Линде, обыкновенно безусловно довѣряющій всѣмъ сообщеніямъ

Колеруса (ср. прим. 35 къ гл. 1), дѣлаетъ исключеніе въ данномъ случаѣ, когда онъ можетъ сослаться лишь на одно „on dit". Въ виду сердечныхъ отношеній, существовавшихъ между Спинозой и семьей живописца въ Павельёнсграхтѣ, остается совершенно непонятнымъ, зачѣмъ ему понадобилось обманывать своего хозяина, утверждая, что принцъ уже уѣхалъ, когда онъ прибылъ въ Утрехтъ. Къ сожалѣнію обширный трудъ герцога Омальскаго о родѣ Condé до сихъ поръ еще не настолько подвинулся, чтобы изъ него можно было почерпнуть разъясненія относительно пребыванія принца въ Голландіи. Если свиданіе полководца съ философомъ дѣйствительно имѣло мѣсто, то объ немъ несомнѣнно будетъ идти рѣчь въ упомянутомъ сочиненіи. Впредь до такого разъясненія остается въ силѣ заявленіе Спинозы фанъ-деръ-Спику, что свиданіе состоялось.

13. И этотъ случай, сообщенный Колерусомъ, получаетъ у v. d. Linde такое освѣщеніе, при которомъ онъ дѣлаетъ мало чести характеру Спинозы. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ словахъ Спинозы отзвукъ его негодованія противъ жестокаго обращенія съ братьями де-Виттъ, v. d. Linde видитъ въ нихъ лишь пустое хвастовство, отъ чего конечно можетъ получиться впечатлѣніе, будто развѣнчиваемый имъ мыслитель былъ трусомъ.

14. Joh. Ludw. Fabricius сынъ школьнаго учителя въ Шафгаузенѣ, родился 29 іюля 1632 г., изучалъ древніе языки и философію въ Кельнѣ и затѣмъ теологію въ Лейденѣ, гдѣ въ 1659 г. онъ получилъ степень доктора. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ мѣсто профессора систематической теологіи въ Гейдельбергѣ, откуда его заставили удалиться въ 1674 г. невзгоды тогдашней войны. Онъ умеръ въ 1696 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ.—Мы позволимъ себѣ исправить здѣсь свѣдѣнія, сообщаемыя Гинсбергомъ объ одномъ лицѣ по поводу цитированнаго нами письма. Спиноза долженъ былъ переслать свой отвѣтъ представителю курфюрста въ Гаагѣ, д-ру Гроціусу. О послѣднемъ на стр. 64 указателя лицъ у Гинсберга говорится, что это былъ Гуго Гроціусъ, умершій въ Ростокѣ въ 1645 г. Уже одинъ этотъ годъ смерти долженъ былъ бы возбудить недоумѣніе въ издателѣ, такъ какъ, вѣдь, рѣчь идетъ о

письмѣ, написанномъ въ 1673 г. Названное въ немъ лицо было вторымъ сыномъ знаменитаго Гуго де-Гроота. Имя этого сына было Pieter, онъ родился въ 1615 г., въ 1637 г. получилъ въ Лейденѣ степень доктора, съ 1648 г. былъ совѣтникомъ и резидентомъ курфюрста Карла Людвига Пфальцскаго и повидимому до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 80-хъ годахъ, занималъ эту должность, исполняя въ то же время и другія дипломатическія порученія. (По письменному сообщенію проф. Ланда въ Гаагѣ).

15. Ср. Allgem. deutsche Biographie, т. 15, статья о Карлѣ Людвигѣ Пфальцскомъ, стр. 329.

16. Отвѣтъ Спинозы отъ 30 марта 1673 г. (перев. Ауэрб. т. II, стр. 407).

17. См. выше прим. 14.

18. Bouillier, Hist. phil. cartés. т. I, стр. 402 и слѣд. Ср. выше прим. 34 къ гл. 2.

19. Профессоръ метафизики и этики въ Утрехтѣ.

20. Письмо отъ 2 іюня 1674 г.

21. Здѣсь переписка прерывается на 10 лѣтъ (ср. перев. Ауэрб. т. II, стр. 290), причемъ нѣтъ основаній предполагать, чтобы это объяснялось пропажей писемъ. Теолого-политическій трактатъ замѣтно охладилъ интересъ Ольденбурга къ Спинозѣ. Ольденбургъ принадлежалъ къ числу людей, которые при всемъ свободомысліи въ религіозныхъ вопросахъ и отвращеніи къ фанатизму, все же не хотятъ совершенно порвать съ вѣрой, какъ таковой.

22. Это намѣреніе было приведено въ исполненіе; объ немъ упоминается не только въ письмѣ къ Ольденбургу, написанномъ ранней осенью 1675 г., но и въ послѣднемъ изъ сохранившихся писемъ Спинозы. Въ началѣ нашего столѣтія въ Амстердамѣ былъ открытъ и опубликованъ такой экземпляръ теолого-политическаго трактата, снабженный примѣчаніями и объясненіями, написанными рукой самого Спинозы; 30 лѣтъ спустя другой такой же экзембылъ найденъ въ Кенигсбергѣ въ университетской библіотекѣ и также вышелъ въ печати.

23. Письмо Спинозы.

24. Письмо Спинозы.

25. Письмо Спинозы. Здѣсь надо исправить неточность,

допущенную Ауэрбахомъ при передачѣ латинскаго текста. У Спинозы встрѣчается, въ связи съ описаніемъ жестокостей религіозныхъ гоненій при герцогѣ Альбѣ, слово „parentes"; Ауэрбахъ переводитъ его словомъ „родители" вмѣсто „предки". Спиноза, которому въ 1675 г. было около 25 лѣтъ, никакъ не могъ быть *сыномъ* людей, пострадавшихъ за свои религіозныя убѣжденія отъ гоненій свирѣпаго Альбы, который уже въ 1573 г. былъ отозванъ изъ Голландіи.

26. Въ концѣ не разъ упоминавшагося отвѣтнаго письма. См. выше прим. 16 къ гл. 2.

27. Онъ родился 10 апрѣля 1651 г. въ Кёнигсвальде, въ Оберлаузицѣ и умеръ тамъ-же 10-го октября 1708 г.

28. Фактъ его переписки со Спинозой былъ установленъ фанъ-Флотеномъ. Самыя письма были опубликованы раньше, но безъ его подписи.

29. Подробности см. у Л. Штейна. Leibnitz und Spinoza. Berlin. 1890.

30. См. относящіяся сюда письма Спинозы.

31. Найденное позже письмо Спинозы отъ 18 ноября 1675 г.

32. Гл. 4 у Stein'a, op. cit.

33. Theodor Gomperz въ Вѣнѣ, въ № 43 берлинской еженедѣльной газеты депутата д-ра Барта „Die Nation" за 1888 г.

34. См. гл. 5 у Stein'a, op. cit.

35. Ср. Stein, op. cit, стр. 57. Относительно предупредительной воспріимчивости Лейбница ср. L. Feuerbach, Werke т. V стр. 26 и слѣд.

36. Ср. J. E. Horn, Spinozas Staatslehre zum ersten Male dargestellt Dresclen L. Ehlermann 2-е изд. 1863 г.

37. Ср. выше введеніе, стр. 10.

38. Tract. polit, гл. II § 11, § 15 и гл. V § 1—7. Также одно изъ писемъ Спинозы.

39. Письмо 72 изъ Гааги отъ 15 іюля 1676 г.

40. Передано дословно у Ауэрб. въ біограф. введеніи къ перев. соч. т. I, стр. XLI.

41. Ауэрбахъ, біограф. введеніе, стр. XLIV и переписка съ Як. Ауэрбахомъ т. II, стр. 358.

Глава пятая. 1) Colerus. изд. Saisset, стр. XXIV.

2. Saisset, Notice bibl. p. LIX.

3. Auerbach, Werke т. 6, стр. 224 и слѣд.

5. Ср. Этику IV, предл. 36 и схол. предл. 37.

6. Ср. Wahle, die geometrische Methode d. Spinoza. Wiener Sitzungsberichte, Phil. histor. Klasse, т. 116.

7. Ср. Th. Camerer. Die Lehre Spinozas. Stuttgart 1877, лучшій и самый надежный комментарій къ философіи Спинозы; ни одинъ изъ другихъ комментаторовъ не можетъ сравниться съ Camerer'омъ по точности передачи смысла и по объективности пониманія при изложеніи и оцѣнкѣ сочиненій Спинозы.

8. Особенно напр. въ Tract. theol. polit. гл. 2 и 5, а также и во многихъ другихъ мѣстахъ; кромѣ того въ извѣстномъ отвѣтномъ письмѣ Спинозы къ Исааку Оробіо.

9. Этика III, пред. 6, 7, 9.

10. Этика IV, опред. 8, предлож. 20 доказ.

11. Эт. III, предл. 11, 37 и заключительныя разсужденія въ той-же части.

12. Эт. III, заключительныя разсужденія и IV введеніе.

13. Эт. III, введеніе.

14. Эт. III, предл. 56 схол.

15. Эт. IV. предл. 63 и схол. 2.

16. Эт. IV, предл. 64, 66, 67; Эт. II, предл. 49, также королл. и схол.

17. Эт. IV, предл. 18, 35, 37. Tract. polit., гл. V § 2.

18. Эт. IV, предл. 63, схол. 1.

19. Эт. IV, предл. 59, 20, 22, 18, 56 схол. 46, 70, 72, 73.

20. Tract. polit. II cop. § 11.

21. Письмо къ Bleyenbergh'у.

22. Эт. II, предл. 29, 40.

23. Эт. I, приложеніе.

24. Эт. I, приложеніе.

25. Эт. II, предл. 7. 35, 43.

26. Эт. II, предл. 29, королл., предл. 44.

27. Эт. V. предл. 6, доказ. и предл. 29, королл.

28. Эт. IV, введеніе.

29. Эт. II, предл. 8, 10.

30. Эт. II, предл. 14, 15; I предл. 33, 34.

31. Эт. I, предл. 17 схол. Ср. Feuerbach, Werke т. V стр. 114, т. 6, стр. 44.
32. Эт. I, предл. 15.
33. Эт. предл. 21—25, приложеніе и письмо Спинозы.
34. Эт. I, предл. 15, схол.
35. Эт. I, предл. 28.
36. Эт. II, предл. 30, 32, 36.
37. Эт. II, предл. 11, 40. Письмо къ Ольденбургу Ауэрб. т. II. стр. 287.
38. Эт. V, предл. 36, схол., предл. 20, 42.
38. Эт. V, предл. 41 доказ. и схол.
40. Эт. IV, предл. 67.
41. Письмо къ И. Оробіо.
42. Эт. I, предл., 15.
43. Feuerbach, Werke, т. 4, стр. 375.
44. Ср. выше, стр. 77 и слѣд.
45. Tract. theol. polit., cop. 6.
46. Feuerbach, Werke. т. II, стр. 246.
47. Feuerbach, Werke, т. V. стр. 184.
48. Graetz, Gesch. d. Suden, т. X, стр. 185 и слѣд. Гретцъ не находитъ у Спинозы пониманія историческаго величія и считаетъ, что для него не существуетъ прогресса въ вѣчной смѣнѣ вѣковъ, а есть лишь постоянное скучное повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій, вѣчный застой человѣчества. Авторъ не замѣчаетъ при этомъ, что онъ предъявляетъ къ Спинозѣ требованіе, невозможное съ точки зрѣнія этого мыслителя. Совершенно вѣрно говоритъ поэтому Фейербахъ (Werke, т. V, стр. 39 и слѣд.): Философія Спинозы есть философія возвышеннаго. Спиноза все объединяетъ въ одной великой, нераздѣльной и гармонической мысли. Онъ астрономъ, который, не спуская глазъ, взираетъ на солнце Единства или Божества и, поглощенный этимъ величественнымъ зрѣлищемъ, теряетъ изъ виду землю, земные предметы и интересы, какъ нѣчто совершенно ничтожное. Онъ Коперникъ новой философіи. Божество является для него не солнцемъ Птоломея, а тѣмъ неподвижнымъ центромъ, вокругъ котораго совершенно несамостоятельно кружится земля, подобно мотыльку, который, очарованный и опьяненный, прелестью свѣта, порхаетъ вокругъ горящей свѣчи и наконецъ

бросается въ ея пламя, какъ будто онъ лишь акциденція этой свѣтящейся субстанціи. Въ глазахъ Спинозы различіе дня и ночи слишкомъ относительно и неважно, для того, чтобы на основаніи его заключать, что земля есть самостоятельный центръ, и напирать на ея движеніе вокругъ собственной оси, какъ на существенный и важный моментъ.

49. Ant. v. d. Linde въ біографическомъ введеніи къ его не разъ цитированной монографіи о Спинозѣ, стр. XXV и слѣд. и XXIX и слѣд. находитъ эту жизнь, столь многимъ внушавшую удивленіе, однообразной и безцвѣтной, отравленной скорбью, отъ которой этотъ мыслитель никогда не могъ исцѣлиться, и чувствомъ одиночества, неизбѣжнымъ въ томъ положеніи отверженнаго, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Это напоминаетъ слова Вольтера: pauvre juif déjudaisé qui eut le malheur de n'être pas né chrétien (бѣдный еврей, порвавшій съ еврействомъ и имѣвшій несчастье родиться нехристіаниномъ). Повидимому, для нѣкоторыхъ глазъ величіе Спинозы невидимо, потому что оно не освѣщено заревомъ костра.

50. Feuerbach, Werke, т. V, стр. 12 и слѣд.

Научный Читальный зал

Невская типографія. Шлисс. просп., № 15.

Естествознаніе.

М. ТИХВИНСКІЙ. Система и методъ современной химіи.

АРЧИБАЛЬДЪ. Жизнь земной атмосферы. Перев. съ англ.

Л. КРЖИВИЦКІЙ. Физическая антропологія. Перев. съ польскаго (при содѣйствіи автора) С. Д. Романовскаго-Романько

Философія и психологія.

ЛИХТЕНБЕРЖЕ. Нитцше и его философія.

ЛЕДДЪ. Очеркъ элементарной психологіи. Перев. съ англ. Н. Спиридонова.

Общественныя науки и исторія.

ГОБСОНЪ. „Безработица".

К. БРЕЙЗИГЪ. Общественное развитіе главнѣйшихъ западно-европейскихъ народовъ съ 1500 г.

В. КЛЕЙ. Чахотка, какъ соціальное явленіе. Пер. съ нѣм. съ дополненіями д-ра мед. А. Яроцкаго.

Новое изданіе сочиненій

Чарльза Дарвина.

Въ это изданіе, кромѣ двухъ томовъ, вышедшихъ въ 1896 году, войдутъ еще два дополнительныхъ тома.

Составъ новаго изданія:

Томъ I **Автобіографія Ч. Дарвина.** Пер. проф. **К. ТИМИРЯЗЕВА.**—**Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль.** Переводъ подъ редакціей профессора **А. БЕКЕТОВА.**—**Теорія происхожденія видовъ путемъ естественнаго отбора.** Перев. проф. **К. ТИМИРЯЗЕВА.**—Томъ II. **Происхожденіе человѣка и половой отборъ** Перев. проф. **И. СѢЧЕНОВА.**—**О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.** Переводъ подъ редакціей академика **А. О. КОВАЛЕВСКАГО.**—Томъ III. **Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія.** Переводъ **В. КОВАЛЕВСКАГО,** для новаго изданія переработанный профессоромъ **М. А. МЕНЗБИРОМЪ** и проф. **К. А. ТИМИРЯЗЕВЫМЪ.** — Томъ IV. **Приспособленіе орхидныхъ къ оплодотворенію насѣкомыми.** — **Лазящія растенія.** — **Насѣкомоядныя растенія.** Перев. подъ ред. проф. **К. А. ТИМИРЯЗЕВА.**—**Участіе дождевыхъ червей въ образованіи растительнаго слоя почвы**

Подписная цѣна на все изданіе **6** р., съ пересылкой **8** р.

Допускается разсрочка:

	Безъ пересылки:	Съ пересылкой:
1-ый взносъ	5 р.	6 р.
2-ой „	1 р.	2 р.
Итого	6 р.	8 р.

IV-й томъ высылается безплатно,

Желающіе подписаться только на 2 тома. (III-й и IV-й) вносятъ при первомъ взносѣ 2 р., при второмъ (по полученіи III-го тома) 1 руб., съ пересылкой 2 руб.

Вышли изъ печати первый и второй томы.

Цѣна. 4 р. 50 к.

ДЮРИНГЪ, Е. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Перев. съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1897. Стр. IV 551. Ц. 3 р. 50 к.

РЕМКЕ, І. Очеркъ исторіи философіи. Пособіе для самообразованія и для студентовъ. Перев. съ нѣм. Н. Лосскаго, подъ ред. Я. Колубовскаго. 340 стр. (Культ.-истор. Библ). Спб. 1898. Ц. 1р. 50 к.

СПЕНСЕРЪ, ГЕРБЕРТЪ. Происхожденіе науки. (The genesis of Science, изъ Essays, Vol. 2). Перев. съ англ. Спб. 1898 г. Стр. 97. Ц. 30 к.

ДЕМОРЪ, МАССАРЪ и ФАНДЕРФЕЛЬДЕ. Регресивная эволюція въ біологіи и соціологіи. Перев. съ франц. подъ ред. Д. Коропчевскаго и В. Фаусека. Спб. 98 г. Стр. 379. Ц. 1 р. 25 к.

НИТТИ, Ф. Народонаселеніе и общественный строй. Перев. съ франц. **О. Н. Поповой** подъ редакціей **Д. Коропчевскаго.** Спб. 1898 г. Стр. XXXII. 342. Цѣна 1 р. 25 к.

ТЭЙЛОРЪ, ЭДУАРДЪ Б. Первобытная культура. Изслѣдованіе развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ. 2-е изданіе, исправленное и дополненное по третьему англійскому изданію 1891, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго, въ 2-хъ томахъ. Спб. 1896 и 1897 гг. Стр. 374×472×XIII. Цѣна за оба тома 4 р.

ПРУГАВИНЪ, А. С. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Спб. 98. Ц. 3 р. 50 к.

Каталогъ дешевыхъ и общедоступныхъ книгъ. Составилъ **С. А. Ч.** До 3000 названій. Указаны одобрен. М. Н. Пр. Ц. 20 к. Высылается за 4 семи коп. марки.

РЕКЛЮ, Э. Земля. Описаніе жизни земнаго шара. Переводъ безъ пропусковЦ. съ послѣдняго французскаго изданія. въ за всѣ шесть вып. 6 р. 70 к.

Содержаніе: Вып. I. Земля какъ планета.—Горы и равнины. 2-е изд. Ц. 90 к.—Вып. II Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. 2-е изд. Ц. 1 р. 30 коп.—Вып. III (печат), Подземныя силы. (Вулканы, землетрясенія, поднятія и опусканія почвы.) Ц. 1 р. 10 к.—Вып. IV. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. V. Атмосфера. Ц. 1 р.—Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к. Стр. 230×813×214×235×221×261. Каждый выпускъ снабженъ многоч. рис. и географ. картами.

РЕКЛЮ, Э. Земля и люди. Всемірная географія.

Вып. I. **Швеція и Норвегія.** Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ 77 рис., съ прилож. очерка государствен. устройства и библіогр. указаніями. Спб. 1896 г. Стр. 252. Ц. 1 р.

Выпускъ II. **Бельгія и Голландія.** Полн. перев. съ франц. Пл. Краснова. Съ приложеніемъ очерка госуд. устройствъ обоихъ государствъ и статистическихъ свѣдѣній, относящихся до Бельгіи и Голландіи, сост. Д. Протопоповымъ, и библіограф. указателемъ, 67 рисунк. 9 чер. тежей. Спб. 1897. Стр. 325. Цѣна 1 р.

Вып. III. **Соединенные Штаты.** Часть первая. Перев. съ франц. подъ ред. Н. Березина. 70 рисунковъ и 12 схематическихъ картъ въ текстѣ. Спб. 1898 г. Стр. 382. Ц. 1 р. 50 к.

Вып. IV. **Соединенные Штаты.** Ч. II. Переводъ съ французъ. подъ ред. Н. Березина. Съ 41 рис. и 25 чертежами въ текстѣ. Приложенія: Очеркъ Государственнаго устройства, составленный Д. Протопоповымъ; библіографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ о Соединенныхъ Штатахъ и географическая карта. Спб. 99 г. Ц. 2 р.

Книжный магазинъ для иногороднихъ О. Н. ПОПОВОЙ.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 54, (библ. Черкесова).

Высылаетъ иногороднимъ всякаго рода книги и учебныя пособія, публикованныя въ періодическихъ изданіяхъ и каталогахъ другихъ фирмъ.

Принимаетъ подписку на всѣ періодическія изданія.

При требованіяхъ наложеннымъ платежемъ свыше 10 руб., необходимо представленіе задатка въ размѣрѣ четверти стоимости книгъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо точное обозначеніе названія книги, адреса заказчика и способа пересылки (почта, желѣзная дорога или транспортная контора).

Упаковка и пересылка за счетъ покупателей.

Каталогъ изданій и книжнаго магазина высылается по требованію безплатно.

Книгоиздательство и книжный магазинъ О. Н. ПОПОВОЙ

С.-Петербургъ, Невскій, 54.

Дозв. ценз. Спб., 9 Марта 1899 г. Тип. **Исидора Гольдберга**, Спб.

2007334106